

АРХЕОЛОГИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ

БАРНАУЛ
1994

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НИИ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ АГУ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ СО РАН

Археология Горного Алтая

Сборник научных статей

БАРНАУЛ • 1994

63.4(2Рос53 - 4Ан - 6Г/2УЗ

УДК 902.6

А 874

Редакционная коллегия:

д.и.н. Кирюшин Ю.Ф. (отв. редактор), д.и.н. Петрин В.Т., д.и.н. Бобров В.В.,
к.и.н. Кунгуров А.Л., Лузин С.Ю. (секретарь)

А 87 Археология Горного Алтая: Сборник научных статей. - Барнаул: Издательство АГУ, 1994. - 128 с. 82 илл.

Алтайский
Государственный
университет
БИБЛИОТЕКА
Изм. №

294233

ISBN 5-230-29777-8

Издательство Алтайского
государственного университета, 1994

В. Н. Владимиров, Н. Ф. Степанова

ИССЛЕДОВАНИЕ АФАНАСЬЕВСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА МЕТОДОМ АВТОМАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

Изучение афанасьевской культуры Горного Алтая продолжается более 100 лет, к настоящему времени выявлено около 70 памятников. Отмечая самобытность культуры и ее пришлый характер, исследователи во многом расходятся в определении ее истоков и исторических судеб, хронологии и периодизации. С накоплением нового материала одной из наиболее важных проблем становится проблема относительной хронологии культуры. Выделение двух хронологических групп — ранней и поздней — практически никем не оспаривается, хотя одни и те же могильники у разных исследователей попадают то в раннюю, то в позднюю группу [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7].

Особый интерес представляет наличие нескольких видов надмогильных сооружений, среди которых наиболее распространены два: кольца из вертикально поставленных плит (кромлехи) и кольца из горизонтально положенных камней и плит (ограды-стенки) [7, с. 50–53; 8, с. 57; 9, с. 30–32].

Возникает вопрос о соотношении указанных традиций с остальными элементами погребального обряда, непосредственно связанными с положением умершего, и возможным объяснении этих традиций. Большой интерес вызывает и возможность использования математических методов и компьютера в процессе работы с формализованным археологическим материалом, в частности, применение методов автоматической классификации. Эти вопросы и составили предмет исследования авторов, результаты которого изложены в ряде публикаций [10; 11], в том числе и в настоящей статье.

Мы отказались от попытки сравнивать могильники в целом. Прежде всего это связано с тем, что нет ни одного полностью раскопанного памятника, в ряде случаев исследовано 1–3 сооружения, что не позволяет составить полного представления о могильнике. Одним названием иногда обозначены фактически разные памятники (Ело 1, западная и восточная группы; Ело-Баши [9]). Разная степень изученности памятников, например, Нижний Тюмечин 1 (15 оград) и Каянча (1 ограда) [8; 12] затрудняет их сравнение. Поэтому более корректным нам представляется сравнение отдельных погребений.

Из полутора сотен погребений, известных нам по публикациям и отчетам, для анализа было отобрано 57. При отборе погребений мы не руководствовались какими-либо иными причинами, кроме более или менее четкого и достоверного описания в источниках погребений, не допускающего каких-либо серьезных разночтений в трактовке основных элементов погребального обряда. По этой причине мы были вынуждены исключить из анализа погребения, в которых не удалось определить характер надмогильной конструкции, наличие или отсутствие перекрытия, положение и ориентацию умерших и т. д. Поскольку нет оснований сомневаться в случайности подобного отбора, нам представляется, что выводы, сделанные на отобранном нами массиве погребений, в целом верно должны отражать действительное положение вещей. Пользуясь случаем, выражаем благодарность М. Т. Абдулганееву,

В. А. Посредникову, С. В. Цыбу за возможность использовать неопубликованный пока материал.

Для большинства могильников характерно какое-либо своеобразие в надмогильных конструкциях. Это затрудняет их сравнение. По-видимому, кроме оград из вертикально поставленных плит и оград из горизонтально положенных камней и плит существовали все же и насыпи, в частности, на Усть-Куюмском могильнике, м. 3, 13 [13, л. 100–105]. Кроме того, известно несколько объектов, на которых зафиксированы одновременно кольца из вертикально поставленных плит и горизонтально положенных камней и плит. Расположение колец относительно друг друга различно. Раскопано также несколько объектов, где вместо плит использованы валуны (Урмулык, п. 2 [14, с. 5, 15]). Можно перечислить еще целый ряд отличий, но тем не менее на большинстве объектов, не подвергшихся значительным разрушениям, можно выделить или кольцо из вертикально поставленных плит или валунов, или кольцо из горизонтально положенных плит и камней, или насыпь. Центральные сооружения внутри оград также разнообразны, но они подразделяются на 2 вида: каменная забутовка всего внутреннего пространства, как в Нижнем Тюмечине 1 о. 3 [8, рис. 1–3] и сооружения непосредственно над могилой, как в Нижнем Тюмечине 1 о. 6 [8, рис. 1–6].

Всего в качестве критерия для сравнения погребений был отобран 21 признак, включавший все основные элементы погребального обряда:

1. Насыпь;
2. Кольцо из горизонтально положенных камней и плит;
3. Кольцо из вертикально поставленных плит или валунов;
4. Каменная забутовка;
5. Центральное сооружение;
6. Перекрытие из каменных плит;
7. Перекрытие из дерева;
8. Отсутствие перекрытия;
9. Положение погребенного вытянуто на спине;
10. Положение погребенного скорчено на спине;
11. Положение погребенного на боку;
12. Ориентация на юго-запад;
13. Ориентация на запад;
14. Ориентация на северо-восток;
15. Ориентация на восток;
16. Наличие охры;
17. Плоскодонная керамика;
18. Остродонная керамика;
19. Круглодонная керамика;
20. Курильница;
21. Инвентарь.

Некоторые редко встречающиеся признаки (земляная насыпь, подбой и т. п.) не учитывались, поскольку их отсутствие в слишком большом числе погребений увеличивало сходство объектов по отсутствию признаков. Признаки в приводимой ниже таблице идут по порядку, начиная с первого. Каждый признак из общего списка кодировался в зависимости от его наличия (1) или отсутствия (0) в каждом конкретном погребении.

Ело 1 о. 1	0,1,0,0,0,0,0,1,0,1,0,0,0,1,0,1,1,0,0,0,1
Ело 1 о. 4	0,1,0,0,1,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,1,0,0,1
Ело 1 о. 3	0,0,1,0,1,0,1,0,0,0,1,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0
Ело-Баши 1 о. 1	0,0,1,0,1,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,1
Ело-Баши 1 о. 3	0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0
Ело-Баши 1 о. 6	0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,0,0,0
Ело-Баши 1 о. 5	0,0,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,1,1,1,0,0,0
Нижний Тيومечин 1 о. 2	0,0,1,1,0,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,1,0,0,1
Нижний Тيومечин 1 о. 3	0,0,1,1,0,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,0,0,0,0,0,1
Нижний Тيومечин 1 о. 6	0,0,1,0,1,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0,0,0,1,0,0,1
Нижний Тيومечин 1 о. 7	0,1,0,0,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0
Нижний Тيومечин 1 о. 9	0,0,1,0,1,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,0,0,1,0,0,1
Нижний Тيومечин 1 о. 10	0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0,1,1,0,1,0,0
Нижний Тيومечин 1 о. 11	0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0
Нижний Тيومечин 1 о. 13	0,0,1,0,0,1,0,0,0,0,1,1,0,0,0,1,0,1,0,0,1
Кара-Коба 1 о. 1	0,1,0,0,1,0,1,0,0,1,0,1,0,0,0,1,0,0,1,0,1
Кара-Коба 1 о. 2	0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,1,0,0,1
Кара-Коба 1 о. 8	0,0,1,0,0,1,0,0,0,0,1,0,0,1,0,0,1,1,0,0,0
Кара-Коба 1 о. 10	0,0,1,1,0,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,0,0,1,0,0,0
Кара-Коба 1 о. 11	0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,0,0,1,0,0,0,0,0,0,0
Первый Межелик 1 о. 1	0,0,1,0,1,1,0,0,0,0,1,0,1,0,0,1,0,1,1,0,1
Первый Межелик 1 о. 5	0,0,1,0,1,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,1,0,0,0
Первый Межелик 1 о. 12	0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,1,0,0,1
Первый Межелик 1 о. 6	0,1,1,0,0,0,0,1,0,1,0,0,1,0,0,1,0,1,0,0,0
Семисарт 2 о. 1	0,0,1,0,1,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,0,0,0,0,0,0
Нижний Тيومечин 4 о. 2	0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0,1,0,0,0,0,0
Теньга 4 о. 2	0,0,1,1,0,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,1,1,0,1,0,0
Кара-Коба о. 1	0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0,1,0,1,0,1,1
Урмулык 1 о. 2	0,1,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,0,0,0,0,0,0
Урмулык 1 о. 3	0,0,1,1,0,0,0,1,0,1,0,1,0,0,0,0,0,1,0,0,0
Усть-Куюм о. 3	1,0,0,0,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0
Усть-Куюм о. 5	0,0,1,0,1,0,0,1,0,0,1,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0
Бойтыгем 2 о. 1	0,1,1,0,0,0,0,1,0,1,0,0,0,0,1,1,0,0,1,1,0
Бойтыгем 2 о. 7	0,1,1,0,0,0,0,1,0,0,1,0,1,0,0,0,0,0,1,0,0
Бойтыгем 2 о. 9	0,1,0,0,1,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,1,1,0,1
Айрыдаш 1 о. 6	0,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0,0,0,0
Каракол о. 1	0,1,0,0,0,1,0,0,0,0,1,0,0,0,1,1,0,1,0,0,1
Большой Толгоек о. 15	0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0,0,0,0,1,0,0
Кызык-Телань 1 о. 31	0,1,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,1
Кызык-Телань 1 о. 33	0,1,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0,1,0,0,0,1,0,0,1
Кора-Кобы 1 о. 1	0,1,1,0,0,0,0,1,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0
Кора-Кобы 1 о. 6	0,1,0,0,1,1,0,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,0,0,1
Бике 2 о. 1	0,1,0,0,1,0,1,0,0,1,0,0,0,0,1,1,0,1,0,1,0
Бике 2 о. 2	0,1,0,0,1,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,1,0,0,0
Озерное 2 о. 1	0,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0,0,0
Арагол 1 о. 1	1,0,0,0,0,0,1,0,1,0,0,0,0,0,1,1,0,0,0,0,0
Теньга 2 о. 1	0,1,0,0,0,0,1,0,1,0,0,0,0,1,0,1,0,0,0,0,0
Кара-Су 2 о. 1	1,0,0,0,0,0,1,0,1,0,0,1,0,0,0,1,0,0,0,0,0

Пещеркин Лог 1 о. 1

0,1,0,0,0,1,1,0,0,1,0,0,0,1,0,1,1,0,0,0,1

Бике 2 о. 10 0,1,0,0,1,0,1,0,0,1,0,0,0,0,1,1,0,0,1,1,0

Ело 1 о. 2 0,0,1,0,1,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,1,0,1,0,0,0

Первый Межелик 1 о. 10 0,1,1,0,0,0,0,1,0,1,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,1

Первый Межелик 1 о. 9 0,0,1,1,0,0,0,1,0,1,0,1,0,0,0,1,0,1,1,0,1

Теньга 4 о. 1 0,0,1,1,0,0,1,0,0,1,0,1,0,0,0,1,0,1,0,0,0

Бойтыгем 2 о. 11 0,1,0,0,1,0,0,1,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,0,0,1

Бике 2 о. 35 0,1,0,0,1,0,0,1,0,1,0,0,0,0,1,0,0,0,0,0,0

Бике 2 о. 34 0,1,0,0,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,1,0,0,0,0,0

Полученная матрица дихотомических данных далее анализировалась с помощью программы QDC, осуществляющей автоматическую классификацию объектов на заданное число классов по заданным эталонам [15; 16]. Авторы статьи выражают глубокую благодарность заведующему Лабораторией исторической информатики МГУ в. н. с. Л.И. Бородину и сотрудникам этой лаборатории Е.Б. Беловой и В.В. Лазареву за возможность работать с оригинальным программным продуктом. К сожалению, рамки статьи не дают возможности привести все результаты, полученные в ходе исследования, поэтому мы остановимся только на центральном сюжете — выделении эталонных памятников.

В исследовании мы исходили из предположения, что во всем множестве афанасьевских погребений определяющими являются две традиции сооружения надмогильных конструкций — ограды из вертикально поставленных плит и ограды-стенки. В ходе работы с программой QDC было задано разделение материала на два класса, которые предполагались состоящими соответственно из оград-стенок и оград из вертикально поставленных плит. В качестве эталонов были выбраны типичные, на наш взгляд, погребения каждой традиции: для оград-стенок это о. 4 могильника Ело 1 и т. о. 1 могильника Кара-Коба 1; для оград-кромехов — о. 2 могильника Нижний Тيومечин 1 и о. 2 могильника Кара-Коба 1.

Классификация показала что свыше 80% объектов в каждом из двух классов составили однотипные конструкции — ограды-стенки и ограды из вертикально поставленных плит. Основная идея дальнейшего исследования заключалась в том, чтобы, используя возможности программы QDC, которая позволяет путем повышения порога принадлежности объектов к тому или иному классу выделять ядро и периферию, прийти к такому составу классов, который выражал бы обе тенденции в наиболее «чистом» виде. Иными словами, путем постепенного отсеивания менее характерных и смешанных объектов мы постепенно приходим к двум эталонным классам афанасьевских погребений. После этого анализировалось процентное соотношение различных признаков в каждом из эталонных классов, чтобы выяснить, соотносятся ли различные тенденции в сооружении надмогильных конструкций с различным характером перекрытия могильной ямы, ориентацией и положением погребенного, набором инвентаря и т. д. Порог последовательно повышался до уровня 33%, когда степень принадлежности каждого погребения к одному из двух классов составляла не менее 67%. Принадлежность на две трети к соответствующему классу мы считаем вполне достаточной для определения того или иного объекта как эталонного.

Таблица 1

Ограды из вертикально поставленных плит		Ограды-стенки
Ело-Баши 1/1	Кара-Коба 1/11	Ело 1/4
Ело-Баши 1/3	П. Межелик 1/1	Кара-Коба 1/1
Ело-Баши 1/6	П. Межелик 1/5	Бойтыгем 2/9
Ело-Баши 1/5	П. Межелик 1/12	Айрыдаш 1/6
Н. Тюмечин 1/2	Семисарт 2/1	Бике 2/1
Н. Тюмечин 1/3	Н. Тюмечин 4/2	Бике 2/2
Н. Тюмечин 1/6	Теньга 4/2	Теньга 2/1
Н. Тюмечин 1/10	К. Коба/1	Бике 2/10
Н. Тюмечин 1/11	Урмулык 1/3	Бойтыгем 2/11
Н. Тюмечин 1/13	Б. Толгоек/15	Бике 1/35
Кара-Коба 1/2	Озерное 2/1	Бике 1/34
Кара-Коба 1/8	П. Межелик 1/9	
Кара-Коба 1/10	Теньга 4/1	

Таких оказалось в группе оград-стенок 11, а в группе оград из вертикально поставленных плит — 26, иными словами, эталонные объекты составили около 65%, т. е. примерно две трети исходной совокупности. Интересно, что эталонные ограды-стенки составляют 56% от общего количества, а эталонные ограды из вертикально поставленных плит — 81% от всех подобных конструкций, что свидетельствует о большей монолитности второй группы по сравнению с первой. Нам представляется, что эталонные объекты каждой группы в наиболее чистом виде выражают те тенденции в развитии признаков, которые составляют основное содержание погребального обряда и отличают одну тенденцию от другой, несмотря на их безусловную и очень высокую смешанность между собой.

Анализ распределения признаков в каждой группе эталонных объектов показал, что обе группы существенно отличаются друг от друга. В таблице 2 исключен признак «насыпь», остальные признаки соответствуют признакам со 2 по 21 (см. выше). Нули и единицы обозначают соответственно наличие или отсутствие признака, встречаемость дается в процентах по отношению ко всей эталонной группе.

При этом ряд признаков характерен для обеих групп и представляет собой, на наш взгляд, те общие черты, которые присущи афанасьевскому погребальному обряду в целом: скорченное на спине положение костяка, ориентация преимущественно в западный сектор, окраска погребенного охрой, остродонная и круглодонная керамика, а также наличие примерно в трети случаев другого сопроводительного инвентаря. Вместе с тем ряд признаков является характерным для

Таблица 2

Ограды из вертикально поставленных плит				Ограды-стенки
Признак	Значение	Встречаемость	Значение	Встречаемость
стенка	0	100.00	1	100.00
верт.	1	100.00	0	100.00
забут.	0	73.08	0	100.00
-	1	26.92	-	-
центр.	0	80.77	0	27.27
-	1	19.23	1	72.73
плиты	0	15.38	0	100.00
-	1	84.62	-	-
дерево	0	92.31	0	18.18
-	1	7.69	1	81.82
без пер.	0	96.15	0	81.82
-	1	3.85	1	18.18
выпян.	0	100	0	90.91
-	-	-	1	9.09
скорч.	0	11.54	0	9.09
-	1	88.46	1	90.91
бок	0	88.46	0	100.00
-	1	11.54	-	-
ЮЗ	0	57.69	0	90.91
-	1	42.31	1	9.09
З	0	53.85	0	54.55
-	1	46.15	1	45.45
СВ	0	88.46	0	81.82
-	1	11.54	1	18.18
В	0	100.00	0	72.73
-	-	-	1	27.27
охра	0	30.77	0	9.09
-	1	69.23	1	90.91
плоск.	0	84.62	0	100.00
-	1	15.38	-	-
остр.	0	38.46	0	63.64
-	1	61.54	1	36.36
кругл.	0	76.92	0	72.73
-	1	23.08	1	27.27
курил.	0	96.15	0	90.91
-	1	3.85	1	9.09
инвент.	0	61.54	0	63.64
-	1	38.46	1	36.36

одной группы, отсутствуя или будучи слабо представленным в другой. Для первой группы это ограды-

стенки, центральное сооружение в ограде, перекрытие могильной ямы из дерева. Для второй — ограды из вертикально поставленных плит и перекрытие могилы из каменных плит. Кроме того, в первой группе встречаются признаки: вытянутое положение костяка и восточная ориентация, отсутствующие во второй; в которой, в свою очередь в сравнительно небольшом количестве встречаются признаки, отсутствующие в первой, — каменная забутовка, положение погребенного на боку, плоскодонная керамика. Очень интересно положение с ориентацией погребенных: в первой группе ориентация на юго-запад почти отсутствует, а во второй она становится преобладающей наряду с западной.

Наиболее реальными причинами отличий групп друг от друга представляются хронологические, либо этнографические. Для того, чтобы говорить о хронологических отличиях, необходимо выделить ранние и поздние признаки. До сих пор относительная датировка афанасьевских памятников Горного Алтая строилась на основании аналогий с близкими по времени, а возможно, и по происхождению, культурами (древнеямная), но, как правило, с сопредельных либо удаленных территорий — от Прибайкалья до Нижнего Поднепровья [1; 2; 3; 17]. Проведенные за последние годы исследования памятников эпохи энеолита и бронзы в Горном Алтае дают возможность сравнить афанасьевскую культуру с культурами, близкими не только по времени, но и территориально.

Ранными признаками обычно считают погребения, совершенные вытянуто на спине, групповые и однополюсные захоронения, сильную окраску охрой, безынвентарные погребения, сосуды с высоким венчиком, ориентацию на восток или северо-восток [2, с. 19–20; 23; 3, с. 38–41; 7, с. 53]. К поздним признакам относят погребения, совершенные на боку, снижение окраски охрой, плоскодонную керамику, иногда ориентацию на юго-запад [1, с. 58–59; 2, с. 31; 3, с. 41; 7, с. 53]. Остальные признаки разделяются исследователями на ранние и поздние в зависимости от преобладания их в соответствующих группах.

На наш взгляд, группа «ранних» признаков выглядит довольно неоднозначно. Наличие групповых или однополюсных парных захоронений, конечно, можно считать архаичным признаком, но нельзя преувеличивать его значение при датировке частично раскопанных могильников, относящихся к одной культуре. Отсутствие подобных захоронений на неисследованном полностью могильнике не может свидетельствовать в пользу большей молодости памятника. Безынвентарные погребения характерны для многих культур разных эпох, в том числе и эпохи раннего железа, а погребения без инвентаря, совершенные вытянуто на спине и обильно окрашенные охрой, характерны для каракольской культуры, датируемой эпохой бронзы [18, с. 57–59; 19, с. 15, 18–19; 20, с. 80–84; 21, с. 45–47]. Погребения из Арагола, Теньги 2 и Карасу 2 имеют большее сходство с каракольскими, нежели с афанасьевскими, хотя и не соответствуют первым полностью. Возможно, прав В. А. Могильников, датирующий могильники Теньга 2 и Карасу 2 эпохой бронзы [22, с. 26]. Таким образом, перечисленные признаки нельзя считать безусловно архаичными, а положение погребенного вытянуто на спине, скорее всего, не имеет отношения к традиционному комплексу афанасьевской культуры.

Термин «высокий венчик» требует специального уточнения. Высота афанасьевских венчиков из Горного Алтая колеблется от 0,5 до 5 см, а высота так

называемых «высоких» венчиков из Нижнего Поволжья (Бережновка 1, к. 5, п. 22; Быково 2, к. 2, п. 3) немногим более 1 см [2, с. 19; 23, с. 72, рис. 17–8; 24, с. 174, рис. 22–3]. Для древнеямной культуры Нижнего Поволжья подобные сосуды можно считать сосудами с высоким венчиком [25, рис. 12–15], однако надежность их как датирующего признака проблематична не только из-за весьма относительного сходства с афанасьевскими сосудами, но и из-за того, что в последние годы их датировка и культурная принадлежность пересмотрены [26; 27].

Обильную или полную окраску охрой, вероятно, можно считать ранним признаком. Косвенным подтверждением этому являются данные по окраске погребенных в афанасьевских памятниках Минусинской котловины, считающихся более поздними по сравнению с горноалтайскими [5, с. 164], что подтверждается и радиоуглеродными датами [28, с. 96; 29, с. 62 и др.]. На могильниках Афанасьевский, Подсуханыха, Малые Копены 2, Красный Яр, Тепсей 8, Черновая 6 и других прослеживается тенденция снижения окраски охрой погребенных по сравнению с горноалтайскими памятниками. В то же время для ранних памятников древнеямной культуры, с которой некоторые исследователи связывают происхождение афанасьевской [30, с. 100], характерна обильная окраска охрой [25, с. 45–54].

Фактически нет оснований считать архаичными признаками ориентацию умерших на восток и северо-восток, особенно после раскопок могильников Бике 1 и Бике 2, определенных авторами как позднеафанасьевские [6, с. 57–63; 31, с. 55–57].

Более надежными выглядят так называемые «поздние» признаки. Прежде всего это касается положения погребенного на боку. К аргументации С. В. Цыба [3, с. 41] по данному поводу можно добавить, что в Минусинской котловине умерших хоронили на боку и скорченно на спине с приблизительно одинаковой частотой. Этот признак может быть этнографическим и хронологическим одновременно.

Мнения исследователей по поводу плоскодонной керамики расходятся. С. В. Киселев считал Куроту 2 поздним памятником прежде всего из-за наличия плоскодонной керамики [1, с. 58–59]. В то же время М. Д. Хлобыстина считает Куроту 2 ранним памятником, хотя и отмечает неархаичный облик керамики [2, с. 23]. Тот факт, что для памятников эпохи бронзы Горного Алтая характерна плоскодонная керамика (могильники Озерное [20, с. 80], Улита [18, с. 59], поселение Малый Дуган [32, с. 74, 78, 81] и др.), наводит на мысль, что плоскодонная керамика у афанасьевцев — явление позднее. Это подтверждают и технологические исследования афанасьевской керамики, проведенные одним из авторов статьи. Плоскодонные сосуды составляют незначительный процент от общего количества афанасьевской посуды. С точки зрения изготовления плоского дна их можно разделить на две группы. Для первой (Нижний Тюмечин–1, о. 10, 14) характерно зарождение подобной традиции. Сосуды еще недостаточно устойчивы, чувствуется некоторая неуверенность мастера. Сосуды второй группы (Ело 1, о. 1 [9, рис. 3–6]; Курота 2 [1, табл. VI–18], Пещеркин Лог 1 [33], Ело-Баши, о. 5 [34, рис. 28]) изготавливали гончары, использовавшие не только другие технологические традиции, но и значительно более совершенные навыки, видимо, передававшиеся от поколения к поколению. Возможно, обе группы сосуществовали, но наличие разных технологических традиций, как правило, свидетельствует о

неоднородности населения [35, с. 58]. На наш взгляд, сосуды первой группы изготовлены афанасьевскими мастерами, вероятно, контактировавшими с носителями других технологических традиций, а сосуды второй группы — носителями других традиций, которые могли контактировать с афанасьевским населением. Небольшое количество плоскодонных сосудов у населения афанасьевской культуры, а также новые приемы в их изготовлении указывают на относительно позднее время их появления. Добавим, что для древнейшей культуры также отмечено появление плоскодонной керамики на поздних этапах [25, рис. 13–15]. Все это позволяет считать наличие плоскодонной керамики поздним признаком.

Остальные признаки пока трудно определить как хронологические, что отмечалось и другими исследователями [6, с. 86]. Вероятно, и надмогильная конструкция может быть чисто этнографическим признаком. В Минусинской котловине также известны сооружения обоих типов, однако в отличие от Горного Алтая преобладают ограды-стенки. Для древнейшей культуры надмогильные конструкции аналогичных типов (каменные заклады и ограды из вертикально поставленных плит) известны в Нижнем Поднепровье. Исследователи объясняют наличие разных традиций в их сооружении сложным этническим составом населения [36, с. 344–347].

В целом мы считаем, что пока невозможно предложить полную схему относительной хронологии афанасьевских памятников, но в то же время нельзя не отметить некоторых тенденций. В группе эталонных оград-стенок нет ни одного объекта с поздними признаками, да и для группы оград-стенок в целом поздние признаки прослежены только у шестой части оград. В то же время к ней относятся могильники Бике 1 и Бике 2, датируемые позднеафанасьевским временем [6, с. 57–63; 31, с. 55–57]. Для половины эталонных оград из вертикально поставленных плит, как и для многих объектов, не попавших в эталонную группу, характерно наличие поздних черт. Вероятнее всего, обе традиции сооружения надмогильных конструкций являются отражением этнографических различий оставившего их населения и существовали длительное время, о чем свидетельствуют изменения в погребальном обряде и инвентаре. В то же время, если сравнить памятники, на которых произведены относительно массовые раскопки, наибольшее количество поздних признаков отмечено на могильнике Нижний Тюмечин 1, меньшее — на могильниках Кара-Коба 1, Усть-Куюмском, Курота 2. Почти нет их на могильнике Первый Межелик 1. Нет поздних признаков на могильниках Ело-Баши о. 1, 2, 3, 6 (о. 4, 5 относятся к другим цепочкам, а точнее могильникам) и Айрыдаш 1. Остальные памятники, на которых раскопано до 3 объектов и на которых, например, есть плоскодонная керамика, можно отнести к поздним или к переходным от ранних к поздним.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.
2. Хлобыстина М. Д. Древнейшие могильники Горного Алтая// Советская археология. 1975. № 1. С. 17–33.
3. Цыб С. В. Ранняя группа афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры// Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 38–51.
4. Цыб С. В. Афанасьевская культура Алтая: Автореферат дисс. канд. ист. наук. Кемерово, 1984. 19 с.
5. Цыб С. В. Относительная хронология погребальных памятников афанасьевской культуры Южной Сибири//Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: Тез. докл. и сообщ. к научной конференции. Барнаул, 1988. С. 162–164.
6. Кубарев В. Д., Киреев С. М., Черемисин Д. В. Курганы урочища Бике//Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 43–95.
7. Степанова Н. Ф. К вопросу об относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая//Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. и сообщ. к всесоюзной научной конференции. Барнаул, 1991. С. 50–53.
8. Посредников В. А., Цыб С. В. Афанасьевский могильник Нижний Тюмечин 1//Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 4–10, 156–160.
9. Кирюшин Ю. Ф., Посредников В. А., Фирсов Л. В. Абсолютный возраст некоторых памятников неолита и бронзы Западной Сибири// Проблемы Западно-Сибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 28–32.
10. Владимиров В. Н., Степанова Н. Ф. О типологии афанасьевских погребений Алтая//Охрана и изучение культурного наследия Алтая: Тезисы научно-практической конференции. Ч. I. Барнаул, 1993. С. 84–86.
11. Vladimirov V. N. New Information Technologies in Historical Research and Education: The Siberian Experience// History and Computing in Eastern Europe. St. Katharinen, 1993. P. 31–38.
12. Казаков А. А. Новые материалы афанасьевской культуры со Средней Катунь//Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии: Материалы конференции. Горно-Алтайск, 1992. С. 33–34.
13. Архив ЛОИА. Ф. 42. Д. 92. № 109.
14. Суразаков А. С. Афанасьевские памятники Горного Алтая// Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 3–22.
15. Белова Е., Бородин Л. QDC: программа классификации нечисловых данных с учетом экспертного знания// Информационный бюллетень комиссии по применению количественных методов и ЭВМ в исторических исследованиях при отделении истории РАН и ассоциации «История и компьютер». 1993. № 8, март. С. 60–62.
16. Belova E. B., Lazarev V. V. Software for Historical Research. Specifics of Behaviour and Interface//The Art of Communication: VIII International AHC-Conference. Graz, Austria, August 24–27, 1993. Vienna, 1993. P. 97–100.
17. Руденко С. И. Погребение человека каменного века в Восточном Алтае//Природа. 1926. № 5–6. С. 108–109.
18. Мамадаков Ю. Т., Цыб С. В. К вопросу о периодизации бронзового века Центрального Алтая// Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. к всесоюзной научной конференции. Барнаул, 1991. С. 57–59.
19. Кубарев В. Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск, 1988. 172 с.
20. Погожева А. П., Кадиков Б. Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерное на Алтае//Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 80–84.

21. Кубарев В. Д., Ларин О. В., Суразаков А. С. Новый памятник каракольской культуры в с. Беш-Озек// Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии: Материалы конференции. Горно-Алтайск, 1992. С. 45–47.
22. Могильников В. А. Некоторые памятники эпохи раннего металла из Центрального Алтая// Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 3–22.
23. Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда// МИА. № 60. Т. 1. С. 178–181.
24. Смирнов К. Ф. Быковские курганы// МИА. № 78. С. 169–237.
25. Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974. 167 с.
26. Васильев И. Б., Габяшев Р. С. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья// Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, С. 3–23.
27. Васильев И. Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981. 129 с.
28. Ермолова Н. М., Марков Ю. Н. Датирование археологических образцов из могильников эпохи бронзы Южной Сибири// Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 95–98.
29. Вадецкая Э. Б. Афанасьевский могильник Красный Яр// Проблемы Западно-Сибирской археологии: Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 33–62.
30. Вадецкая Э. Б. Гипотеза происхождения афанасьевской культуры// Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 98–100.
31. Черемисин Д. В., Слюсаренко И. Ю. Раскопки на могильнике Бике в 1990 году// Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. к Всесоюзной научной конференции. Барнаул, 1991. С. 55–57.
32. Степанова Н. Ф. Поселение Малый Дуган — памятник эпохи бронзы Горного Алтая// Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 73–86.
33. Деревянко А. П., Молодин В. И., Маркин С. В. Археологические исследования на Алтае в 1986 г. (предварительные итоги советско-японской экспедиции): Препринт. Новосибирск, 1987. 76 с.
34. Вадецкая Э. Б. Сибирские курительницы// КСИА. Вып. 185. М., 1986. С. 50–59.
35. Бобринский А. А. Гончарная технология как источник информации о процессах смешения древнего населения: Тез. докл. советской делегации на IV международном конгрессе славянской археологии. София, сентябрь 1980. М., 1980. С. 57–59.
36. Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1985. 567 с.

Л. Н. Смердина, А. Р. Ким, Г. А. Кошкин

МЕЗИОЦИСТАЛЬНЫЕ РАЗМЕРЫ ЗУБОВ У БАЧАТСКИХ ТЕЛЕУТОВ (краниологический материал)

Изучение изолированных этнических групп представляет интерес с точки зрения познания механизма развития и наследственной передачи морфологических признаков различных систем человеческого организма.

В изолированных, ограниченных по размеру популяциях нарушается случайность выбора супружеских пар и, как следствие, возникает определенный уровень кровного родства [11], что в свою очередь ведет к интенсификации генетико-автоматических процессов в популяции и концентрации морфологических признаков и генетически обусловленных заболеваний [2].

Исключительно удобной морфологической основой подхода к анализу малых изолированных этнических групп с выраженным инбридингом является зубочелюстная система, так как с помощью определения концентрации одонтологических признаков можно выявить особенности этнической группы, уточнить некоторые этиологические вопросы и в конечном счете улучшить диагностику, профилактику и лечение заболеваний у представителей малой изолированной этнической группы.

К редкой этнической группе с резко выраженным инбридингом относятся бачатские телеуты, проживающие на территории Кемеровской области.

С целью изучения состояния зубочелюстной системы бачатских телеутов в историческом аспекте, в частности выяснение влияния мезиодистальных размеров зубов на формирование зубных рядов у современных телеутов, нами исследовалась краниологи-

ческая коллекция кабинета антропологии Томского государственного университета.

Краниологическая коллекция бачатских телеутов собрана в 1975 году А. Р. Кимом в результате раскопок заброшенного кладбища некрещенных телеутов конца XIX–начала XX в. в деревне Челухоево Беловского района Кемеровской области [5].

Материал и методика исследования

Анализ краниологических показателей проводился с предварительным распределением черепов по половому признаку, так как сравнение средних данных краниологических показателей показало достоверное различие между большинством показателей мужских и женских черепов. Для количественного выравнивания проводилось суммирование по обоим полам черепов с ортогнатическим прикусом с использованием средних поправок на половой диморфизм (Алексеев, Дебец, 1964).

На черепках измерялись мезиодистальные размеры сохранившихся зубов, ширина зубных дуг в области первых премоляров и первых моляров, ширина апикального базиса верхней и нижней челюстей.

Сравнение полученных данных между параметрами зубов, зубных рядов, апикального базиса у черепов с ортогнатическим прикусом и черепов с аномалиями положения зубов проводилось без деления по половому признаку, так как сравнение средних значений указанных параметров показало отсутствие достоверной разницы между мужскими и женскими черепами ($P > 0,05$).

Таблица 1

Сравнение мезиодистальных размеров зубов, ширины зубных рядов, ширины апикального базиса черепов телеутов с ортогнатическим прикусом и черепов с аномалиями положения зубов

	Параметры	Череп с ортогнатическим прикусом			Череп с аномалиями положения зубов			
зубы верхней челюсти	центральные резцы	7,96	0,38	0,120	8,80	0,32	0,074	0,001
	боковые резцы	6,23	0,67	0,123	7,01	0,46	0,098	0,001
	клыки	7,32	0,22	0,074	7,59	0,28	0,065	0,01
	первые премоляры	6,62	0,18	0,062	7,02	0,40	0,093	0,001
	вторые премоляры	6,24	0,28	0,095	6,54	0,33	0,072	0,01
	первые моляры	10,48	0,66	0,22	10,41	0,69	0,155	0,05
зубы нижней челюсти	центральные резцы	5,25	0,13	0,046	5,46	0,21	0,045	0,001
	боковые резцы	5,77	0,15	0,055	6,11	0,25	0,053	0,001
	клыки	6,48	0,25	0,085	6,77	0,42	0,091	0,05
	первые премоляры	6,46	0,23	0,078	6,77	0,44	0,094	0,01
	вторые премоляры	6,68	0,21	0,072	6,91	0,41	0,091	0,05
	первые моляры	10,68	0,62	0,208	11,06	0,66	0,152	0,05
ширина зубной дуги	в области 41 4 зубов	35,64	2,27	0,685	35,47	1,13	0,276	0,05
	в области 61 6 зубов	48,22	2,72	0,821	46,54	2,56	0,640	0,05
ширина апик. базиса	верхняя челюсть	38,23	1,56	0,450	39,24	1,56	0,403	0,05
	нижняя челюсть	32,59	1,43	0,430	32,84	1,67	0,394	0,05

Полученные данные обрабатывались вариационно-статистическим методом на электронно-вычислительной машине «НАИРИ-2» в кабинете вычислительной техники кафедры ортопедической стоматологии Кемеровского государственного медицинского института.

Результаты и их обсуждение

Аномалии зубочелюстной системы обнаружены у 41 черепа (74,5%).

Преобладающими аномалиями являются аномалии положения зубов при недостатке для них места в зубном ряду. Такие аномалии имеются у 37 черепов, что составляет 67,3% всех черепов и 90,2% среди черепов с аномалиями. Аномалии прикуса — у 4 черепов (7,2%).

Аномальное положение (в мужских и женских черепах) занимают только центральные и боковые резцы на верхней и нижней челюстях, которые располагаются вестибулярно, небно-язычно, с поворотом вокруг оси.

Последующая статистическая обработка указанных параметров выявила достоверное увеличение мезиодистальных размеров центральных и боковых резцов, клыков, первых и вторых премоляров на верхней и нижней челюстях у черепов с аномалиями положения зубов (табл. 1).

Увеличенные мезиодистальные размеры зубов приводят к значительному нарушению формирования зубных рядов (рис. 1).

Ширина зубной дуги в области первых премоляров, первых моляров, ширина апикального базиса верхней и нижней челюстей в сравниваемых группах не имеют достоверного различия ($P > 0,05$), что свидетельствует об отсутствии изменений со стороны ширины зубных дуг и апикального базиса у черепов с аномалиями положения зубов.

Анализ краниологических показателей не выявил достоверного различия краниологических показателей при ортогнатическом прикусе с показателями

Таблица 2

**Сравнение средних краниологических показателей черепов телеутов
(ортогнатический прикус с аномалиями положения зубов)**

Краниологические показатели	Ортогнатический прикус			Аномалии положения зубов			
11. Ширина основания черепа	122,0	5,45	1,091	121,2	6,38	1,77	0,05
43. Верхняя ширина лица	101,9	2,09	0,447	100,2	1,61	0,447	0,05
45. Скуловой диаметр	126,8	4,30	0,861	126,3	4,23	1,174	0,05
46. Средняя ширина лица	95,1	2,70	0,540	93,5	2,30	0,638	0,05
61. Ширина альвеолярной дуги верхней челюсти	62,2	2,74	0,599	62,0	3,11	0,985	0,05
63. Ширина неба	40,2	2,35	0,539	39,6	2,05	0,684	0,05
65. Мыщелковая ширина	114,9	6,22	1,269	114,6	5,63	1,563	0,05
66. Угловая ширина	96,0	6,39	1,332	95,4	5,41	1,632	0,05

Рис. 1. Череп женский (30-35 лет). Макроцентия $\begin{smallmatrix} 5432 & 2345 \\ 5432 & 2345 \end{smallmatrix}$ зубов; аномалии положения зубов II группы (небное положение 2|2 зубов, вестибулярное положение |1 зуба, тортоаномалия 2 $\begin{smallmatrix} 1 \\ 1 \end{smallmatrix}$ зубов)

при аномалиях положения зубов ни в группе мужских, ни в группе женских черепов ($P 0,05$), что свидетельствует об отсутствии изменений со стороны лицевого скелета при нарушении зубных рядов (табл. 2).

Отсутствие изменений лицевого скелета, ширины апикального базиса верхней и нижней челюстей, ширины зубных дуг, сочетающееся с увеличением мезиодистальных размеров зубов верхней и нижней челюстей (кроме первых моляров), позволяет утверждать о решающем значении размеров зубов в формировании зубных дуг телеутов.

Высокая частота аномалий положения зубов у черепов телеутов, обусловленная макродентией почти всех зубов, дает основание говорить о концентрации этого морфологического признака в этнической группе бачатских телеутов.

Заключение

Современные телеуты имеют высокую частоту аномалий зубочелюстной системы с преимущественным нарушением формирования зубных рядов, связанных с аномалиями положения зубов.

Аномалии положения зубов возникают за счет увеличенных мезиодистальных размеров зубов, являющихся решающим этиологическим фактором аномалий у телеутов.

Концентрация одонтологического признака в малой изолированной этнической группе с резко выраженным инбридингом является основанием для предположения о генетической природе данного признака.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алексеев В. П., Дебев Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
2. Дубинин Н. П. Общая генетика. М.: Наука, 1976. С. 590.
3. Зубов А. А. Этническая одонтология. М.: Наука, 1973. С. 200.
4. Этническая одонтология СССР/Под ред. А. А. Зубова, А. И. Халдеева. М.: Наука, 1979. С. 256.
5. Ким А. Р. Материалы к краниологии телеутов// Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978. С. 151–163.
6. Миргазизов М. З., Кошкин Г. А. О значении антропологии в стоматологии//Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1972. С. 162–166.
7. Пасков В. П. О некоторых результатах действия изоляции// Вопросы антропологии. 1967. Вып. 27. С. 32–44.
8. Рычков Ю. Г. Антропология и генетика изолированных популяций: Древние изоляты Памира. М.: Изд-во МГУ, 1969 а. 221 с.
9. Рычков Ю. Г. Некоторые популяционно-генетические подходы к антропологии Сибири//Вопросы антропологии. 1969 б. Вып. 33. С. 16–33.
10. Смердина Л. Н. Этнические аспекты зубочелюстных аномалий.//Профилактика, диагностика и лечение заболеваний человека. Кемерово, 1981. С. 515–518.
11. Таусик Т. Роль популяционной структуры в распределении генетической информации в популяциях. Автореф. канд. дисс. МГУ, 1975.

Н. Ф. Степанова, С. В. Неверов

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ВЕРХ-ЕЛАНДА II

Курганный могильник Верх-Еланда II открыт в 1983 г. М. Т. Абдуганеевым [1, с. 189]. Раскопки памятника проводились в 1987 г. Катунской археологической экспедицией Алтайского государственного университета [2, с. 120].

Могильник расположен за восточной окраиной с. Еланды Шебалинского района Горно-Алтайской а. о., у подножия горы, имеющей уклон с востока на запад, особенно в восточной части. Это отразилось на внешнем виде курганов: камни насыпей сместились на запад. Курганы хорошо задернованы. Камни, как правило, видны только с западной стороны, а с восточной границы насыпи не прослеживались или фиксировались очень слабо. Курганы расположены несколькими группами и в целом образуют цепочку, вытянутую с востока на запад (рис. 1). Раскопаны все 14 объектов, 13 из которых относятся к скифскому времени, а один — курган 10 — к VIII–X вв. н. э. [2, с. 121].

Курган 1 (рис. 2). Находится в северо-западной части могильника, на конусе выноса. Хорошо задернован. До раскопок выделялось кольцо из камней диаметром около 7–7,5 м, высотой 0,1–0,3 м. После зачистки объект представлял собой кольцо, сложенное из рваных камней, с внешним диаметром 7,25–8,5 м и внутренним — около 4 м. С севера, северо-северо-запада и востока насыпь ограничена вертикально стоящими плитами размерами до 0,9х0,5х0,3 м, 1,1х0,55х0,15 м.

Плиты, по-видимому, поддерживали сползавшие по склону камни из насыпи. По внешнему краю кольца камни лежали в один слой, по внутреннему — в два-три. В центральной части объекта они находились ниже верхнего слоя камней кольца в среднем на 0,5 м и располагались в один слой. В западной части объекта среди камней насыпи у бровки найдены обломки сосуда баночной формы. К северу от него, под камнями, выявлено погребение ребенка. Могильная яма не зафиксирована. Умерший был уложен на спину, с согнутыми в коленях ногами, головой на север. Сохранность костей плохая. Инвентаря не обнаружено.

Основная могила находилась в центре кургана под западной и имела подовальную форму со скругленными углами размерами 3,25х2,75 м. Ориентирована с северо-запада на юго-восток. Яма сильно сужается ко дну. На глубине 2,4 м (отсчет здесь и далее от 0 репера) ее размеры 2,0х2,1 м, а форма подпрямоугольная со скругленными углами. На этом уровне обнаружен развал глиняного сосуда (рис. 4–1) и нижняя челюсть животного. Глубина могилы — 3,7 м. Высота стенок от материка различна: восточной — 2,35 м, западной — 2,2 м. Могила сильно потревожена грабителями, в т. ч. и деревянный сруб, находившийся на дне ямы. По-видимому, он был сложен в два венца, но от верхнего остались только небольшие обломки дерева. Частично разрушен и нижний венец. Удалось проследить, что в

западном углу западное бревно перекрывало северное. Погребено два человека. Первоначальное положение костей сохранилось только в нескольких случаях. По ним удалось определить, что умершие были уложены на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на юго-восток. Из инвентаря сохранились фрагменты еще одного сосуда, форма которого не реконструирована. По весичку у него располагались напольные ушки.

Курган 2 (рис. 3-1, II). Находится в 2 м к юго-западу от кургана 1. Насыпь подпрямоугольной формы со скругленными углами. Ее максимальные размеры с севера на юг и запада на восток — 6,25х6,75 м. Сложена из рваных камней, уложенных по кругу горизонтально, наклонно и вертикально. По краям насыпи находились наиболее крупные камни, в центре — более мелкие. В целом объект «яловский»: камни лежали в один слой. В центре кургана они просели в могилу. Возле них, у восточного края могилы на глубине 0,65–0,7 м, располагался целый баночный сосуд, стоявший вверх дном. Он украшен жемчужником и явками (рис. 4-2). Могильная яма незначительно смещена к востоку от центра кургана. Она прямоугольной формы со скругленными углами. Ориентирована с северо-запада на юго-восток. Ее размеры на глубине 0,75–0,9 м — 2,3х1,9 м. Яма сужается ко дну до 2,05х1,5 м. Ее глубина — 2,05 м. Заполнена камнями. На дне могилы — деревянный «сруб». Дерево очень плохой сохранности. Вероятнее всего, «сруб» был сооружен из жердей или брусков, длина которых от 1,5 до 2,05 м, ширина 5–6 см. Длинные жерди уложены поверх коротких, а короткие на 5–10 см смещены от стенок могилы к центру. Погребено три человека. Умершие занимали 2/3 могилы. Все они уложены на правый бок с согнутыми в коленях ногами. Средний погребенный втиснут между крайними. Все они ориентированы головой на юго-юго-восток. Из инвентаря найдено два раздавленных глиняных сосуда (рис. 4-3, 4), один из которых со сливом, напольными ушками и валиком. Возле среднего погребенного находилось украшение из тонкого листового золота диаметром до 1,4 см (рис. 11-7). Кроме того, возле сосуда найдены позвонки барана.

Курган 3 (рис. 3-III, IV). Находится в 9 м к югу от кургана 2. Насыпь имела подпрямоугольную форму с наибольшими размерами с севера на юг и запада на восток — 4,75х5 м. Сложена из рваных камней и плит, уложенных горизонтально. Большая часть крупных плит располагалась в северном секторе. Какой-либо конструкции в расположении камней не прослеживалось. Они лежали в один-два слоя. Нижний слой состоял из более мелких камней, чем верхний. Могильная яма смещена от центра кургана к востоку. Прямоугольной формы со скругленными углами. Ориентирована с северо-запада на юго-восток. Ее размеры на глубине 0,9–1,15 м — 2,5х1,15 м. Она сужается ко дну до 2,1х0,85 м. Глубина ее — 2,3 м. Высота стенок от материка: восточной — 1,3 м, западной — 1,15 м. Дно имеет уклон на запад. Могилы оковтены деревянной рамой. Дерево очень плохой сохранности. Погребенный уложен на спину, ноги слегка согнуты в коленях. Головой ориентирован на юго-восток. Сохранность костей плохая. В восточном углу могилы располагался глиняный сосуд (рис. 9-1) и позвонки барана.

Курган 4. Находится в 1 м к юго-юго-востоку от кургана 3, самый южный на могильнике. Насыпь вытянута с северо-запада на юго-восток. Ее размеры 4,5х3,75 м. Сложена из рваных камней, лежащих в один-два слоя (в два слоя — мелкие). Оковтена

кольцами из вертикально поставленных плит и камней. Диаметр кольца — 3,6–3,7 м. Размер плит и камней до 75х40х25 см и 70х45х35 см. Могильная яма смещена от центра кургана к юго-востоку. Прямоугольной формы со скругленными углами, ее размер на глубине 0,6 м — 2,0х1,3 м. Ориентирована с северо-запада на юго-восток. Могилы сужаются ко дну до 1,7х0,95 м. Ее глубина — 2,65 м. Оковтена деревянной рамой (?). Сохранность дерева очень плохая. Погребено два человека. Один уложен вытянуто на спину, второй — на спину, но с согнутыми в коленях ногами, оба головой на юго-восток. Сохранность костей плохая. В восточном углу могилы находились два целых глиняных сосуда (рис. 9-2; 12-3) и позвонки барана.

Курган 5 (рис. 5). Находится в 14 м к юго-юго-востоку от кургана 1. Насыпь подовальной формы размерами 4,4х5,8 м. Сложена из рваных камней и плит. В восточной части прослежена западина без камней размерами 2х1,5 м, глубиной 0,15–0,2 м. Камни насыпи уложены в один-два слоя горизонтально, часть заглублена в гумусированную прослойку. Вертикальными стоящими камнями образовали овал, ориентированный с запада на восток размерами 4,6х4,2 м. Размер вертикально стоящих камней от 45х20х40 до 94х25х50 см. Могилы смещены к востоку от центра кургана. Они подовальной формы, на глубине 0,45 м размерами 2,0х1,4 м. Ориентирована с северо-запада на юго-восток. Яма сужалась ко дну. С глубины 1,15 м находились следы разрушенного перекрытия из плит, лежащих по краям могилы. Под плитами находились каменные ящики подчетырехугольной формы. Каждая стенка ящика состояла из одной вертикально или наклонно стоящей плиты, а юго-восточная — из двух параллельных. Углы заполнены небольшими плитками, которые соединили длинные и короткие стенки. Размеры ящика по дну между плитами — 1,2х0,6 м, глубина ящика — 0,45–0,5 м, а глубина могилы от соприкосновения дисков поверхности — 1,8 м. Погребено два человека. Захоронения сильно разрушены грабителями, инвентаря не сохранилось.

Курган 6 (рис. 6, 7-1). Находится в 2 м к северо-востоку от кургана 5. Насыпь подовальной формы размерами 6,1х5,6 м. Сложена преимущественно из крупных и мелких рваных камней, лежащих по краю насыпи в один, ближе к центру — в два слоя. В восточном секторе камни образовывали полукольцо. Могильная яма смещена от центра кургана к востоку. Прямоугольной формы со скругленными углами. Ориентирована с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Размер ямы — 2,3х1,3 м. Она сужается ко дну до 1,8х0,9 м. Глубина могилы — 2,05 м. Оковтена по дну деревянной рамой. Короткие бревна (?) находились между длинными. Погребен один человек, уложенный на спину с согнутыми в коленях ногами, головой на юго-восток. Кости очень плохой сохранности. В юго-восточном углу могилы находились глиняный сосуд (рис. 4-6) и позвонки барана, между фалангами пальцев правой руки виден небольшой бронзовый предмет (рис. 11-8).

Курганы 7–9 находятся рядом, в центральной части могильника и включены в общий раскоп. В результате установлено, что холмы курганов не перекрывали друг друга.

Курган 7. Насыпь округлой формы диаметром 4 м. Сложена из рваных камней. Крупные камни находились ближе к краю насыпи, но конструкции в их расположении не зафиксировано. По краю камни лежали в один слой, в центре — в два. Могильная яма смещена от центра кургана к северу. Подовальной

формы, ориентирована с северо-запада на юго-восток. Ее размеры 2,2х1,35 м. Сузилась ко дну до 1,75х0,95 м. Глубина ямы — 2,95 м. Погребен один человек у западной стенки могилы. Между ним и стенкой сохранились фрагменты деревянной плашки (?). Кости погребенного сдвинуты к стенке. Головой он ориентирован на юго-юго-восток (рис. 7-2). В юго-восточном углу находились два глиняных сосуда (рис. 12-1, 2) и позвонки барана. Дно, в отличие от остальных могил, было из плотной глины.

Курган 8. Насыпь частично разрушена. Ее сохранившаяся часть размерами 5,2х5,0 м, сложена из рваных камней, лежавших в один слой. Могильная яма ориентирована с северо-востока на юго-запад. Ее размеры — 2х1,3 м. Сужалась ко дну до 1,8х1,0 м. Глубина от современной дневной поверхности — 2,55 м. Могилы разрушена. По контуру ямы прослежен древесный тлен. По-видимому, погребенный был ориентирован головой на юго-восток. Из инвентаря сохранились фрагменты глиняного сосуда с налепными ушками, два железных ножа, бронзовое кольцо.

Курган 9 (рис. 7-III). В насыпи, среди камней, в трех местах отмечены скопления фрагментов неорнаментированной керамики от разных сосудов. Насыпь прямоугольной формы, вытянута с севера на юг. Ее наибольшие размеры — 4,8х4,6 м. Сложена из рваных камней. Крупные камни располагались в основном по краю насыпи в один слой, ближе к центру — в два. Могильная яма смещена к востоку от центра кургана. Она ориентирована с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Ее размеры 1,9х1,1 м. На дне могилы (на глубине 1,7 м) сооружен четырехугольный каменный ящик. Длинные стенки сложены из двух плит каждая, короткие — из одной. Высота плит до 0,35–0,4 м. Размеры ящика между плитами — 1,35х0,61 м. Погребено два человека: взрослый и ребенок. Захоронения потревожены. Взрослый уложен на правый бок с согнутыми в коленях ногами головой на юг. Ребенок лежал, вероятно, в такой же позе, головой на юг (рис. 6-3). У восточной стенки найдены позвонки барана и глиняный сосуд с четырьмя ушками (рис. 4-5), а также миниатюрный бронзовый чекан, нож, кинжал (рис. 8-2, 4, 5).

Курган 12. Находится в 13 м к востоку от кургана 9. Насыпь вытянута с востока на запад. Ее наибольшие размеры 6,65х5,8 м. Сложена из рваного камня. Много крупных камней. В восточной части объекта западина размерами 1,9х1,6 м, глубина 0,2 м. Камни лежали в основном в один слой. Могильная яма располагалась под западиной. Яма ориентирована с севера на юг. Ее первоначальные размеры 1,8х1,1 м, по дну — 1,65х0,95 м. Глубина — 2,1 м. По контуру могилы на дне зафиксированы остатки дерева очень плохой сохранности. Погребены взрослый и ребенок. Взрослый уложен на спину с согнутыми в коленях ногами, головой на юг. Кости ребенка потревожены. Удалось только определить, что головой он ориентирован на юг (рис. 7-IV). Все кости очень плохой сохранности. В юго-восточном углу находились остатки сосуда с налепными ушками слабого обжига, к северо-востоку от него найден миниатюрный бронзовый нож (рис. 11-4).

Курган 11 (рис. 10-1, II). Находится в 19 м к востоку от кургана 12. Насыпь вытянута с северо-востока на юго-запад на 5,75 м, с севера на юг — 5,25 м, с запада на восток — 5 м. Сложена из рваных камней и плит, уложенных по кругу по краю насыпи в один слой, ближе к центру — в два. Могильная яма ориентирована с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Ее первоначальные

размеры 2,6х1,45 м, по дну — 2,1х0,9 м. Глубина — 2,25 м. На дне находилась деревянная рама. Дерево плохой сохранности. Погребены два человека. Западный погребенный частично перекрыт деревянной плашкой. Оба умерших были уложены на правый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на юг. Сохранность костей плохая. В юго-восточном углу могилы располагались два сосуда: высокий — с четырьмя ушками, низкий — с двумя (рис. 9-3, 5). У одного из погребенных между тазовыми и бедренными костями находилось бронзовое зеркало (рис. 8-3).

Курган 13 (рис. 10-III). Крайний в цепочке, находится в 12 м к востоку от кургана 10. Насыпь округливается горизонтально и вертикально стоящими камнями и плитами. С западной стороны они лежали двумя полукругами. Насыпь округлой формы размерами 5,5х5,75 м. Сложена из рваных камней и плит, которые уложены преимущественно в один слой. В северо-восточной части кургана камней не было. Почти в центре объекта среди камней обнаружено скопление фрагментов керамики от 5-6 сосудов (рис. 4-7; 9-4, 7). Некоторые сосуды орнаментированы (елочка и зигзаг). Могильная яма смещена к востоку от центра кургана. Она ориентирована с северо-запада на юго-восток. Ее первоначальные размеры — 2,5х1,5 м, по дну — 1,8х1,0 м. Глубина — 2,65 м. Вдоль стенок могилы по дну сохранились остатки дерева. Погребен один человек, уложенный на правый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на юго-восток. В могиле, очевидно, находились 2 глиняных сосуда, один из них с ушками и налепным валиком, 2 бронзовых зеркала с ручками (рис. 11-1; 8-1), два шила и бляшка (рис. 11-2, 3, 6).

Курган 14 (рис. 10-IV). Расположен в 20 м к северу от кургана 13. Насыпь округлой формы диаметром 4,8 м. Камни лежали в один слой. В центре объекта их не было. Могильная яма зафиксирована в центральной части кургана. Она ориентирована с северо-востока на юго-запад. Ее первоначальные размеры 3,3х2,9 м, по дну — 2,9х2,4 м. Глубина — 3,52 м. Погребены два человека и лошадь, которая была уложена у восточной стенки на левом боку с согнутыми ногами, головой на юго-восток. Умершие, по-видимому, были уложены на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на юго-восток. Кости очень плохой сохранности. Между головами лошади и человека находились развалы двух глиняных сосудов и железный кольчатый нож (рис. 11-9). Оба сосуда с ушками (рис. 9-6; 12-4); у одного — налепной валик, у второго — несколько дырочек на тулове. Один из них очень слабого обжига.

Могильник Верх-Еланда 2 выделяется среди памятников скифского времени в Горном Алтае в первую очередь расположением курганов. Для скифских памятников характерно расположение курганов цепочками с севера на юг [3, табл. 1, 2]. Иные ориентации цепочек встречаются как исключение из правил, например, на Кайнду — с северо-северо-востока на юго-юго-запад и северо-востока на юго-запад [4, с. 242, 243]. На могильнике Верх-Еланда 2 выделяются цепочка курганов 5-13, расположенных с востока на запад, и микроцепочка курганов 1-4, ориентированных с севера на юг (рис. 1). Вторая отличительная черта памятника — ориентация погребенных головой на юг, юго-юго-восток и юго-восток, в то время как на других памятниках умершие обычно ориентированы головой на восток, реже на северо-востоко-восток, запад, северо-запад [3, табл. 1, 2; 4, с. 242-270]. Ориентация на

юго-восток встречается редко, в частности, на могильниках Дяляна — к. 15, 16 [5, с. 66], Ташанта 1 — к. 1, 2 [6, с. 195, 197], Кайнду — к. 42, 18, 16 [4, с. 246, 263], Белый Бом 2 — к. 61 [7, с. 98]; на юго-юго-восток и юг на могильниках Белый Бом 2 — к. 28 [7, с. 98], Айрыдаш III — к. 1, 3, 5, 6, 7, 8 [18, с. 210–221]. Своеобразна и конструкция надмогильных сооружений на Верх. Еланде 2. В нескольких случаях прослежены под насыпями кольца или дуги из вертикально поставленных плит, иногда заглубленных в материк, тогда как на других памятниках крепиды составлены из крупных камней (валунов или глыб) или отсутствуют вообще.

В могильных ямах на Верх. Еланде 2 прослежено 3 типа конструкций: 1) остатки срубов до двух венцов; 2) рамы из плашек или жердей, уложенных в один венец, на одном уровне впритык, не перекрывая друг друга; 3) каменные ящики. Срубы и каменные ящики часто встречаются в скифских могилах в Горном Алтае [3, табл. 1, 2]. Деревянные рамы, безусловно, зафиксированы на Кайнду — к. 40, 41, 42, 1, 3, 5, 6, 13, 18 [4, с. 242–270] и, по-видимому, были и на других памятниках, в частности, на Бике 1 — к. 5, 6 [9, с. 51, 53] и Айрыдаше III — к. 2 [8, с. 213–214].

Отличается от других памятников Верх. Еланда 2 и тем, что только в 6 из 13 могил похоронено по одному человеку. Только на Боротале III в трех из шести — одиночные захоронения [10, с. 180–191] и Бураты IV из трех в одной могиле одиночное захоронение [11, с. 90–109]. Но на Бураты IV это может быть и случайной выборкой. Обычно в скифских могильниках преобладают одиночные захоронения.

Несмотря на то, что большинство курганов не тронуты, в них мало инвентаря, который, в основном, представлен глиняными сосудами. Керамика найдена и в насыпях, и в могилах. Сосуды из насыпей и могил различаются по всем признакам. В насыпях найдены преимущественно баночные сосуды. За исключением одного, из кургана 2, они сохранились в обломках и полностью не восстанавливаются.

Аналогий в Горном Алтае им пока известно мало, в частности, в могильнике Бийке 1 — к. 1 [12, с. 67–69]. Наибольшее сходство они имеют с керамикой более северных территорий бийского и березовского этапов [13]. В насыпи кургана 13 найдены фрагменты от нескольких профилированных горшков и одного небольшого цилиндрического сосуда. Подобный цилиндрический сосуд найден на поселении Майма I [14, с. 182]. Два сосуда, орнаментированные прочерченными линиями в виде зигзага, имеют аналогии по орнаменту в Бике 1 — к. 2 [9, с. 46].

Керамика из могил по формам также имеет аналогии. Сосуды из курганов 2 и 3 похожи на сосуд из Кайнду — к. 2 [4, с. 248]. По форме их можно сравнить и с керамикой из Алферовского могильника [15, с. 121]. Имеют сходство сосуды из кургана 6 и из Кайнду — к. 5 [4, с. 248], Дяляна — к. 15 (5); из кургана 7 Верх. Еланды 2 и Кара-Кобы II — к. 5 [16, с. 73]. Сосуды со сливом, а вдобавок еще и с ушками и валиком встречаются редко. Фрагменты сосуда со сливом и ушками найдены в Кызыл-Джаре III — к. 1 [17, с. 63]. Пожалуй, ни на одном могильнике в Горном Алтае нет такого количества керамики с налепными ушками: из 19 сосудов — 10 с ушками, 4 — с валиком и ушками одновременно. Глиняных сосудов с налепными валиками к настоящему времени в Горном Алтае найдено много, например, Кок-Су I — к. 25 [18, с. 73]; Усть-Кожово [19, с. 93], Уландрыке II — к. 7, 11; Уландрыке I — к. 1, 3, 14 [6, с. 205, 209, 228 и др.]; Кастакте — к. 28 [20, с. 181]; Кызыл-Джаре I — к. 2, 6 [21,

с. 27]; Ташанте IV — к. 4 [6, с. 296] и др. Сосуды с налепными ушками также встречаются в скифских могилах, хотя и реже, чем с валиками, в частности, на могильниках Кайнду [4, с. 254]; Кара-Коба II — к. 1, 3 [16, с. 4]; Талдур а I — к. 4 [22, с. 105]; Бике 1 — к. 5, 8, 2, 1 [9, с. 45, 46, 52, 55]; Айрыдаше II — к. 1 [8, с. 212]; Уландрыке I — к. 5 [6, с. 213]. Сосуды, имеющие одновременно валик и ушки, находят еще реже: они известны в могильниках Уландрык II — к. 11, 5 [6, с. 243, 254]; Катонском — к. 14 [23, с. 53].

Ушек на сосудах может быть либо два, либо четыре. Они располагаются на венчике, шейке или тулове. На керамике из Верх-Еланды 2 их также бывает от двух до четырех, но налепливались они только на венчик и шейку. По налепу они делятся на два типа. Тип 1 — ушки, полученные в результате налеха жгута длинной стороной вокруг отверстия на сосудах (рис. 4–4; 9–3, 5, 7); тип 2 — ушко, полученное в результате налеха жгута основаниями на сосудах. Отверстие в таких случаях образовано жгутом (рис. 4–5). В Верх. Еланде 2 в 9-ти случаях зафиксированы ушки типа 1 и в одном — типа 2. Аналогии типу 1 есть на сосудах из могильников Уландрык II — к. 5; Талдур а I — к. 4; Кызыл-Джар III — к. 1; Катонском — к. 2, 14; Айрыдаше III — к. 1. Аналогии типу 2 известны из могильников Кара-Коба II — к. 1, 3; Кайнду — к. 13; Бике 1 — к. 1, 2, 5. Два типа ушек свидетельствуют о двух технологических традициях их изготовления.

Разные технологические традиции прослеживаются и в рецептах формовочных масс, обработке поверхностей, обжиге. Даже предварительный анализ позволяет установить, что по искусственно введенным минеральным примесям в формовочную массу особо выделяется сосуд из кургана 9, т. е. тот же сосуд, что имеет ушки типа 2.

Разные технологические традиции свидетельствуют, как правило, о том, что сосуды изготовлены разными гончарами, представляющими разное население [24]. Интересно, что для кургана 9 зафиксирован еще один нетипичный для данного памятника признак — погребение в каменном ящике. На могильнике каменные ящики были только в двух случаях из 13-ти. По-видимому, сочетание этих признаков не случайно.

Имеет аналогии и остальной инвентарь. Бронзовое зеркало из кургана 11 — плоский диск диаметром 6,2 см, с боковой ручкой в виде трапеции, расширяющейся от диска, с треугольной прорезью в петле. Ручка — одно целое с диском. Имеет наибольшее сходство с зеркалами из могильников Юстыд XII — к. 3, 4 [25, с. 133]; Джолин I — к. 1 [25, т. LXXI–I] и Узунтал III — к. 3 [26, с. 49], датируемые авторами V–III вв. до н. э.

Бронзовые зеркала из кургана 13 — массивные диски диаметрами 10,5–10,7 см с центральными ручками в виде кнопок на трех и четырех ножках. Диск зеркала с ручкой на трех ножках слегка вогнут. Высота ручки до 2,5 см, высота ручки второго зеркала до 1,7 см. Кнопка у этого изделия имеет подчетырехугольную форму, а у трехножного зеркала — она скорее аморфная. Наиболее близкие аналогии им известны в могильниках Кок-Су I — к. 30 [18, с. 74, 85, 89], и из Чистоостровского — к. 1 и раскопок А. В. Адрианова, вероятно на Илюсе [27, с. 84, т. 21–6, 7]. Авторы датируют подобные зеркала с IV по III вв. до н. э., но чаще VI–IV вв. до н. э. В нашем случае зеркала более массивные, возможно, и более раннего происхождения.

Бронзовому ножу из кургана 12 имеются аналогии в Кок-Су I — к. 18 [18, с. 70] и Юстыде XII — к. 9 [25, т. XXVIII], миниатюрному ножу из кургана 9 — относительные аналогии в Кайнду [4], Тыткескене 6 [28, р. 2–16].

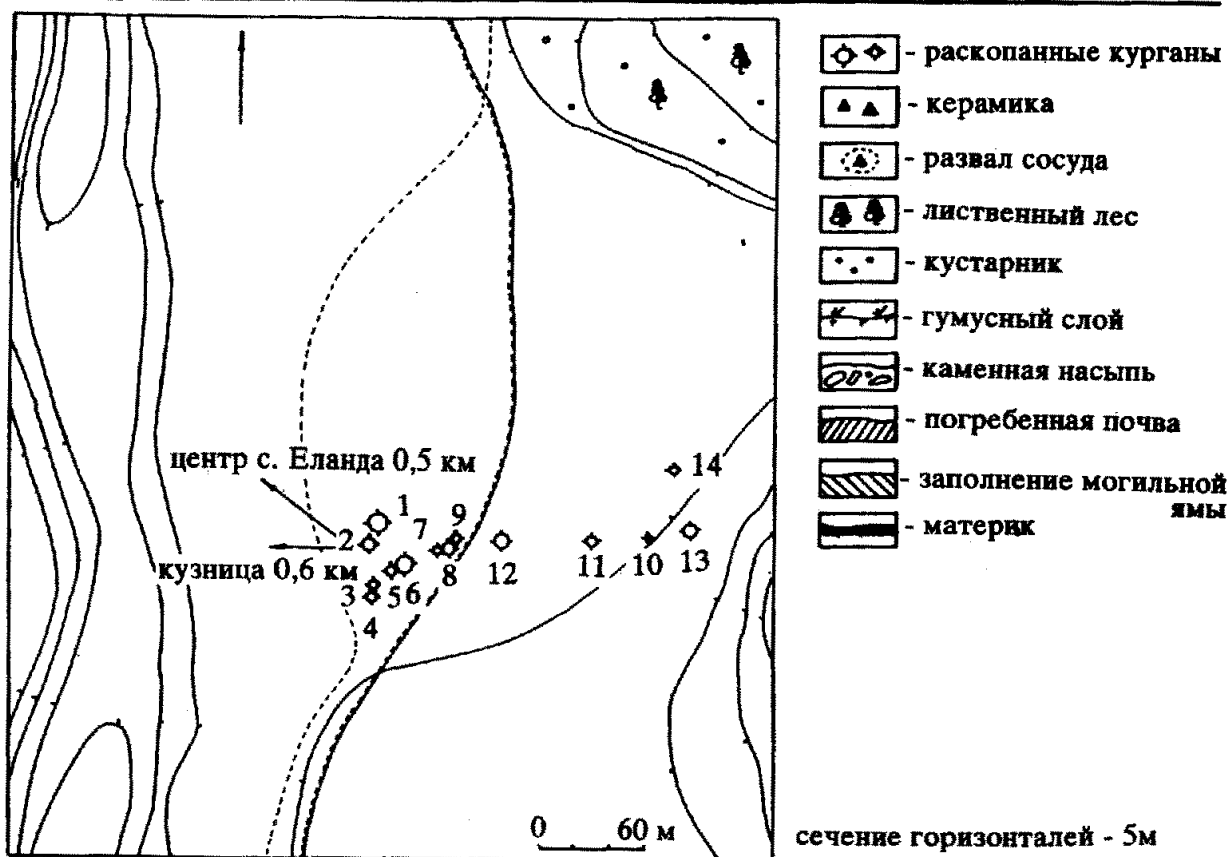

Рис 1. Курганный могильник Верхняя Еланда-2

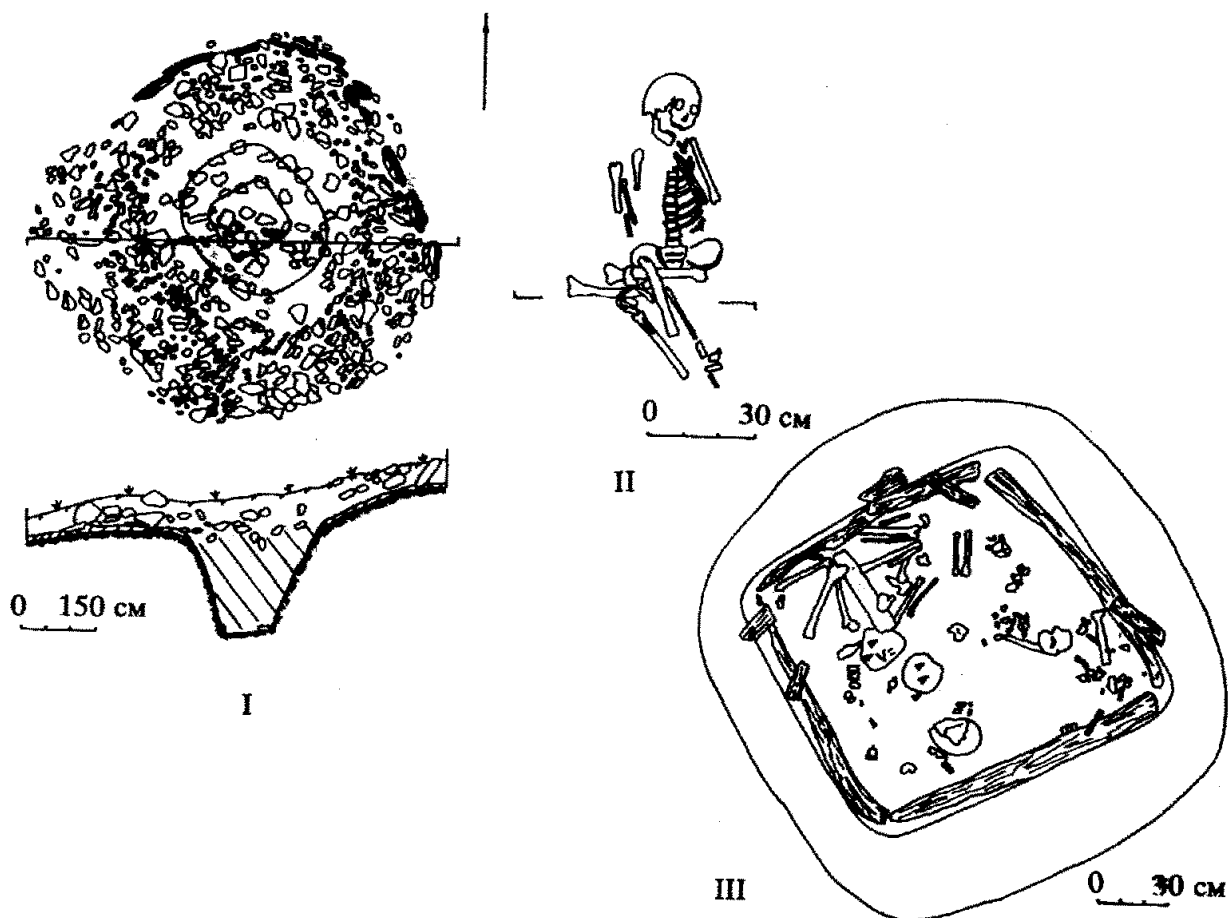

Рис. 2. План и разрез кургана № 1(1), план погребения № 2 (II) и погребения № 1(III) кургана № 1

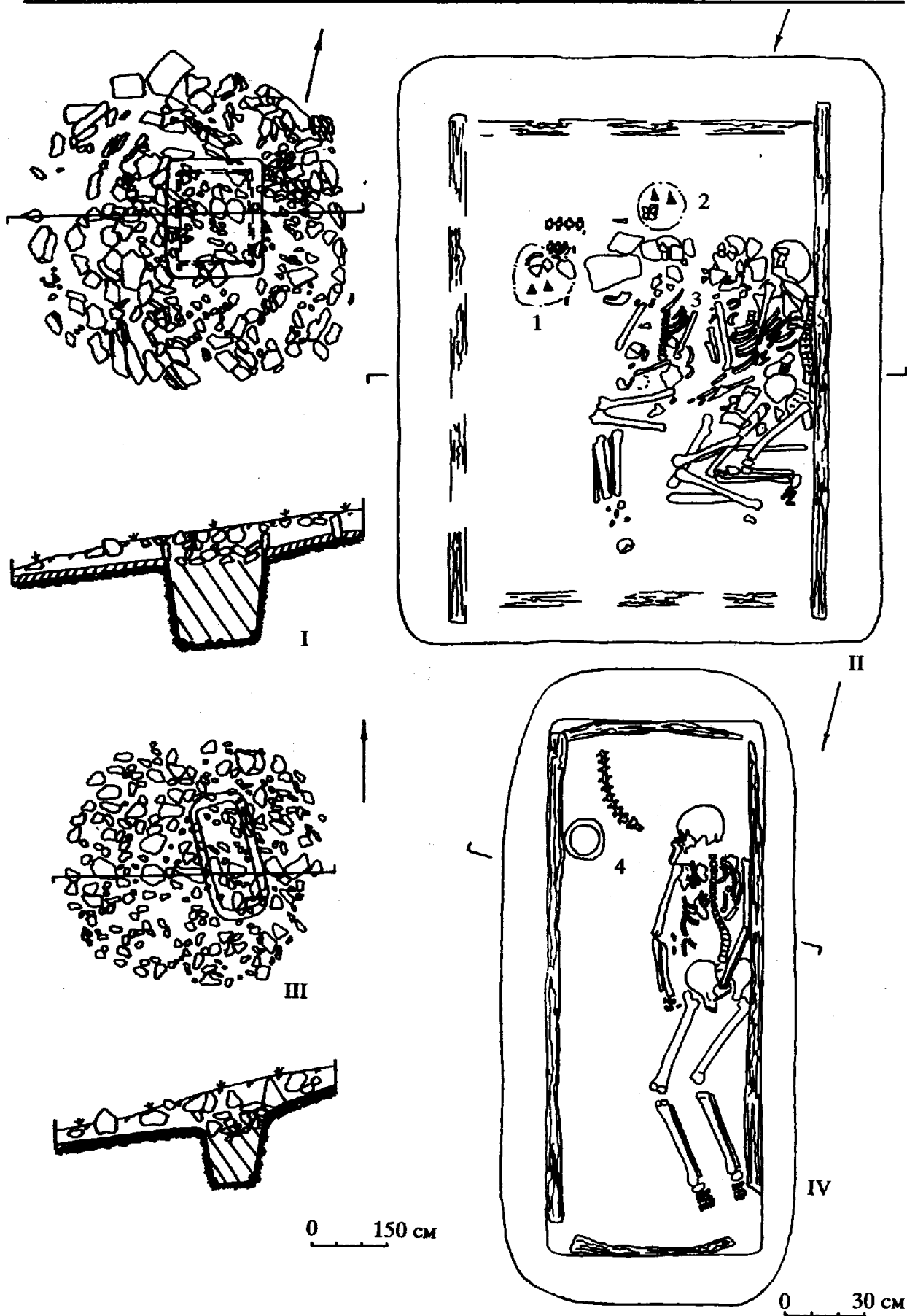

Рис. 3. Планы и разрезы курганов № 2(I) и 3(III), планы погребения кургана № 2(II) и 3(IV).
1, 2, 4, 5 - глиняные сосуды; 3 - золотое украшение

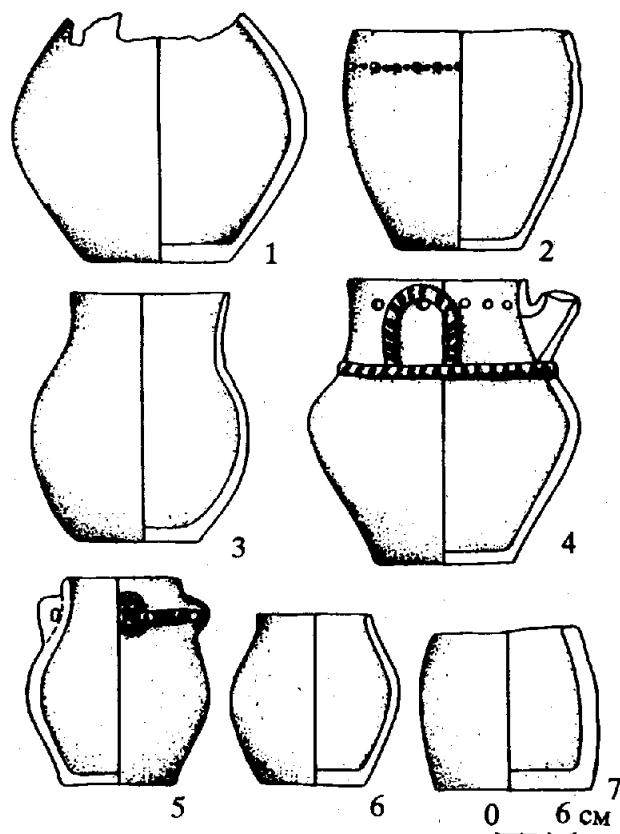

Рис. 4. Глиняные сосуды из курганов № 1(1), № 2(2, 3, 4), № 9(5), № 6(6), № 13(7)

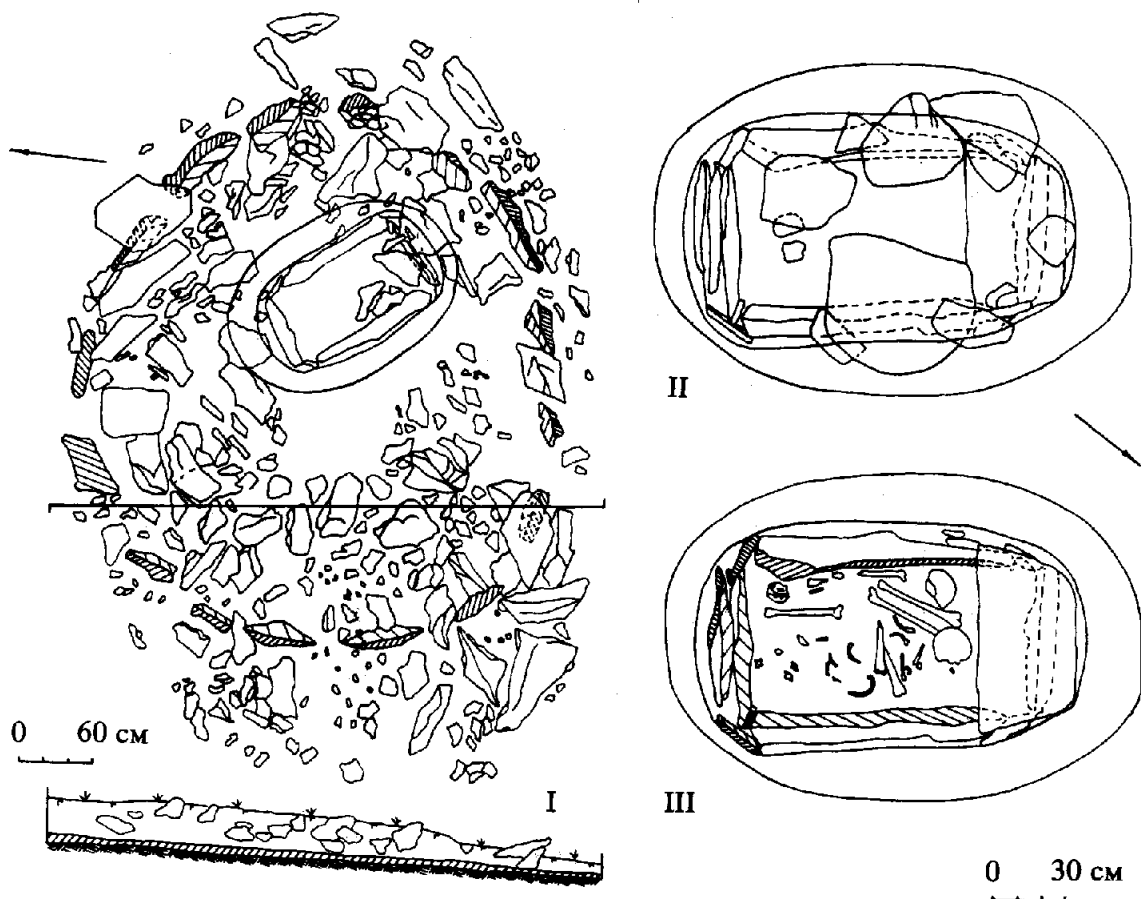

Рис. 5. План и разрез кургана № 5(1), план перекрытия (II) и погребения в каменном ящике (III) кургана № 5

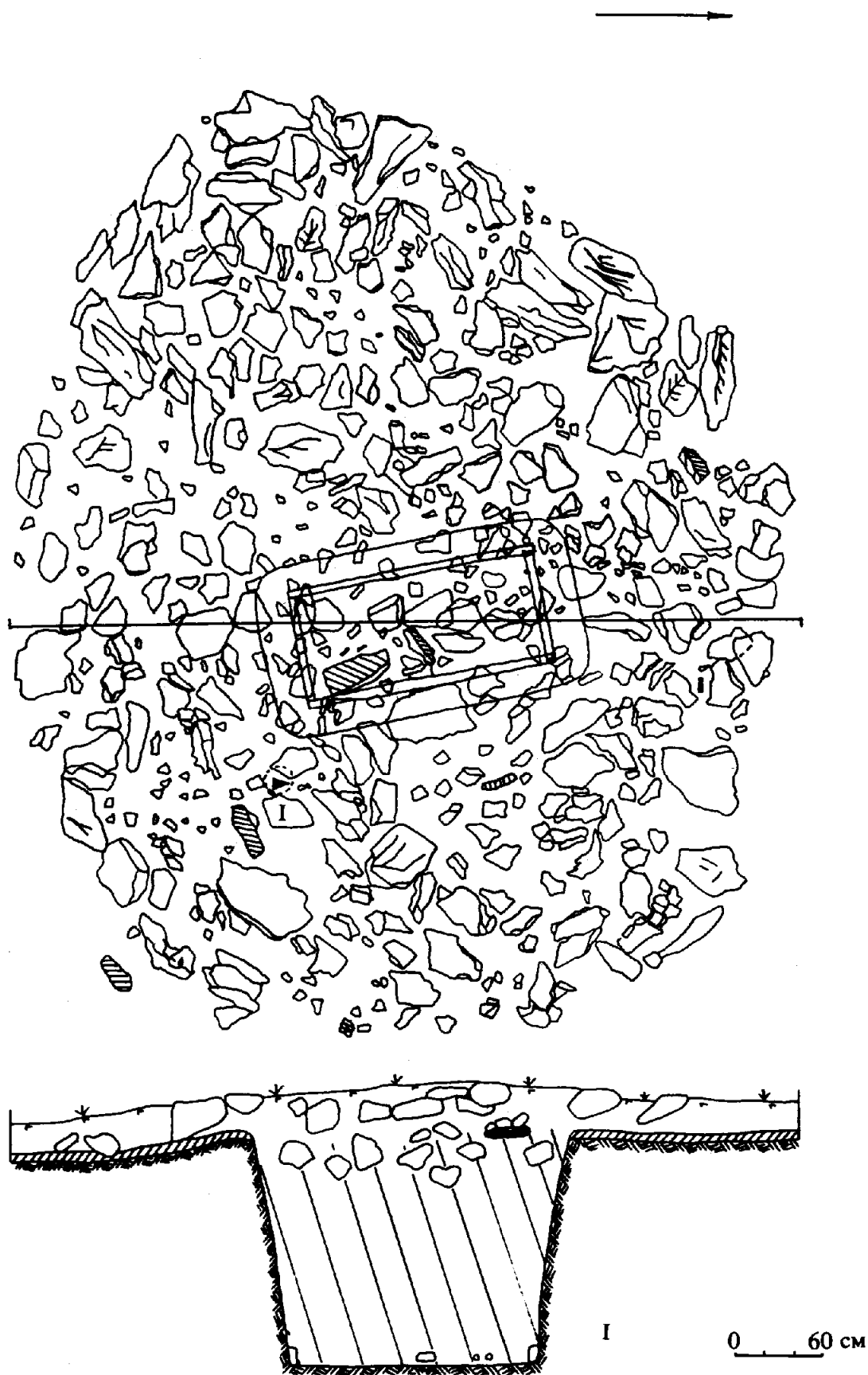

Рис. 6. План и разрез кургана № 6 (1). I - развал глиняного сосуда

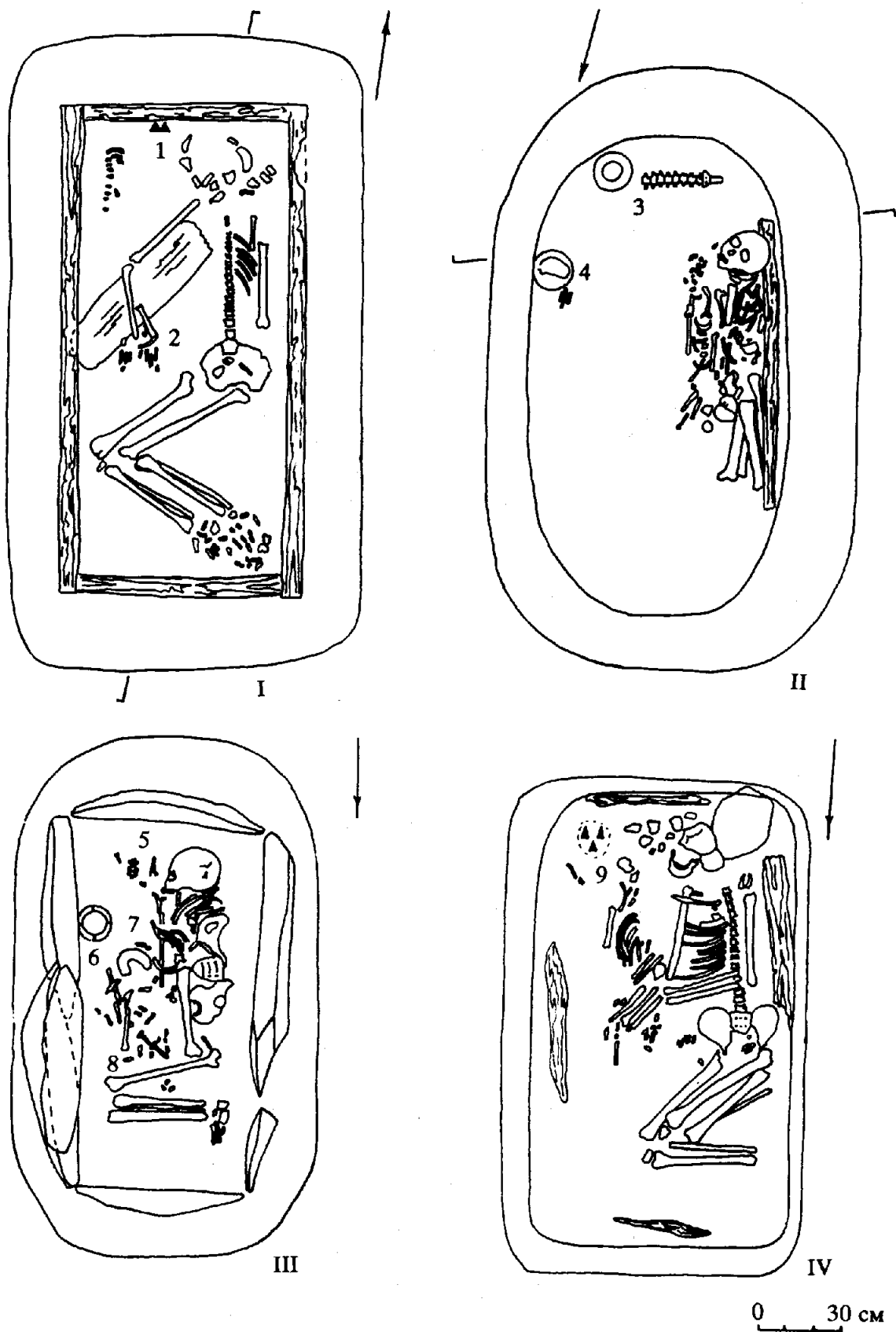

Рис. 7. План погребения курганов № 6(I), № 7(II), № 9(III), № 12(IV). 1, 3, 4, 6, 9 - глиняные сосуды; 2 - бронзовый предмет; 5 - бронзовый нож; 7 - бронзовый чекан; 4 - бронзовый кинжал

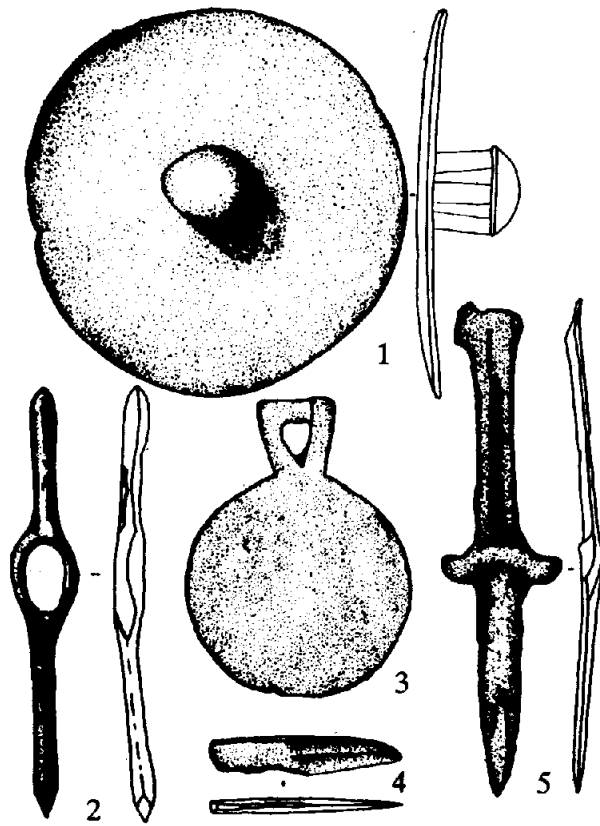

Рис. 8. Предметы из погребений курганов № 13(I), № 9(2, 4, 5), № 11 (3). 1-5 - бронза

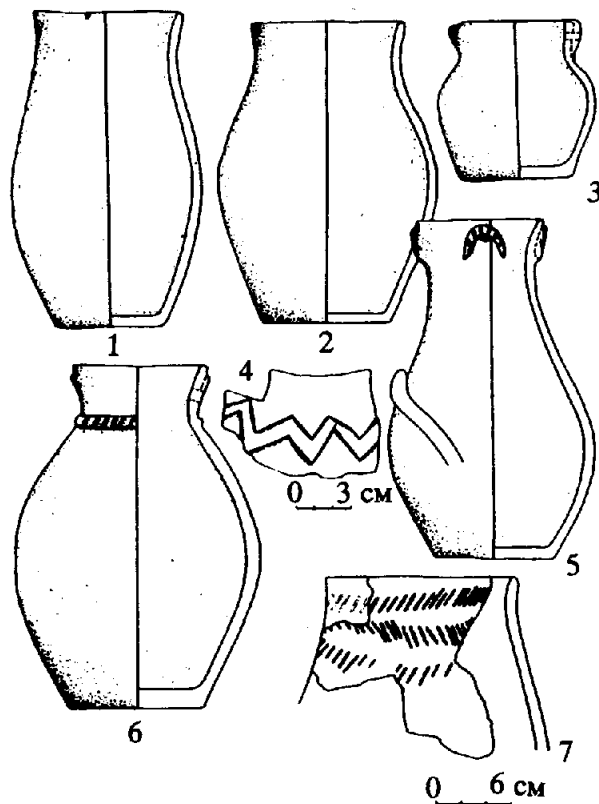

Рис. 9. Глиняные сосуды из курганов № 3(I), № 4(2), № 11(3, 5), № 14(6), № 13(4,7)

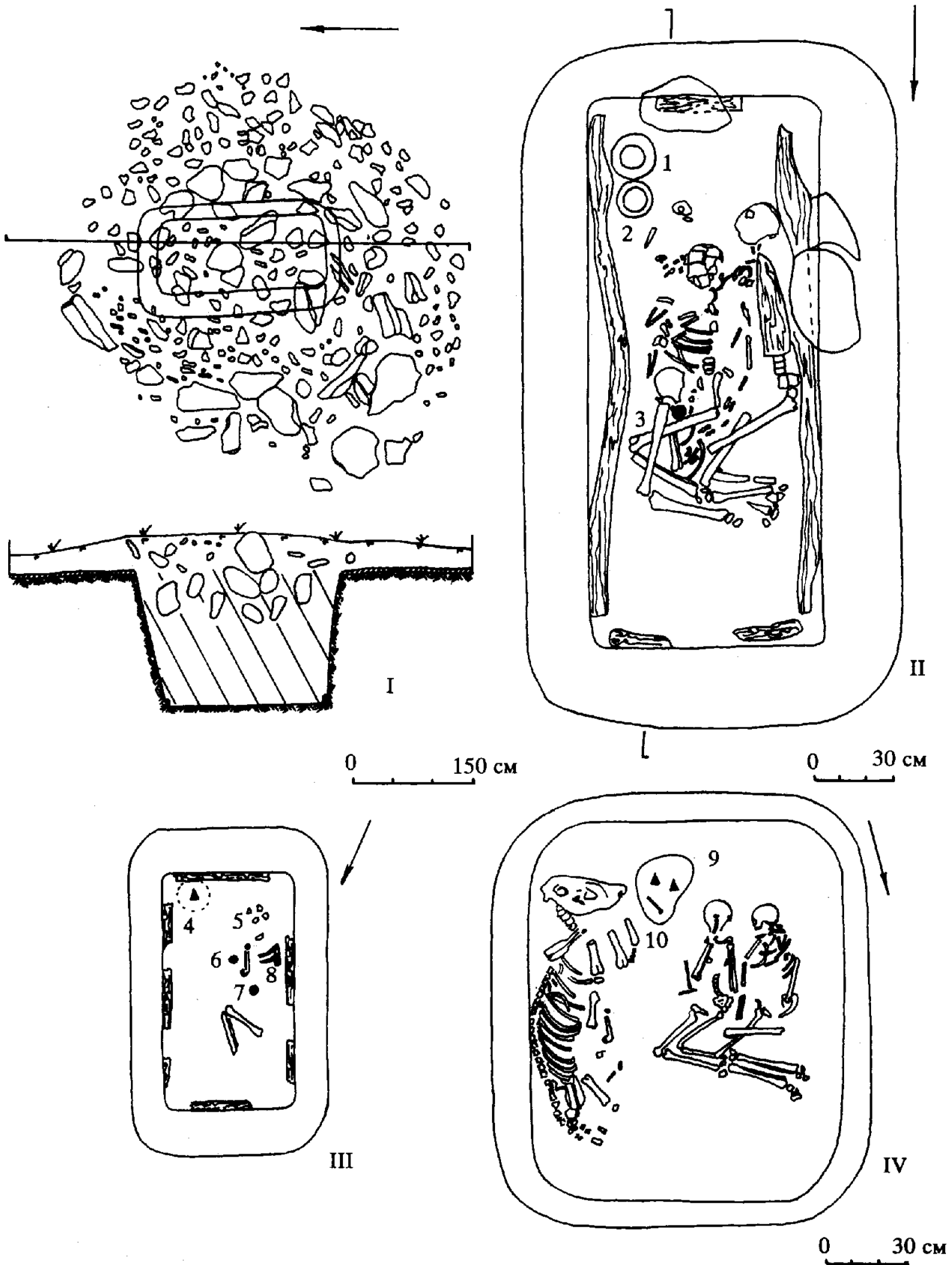

Рис. 10. План и разрез кургана № 11(I), план погребения в нем (II), план погребения курганов № 13(III), № 14(IV). 1, 2, 4, 9 - глиняные сосуды; 3, 6, 7 - бронзовые зеркала; 5 - бронзовая бляшка; 8 - бронзовое шило; 10 - железный нож

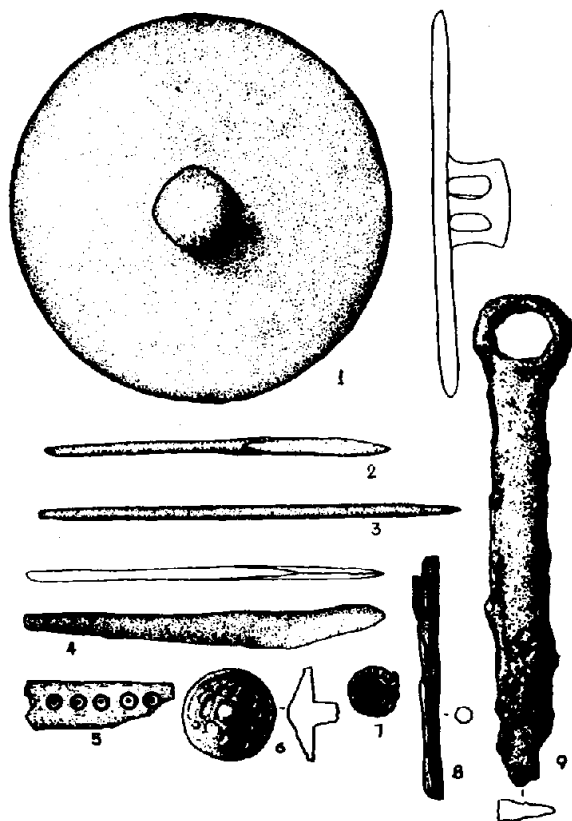

Рис. 11. Предметы из погребений курганов № 13(1, 2, 3, 6), № 12(4), № 10(5), № 2(7), № 6(8), № 14(9)

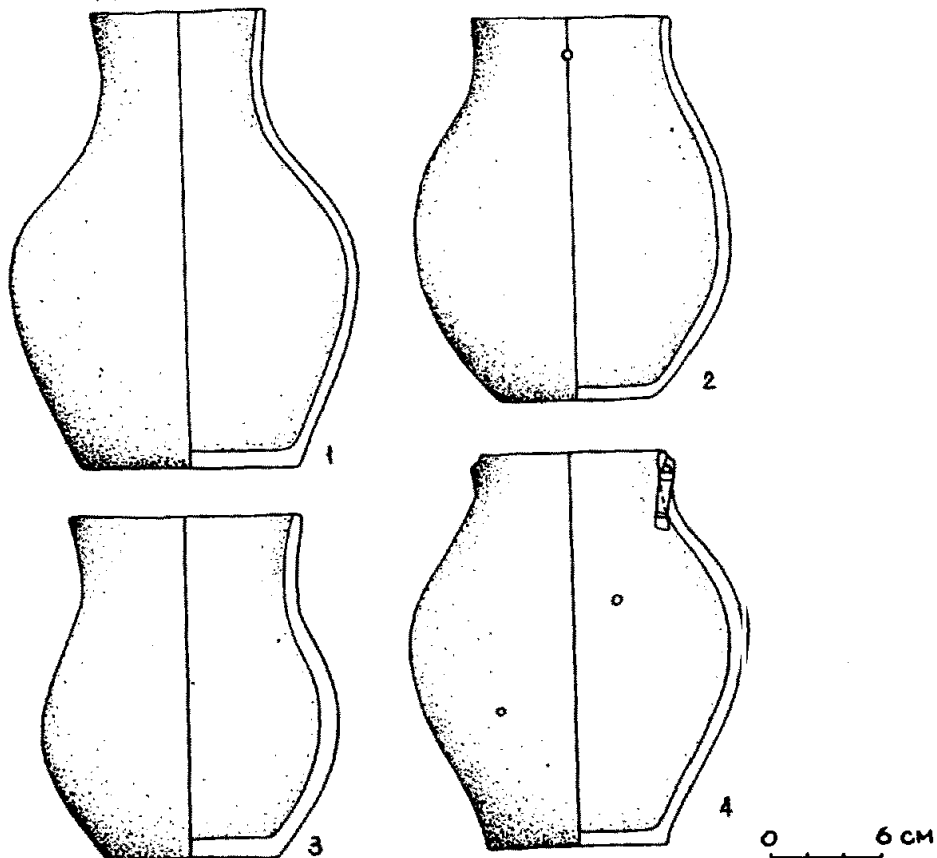

Рис. 12. Глиняные сосуды из курганов № 7(1, 2), № 14(4), № 4(3)

Железные кольчатые ножи того же типа, что из кургана 14, известны в могильниках Узунтал III — к. 3 [26, с. 51], Алагаил — к. 1 [10, с. 189], Боротал III — к. 5 [10, с. 185], Бураты IV — к. 11 [11, с. 107], Юстыд XII — к. 27 [25, т. LIX-3]. Большинство авторов датируют их концом I тыс. до н. э., а В. Д. Кубарев считает, что нижнюю дату их бытования следует ограничить IV—III вв. до н. э. [25, с. 71].

Бронзовые чекан и кинжал из кургана 9, видимо, изготовлены специально для погребения. Они миниатюрны или, по другой терминологии, — малые. Чекан проушной, его длина — 12 см. Наиболее близкое сходство он имеет с чеканом из Тербедака I — к. 1 [29, с. 159]. Длина кинжала — 13,5 см. Детали его проработаны недостаточно четко, особенно наконечник. Лишний металл не убран. Безусловно, это копия.

Находки бронзовых шильев в скифских курганах Горного Алтая — явление редкое. Они найдены в Каракольском кургане [30, с. 17, р. 5-0], Джолине I — к. 7 [25, LXIX-3]. Чаще они встречаются в скифских могильниках Тувы [31].

Первым на могильнике Верх-Еланда 2, по-видимому, был сооружен курган 13, а от него с востока на запад возведены остальные. Считать его наиболее ранним позволяет комплекс вещей. В то же время по аналогии инвентарю остальные курганы можно датировать IV—III или V—III вв. до н. э. К сожалению, инвентарь из могильника не позволяет определить более узкие хронологические рамки, хотя памятник, по-видимому, сооружался не в течение 2-3 столетий, а в более короткий срок. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, небольшое количество курганов, с другой — близкая по технологическим признакам керамика из курганов 14, 13, 12; 11, 8, 1, которая, вероятно, изготовлена в короткий промежуток времени.

Анализ погребального обряда и инвентаря наводит на мысль, что население, оставившее могильник, не было однородным. С одной стороны, наличие общих традиций, таких, как ориентация погребенных на юг, юго-восток, с другой — три типа устройства могильных ям, при явном преобладании второго (деревянные рамы), разные традиции в изготовлении керамики и т. д. По-видимому, этот памятник — следствие не только механического смешения, но и более сложных процессов, которые еще не завершились. Хотя аналогии в погребальном обряде имеются, особенно на средней Катунь, касаются они отдельных черт, а не их совокупности. Аналогии инвентарю, в частности, керамики, есть не только в Горном Алтае, но и на более северных территориях: могильники Аэродомный [32], Бийск 1 [33], Малый Гоньбинский Кордон, Чудацкая Гора и др. [34, 35], а также в Монголии [36] и Туве [31]. По-видимому, раскопками могильника Верх. Еланда 2 подтверждено предположение, что средняя Катунь служила зоной контактов различных групп населения (лесостепного, предгорного и Горного Алтая, и, вероятно, других регионов) и формирования новых этнических общностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абдулганеев М. Т. Работы в горном и лесостепном Алтае// АО, 1983. М., 1985. С. 189.
2. Неверов С. В., Степанова Н. Ф. Новые материалы из курганов конца I—начала II тыс. н. э. средней Катунь// Охрана и использование археологических памятников Алтая: Тезисы докладов и материалов к конференции. Барнаул, 1990. С. 120-123.
3. Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989. 215 с.
4. Неверов С. В., Степанова Н. Ф. Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае//Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 242-270.
5. Тетерин Ю. В. Курганы раннего железного века у р. Ороктой в долине средней Катунь//Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии: Материалы к конференции. Горно-Алтайск, 1992. С. 65-66.
6. Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 301 с.
7. Владимиров В. Н., Шульга П. И. Новые материалы по скифской эпохе Горного Алтая//Археология и этнография Южной Сибири. Барнаул, 1984. С. 97-104.
8. Кочеев В. А. Курганы урочища Айрыдаш III// Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 210-224.
9. Кубарев В. Д., Киреев С. М., Черемисин Д. В. Курганы урочища Бике//Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 43-95.
10. Могильников В. А., Суразаков А. С. Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил// СА, 1980. № 2. С. 180-191.
11. Кубарев В. Д., Кочеев В. А. Курганы урочища Бураты// Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 90-109.
12. Тишкин А. А., Харченко Т. В. Раскопки пяти курганов могильника Бийке в Горном Алтае//Охрана и использование археологических памятников Алтая: Тезисы докладов и материалов к конференции. Барнаул, 1990. С. 67-70.
13. Грязнов М. П. История племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка//МИА. № 48. М.-Л., 1956. 226 с.
14. Киреев С. М. Поселение Майма I в предгорьях Алтая// Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 165-191.
15. Суразаков А. С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае//Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 121-136.
16. Могильников В. А. Курганы Кара-Коба III//Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 гг. Горно-Алтайск, 1983. С. 52-89.
17. Могильников В. А. Курганы Кызыл-Джар II-V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н. э. //Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983. С. 40-71.
18. Сорокин С. С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-Су//АСГЭ. Вып. 16. Л., 1974. С. 62-91.
19. Кочеев В. А. Охранные раскопки Горно-Алтайского музея в 1989 году//Охрана и исследования археологических памятников Алтая: Тезисы докладов и сообщений к конференции. Барнаул, 1991. С. 91-93.
20. Степанова Н. Ф. Могильник скифского времени Кастахта// Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 168-183.
21. Могильников В. А. Курганы Кызыл-Джар I-VIII — памятник пазырыкской культуры Алтая//Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983. С. 3-39.

22. Могильников В. А., Елин В. Н., Курганы Талдура I// КСИА. Вып. 170. М., 1982. С. 103–109.
23. Сорокин С. С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы//АСГЭ. № 8. 1966. С. 39–60.
24. Бобринский А. А. Гончарная технология как источник информации о процессах смешения древнего населения: Тезисы докладов советской делегации на IV международном конгрессе славянской археологии. (София, сентябрь 1980). М., 1980. С. 57–59.
25. Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 189 с.
26. Савинов Д. Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая//КСИА. Вып. 154. М., 1978. С. 48–55.
27. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 299 с.
28. Кирюшин Ю. Ф., Абдулганеев М. Т., Неверов С. В. Аварийные раскопки на средней Катунь//Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 26–29.
29. Мартынов А. И., Кулемзин А. М., Мартынова Г. С. Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае//Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 147–172.
30. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960. 489 с.
31. Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.
32. Кунгуров А. Л., Кунгурова Н. Ю. Раскопки могильника Аэродромный в Бийске//Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 77–89.
33. Завитухина М. П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска//АСГЭ. № 3. 1961. С. 89–108.
34. Абдулганеев М. Т., Владимиров Н. В. Статистическая обработка керамики и периодизация поселений лесостепного и предгорного Алтая второй половины I тыс. до н. э./Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1981. С. 93–107.
35. Абдулганеев М. Т., Казаков А. А., Неверов С. В. Новые исследования на р. Песчаной//Охрана и исследование археологических памятников Алтая: Тезисы докладов и сообщений к конференции. Барнаул, 1991. С. 58–61.
36. Волков В. В. Улангомский могильник: По материалам раскопок 1972 г./Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 101–107.

М. Т. Абдулганеев, О. В. Ларин

АФАНАСЬЕВСКИЕ ПАМЯТНИКИ БОЙТЫГЕМА

Река Бойтыгем — правый приток Катунь — протекает в узком ущелье в 26 км выше с. Кукус. В устьевой своей зоны она разделяет долину Катунь на две части. Протяженность обеих долин достигает 2 км, ширина не превышает 0,7 км. По обеим берегам реки в устье находятся разнообразные археологические памятники: курганы, ограды, кольца, стелы и петроглифы. В 1930–1950-е годы долины распахивались, о чем свидетельствуют кучки камней по краям полей и частично разрушенные бульдозерами курганы. В 1983–1984 гг. в связи с планируемым строительством Катунской ГЭС были картографированы все археологические памятники в зоне предполагаемого затопления, в том числе и на Бойтыгеме [1]. В 1989 и 1991 гг. экспедициями Алтайского госуниверситета и Горно-Алтайского центра археологических исследований на могильниках Бойтыгем 1, 2 (правый берег Бойтыгема) и 4 (левый берег) были раскопаны 23 объекта, в том числе 13 афанасьевских, 6 майэмйрских и 3 древнетюркских. Настоящая публикация посвящена исследованиям афанасьевских памятников.

Могильник Бойтыгем 1 (рис. 1–3) находится в 1,5 км от устья р. Бойтыгем на северо-западной оконечности долины у прижима, отделяющего последнюю от урочища Карлагаш. Визуально на могильнике выделяются четыре группы, включающие 77 объектов: курганы, ограды, кольца и стелы. В северной группе помимо цепочек курганов скифского времени были заметны четыре плоских кургана, располагавшиеся, в отличие от раннежелезных, параллельно течению реки. Один из них был раскопан в 1989 г.

Курган 1 (рис. 1–1, 2) исследован раскопом 8х10 м. После зачистки оказалось, что насыпь представляет собой кольцо, сложенное из камня. Камни частично рассыпались, а сохранившиеся лежали в два слоя. Диаметр ограды составил 7,5 м; высота 0,4 м; первоначальная ширина кольца — 1,5 м. Могила имела овальную форму (длинная ось северо-запад—юго-

восток) и размеры 1,75х1,05 м. При разборке развала камней в центре на краю могильной ямы обнаружена лежащая вверх дном курильница с ручкой и полым поддоном, орнаментированная гребенчатым штампом (рис. 2–2). На глубине 1,6 м от материка лежал скелет взрослого человека на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками и завалившимися налево ногами, согнутыми в коленях, головой на юго-восток (рис. 1–4). Погребенный засыпан охрой, а справа от его черепа находился остродонный горшок, орнаментированный гребенчатым штампом (рис. 2–1).

Могильник Бойтыгем 2 (рис. 3–4) находится между могильником Бойтыгем 1 и устьем р. Бойтыгем, в 0,5 км от последнего. Разделен на 5 групп, состоящих из 79 объектов. Визуально выделяются курганы и кольца из валунов скифского времени, уплотненные курганы с ящиками и без них майэмйрской культуры, прямоугольные древнетюркские ограды и ограды-кольца или уплотненные курганы афанасьевской культуры. Последние ничем не отличаются от подобных раннескифского времени, а в северной группе рас-полагаются вместе. Курганы 1, 9–16 и 20 находились в южной группе могильника, 5 — в центральной, 7 и 17 — в северной. Поэтому их описание будет дано не по порядковому следованию номеров, а по территориальным группам.

Курган 1 (рис. 1–2) исследовался раскопом 7х8 м. После зачистки зафиксирована развалившаяся каменная ограда с частично сохранившимся крепидным основанием из более крупных камней. Диаметр ее составил 6,5 м, первоначальная ширина кольца — 2 м. В центре находилась яма трапециевидной формы размерами 1,75х0,9(0,6) м, ориентированная длинной осью по линии северо-восток—юго-запад. Засыпка ее в верхней части была материковой. На глубине 0,75 м от материка лежал скелет женщины 15–17 лет (здесь и далее определения А. Р. Кима) на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища, и ногами, согнутыми в коленях и завалившимися направо,

головой на северо-восток-восток (рис. 3-3). Рядом с черепом найдены круглодонный сосуд, украшенный гребенчатым штампом и резными линиями (рис. 4-4), две чашечки на поддонах, одна из них вверх дном (рис. 4-1, 2), остроереберный сосуд без орнамента (рис. 4-3) и кости животных.

Курган 9 (рис. 7-1, 2) исследовался общим раскопом площадью около 280 кв. м с курганом 10 (рис. 7-3). Рядом с курганами находилась современная искусственная выемка грунта. Оказалось, что южная и западная части кургана 9 полностью разрушены, а в нетронутым состоянием осталась только северо-западная часть. Курган 9 первоначально представлял собой ограду-кольцо из плоских валунов и плит, сложенных в 2-4 слоя, высотой 0,5 м и диаметром 7 м. Ширина кольца — 0,5 м. В центре кольца, видимо, находилось какое-то центральное сооружение, состоявшее из земли и валунов. Под ним по уходящим в глубину камням, углам и кускам дерева прослежена могильная яма подпрямоугольной формы размерами по верху 2,0x2,4 м, ориентированная длинной осью по линии северо-запад—юго-восток. Первоначально могила имела деревянное перекрытие, затем сгоревшее и провалившееся вовнутрь. Ко дну (глубина от материка 1,0 м) размеры ее уменьшились до 1,15x1,7 м. В центре могилы на глубине 0,8 м было зафиксировано большое пятно охры мощностью 20 см, идущее до дна, вероятно, остатки сосуда или мешочка из бересты либо кожи. В нижней части (у локтя погребенной) найдено костяное изделие (рис. 4-15). На дне обнаружены отдельные кости женщины (40-45 лет), по которым можно установить ее первоначальное положение. Погребенная была уложена на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища, и ногами, согнутыми в коленях и завалившимися налево, головой на север-запад (рис. 7-4). В могиле обнаружены: у юго-западной стенки — удлиненная каменная галька, круглодонная корчага, украшенная гребенчатой качалкой (рис. 8-1), остродонный и круглодонный горшки, орнаментированные насечками и гребенчатым штампом (рис. 8-3, 4), в ногах — небольшой горшочек, украшенный насечками (рис. 8-2).

Курган 10 был почти полностью разрушен, а камни его сдвинуты на запад. Первоначальный диаметр его кольца составил около 8 м, ширина — около 1,5 м. Оно было сложено из обломочного материала и плит. В центре, вблизи могильной ямы, найдены фрагменты керамики (рис. 4-8) и кости человека. Могила имела трапециевидную форму, размеры 1,1(0,9)x1,9 м (длинная ось юго-запад-запад—северо-восток-восток). В заполнении встречались кости человека. На глубине 0,6 м от материка найдены сохранившиеся в неприкосновенности кости ног и сдвинутый к стенке череп мужчины (40-45 лет). Судя по ним, погребенный был уложен на спине, с согнутыми в коленях ногами, головой на юго-запад-запад. Кости скелета окрашены охрой.

Курганы 11-16, 20 исследовались общим раскопом площадью около 310 кв. м (рис. 9-7). На современной поверхности были заметны контуры только четырех курганов, остальные два выявлены в процессе раскопок. Афанасьевские ограды располагались цепочкой на северо-запад—юго-восток, перпендикулярно течению Катунь. Ближе к берегу находился курган 16, последним в цепочке — курган 11. Остальные обнаружены между ними. С востока к афанасьевской цепочке был пристроен майэмирский курган 15. При раскопках между курганами 16, 13 и 20 зафиксированы две

костровые ямы. Описание раскопанных объектов дается с северо-запада на юго-восток.

Курган 11 (рис. 9-12) после зачистки представлял собой ограду-кольцо, сложенную из плит в 3-5 слоев, диаметром 7 м и высотой до 0,5 м. Ширина кольца — 0,5 м. В составе кольца прослежены камни красного цвета, лежавшие с разрядкой между ними около 1 м. Внутри ограды находилось центральное сооружение из крупных валунов и глыб, представлявшее собой первоначально, внутреннее кольцо диаметром около 4,5 м. Могила подпрямоугольной формы размерами 1,6x2,2 м по верху и 1,6x1,0 м в низу (длинная ось юго-запад—северо-восток) находилась в центре кольца. На глубине 0,9 м от материка лежал скелет женщины (25-30 лет) на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища (левая кисть на бедре), и ногами, согнутыми в коленях и упавшими направо, головой на юго-запад (рис. 9-5). У правого локтя, в древесном тлене, найдена бронзовая пластинка (рис. 4-9), у колен — ребра животного, в северо-восточном углу могилы — скопление охры, вероятно, в мешочке из кожи или бересты.

Курган 12 после зачистки представлял собой кольцо, сильно рассыпавшееся, диаметром 3,5 м и шириной 0,5 м, сложенное из плоских камней. В центре лежала каменная плита, под ней — могила подпрямоугольной формы размерами 1,1x1,5 м (длинная ось юго-запад-запад—северо-восток-восток). При выборке заполнения и на дне (0,6 м от материка) найдены отдельные кости ребенка.

Курган 14 после зачистки выглядел как кольцо из массивных блоков диаметром 3,5 м и шириной 1,0 м, частично разрушенное пристроенным к нему майэмирским курганом 15. Могила располагалась в центре, форма ее была подпрямоугольной, размеры 1,5x1,85 м (длинная ось юго-запад-запад—северо-восток-восток), глубина 0,8 м от материка. В заполнении могилы и на ее дне найдены разрозненные кости взрослого человека. Непотревоженной осталась только кисть левой руки, исходя из положения которой можно предположить, что погребенный лежал головой на юго-запад, видимо, на спине.

Курган 13 по конструкции был аналогичен кургану 11: кольцо из плит в 3-4 слоя диаметром 6 м, высотой 0,3 м и шириной 0,5 м. Внутреннее сооружение — кольцо, составленное из валунов и плит, имело диаметр 3 м. В центре ограды находилась подпрямоугольная могила размерами 1,7x2,0 м, ориентированная длинной осью по линии юго-запад-запад—северо-восток-восток. Она была перекрыта пятью плитами, частью сдвинутыми и перевернутыми. В заполнении могилы найдены фрагменты одного сосуда, затертого гребенчатым штампом (рис. 2-3), и разрозненные кости человека. На дне (глубина 0,65 м от материка) находились лежащие в анатомическом порядке позвоночник, часть грудной клетки, правая кисть и берцовые кости. Судя по их расположению, погребенный лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками и согнутыми в коленях ногами, головой на юго-запад-запад.

Курган 20 (рис. 9-3, 4) имел следующую конструкцию: кольцо из валунов диаметром 3 м в один слой, с запада — насыпь из таких же валунов. В центре кольца находилась могила округлой формы диаметром 0,9 м. На глубине 0,5 м от материка лежал скелет ребенка головой на запад, на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища. Кости ног (за исключением ступней) и череп отсутствовали (рис. 9-6). В районе пояса найдены десять обрезанных полых косточек птицы (рис. 4-10-14).

Курган 16 по конструкции был аналогичен курганам 11 и 14. Внешнее кольцо сложено из плит в 2–3 слоя, высотой до 0,35 м, имело диаметр 4,0 м и ширину 0,5 м. Внутреннее сооружение — кольцо диаметром 2,5 — составлено из крупных камней и валунов. В центре его находилась могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 1,4х2,0 м, длинной осью ориентированная по линии запад-восток. Могила была перекрыта тремя плитами, центральная из них сдвинута. В заполнении могилы найдены отдельные кости человека, а на дне (глубина 1,0 м от материка) находок не было.

Интересная деталь зафиксирована при разборке развалов камней оград южной группы. Наиболее вероятно, что рассыпались они одновременно, причем вскоре после сооружения: нижние камни развалов на 5–10 см врезались в материк, и следы от этого заметны вокруг всех без исключения сооружений. Ввиду естественного уклона местности, развал произошел главным образом в южную и восточную стороны. Причиной этого могло быть землетрясение.

Курган 5 (рис. 5–1, 2) внешне отличался от всех остальных афанасьевских объектов и имел вид высокой курганной насыпи с западиной в центре. Исследовался раскопом 10х12 м. После зачистки и разборки стало ясно, что наброска кургана представляет собой сплошную насыпь с крепидным кольцом из более крупных камней. Диаметр ее составил 9,5 м (крепидного основания — 7,5 м), высота — 0,75 м. При разборке в юго-западной части насыпи найдены две плиты перекрытия, выброшенные из могилы. В центре кургана находилась подпрямоугольная могильная яма размерами 2,15х2,7 м по верху (длинная ось северо-восток—юго-запад), сужающаяся ко дну, на глубине 0,85 м от материка стенки ее стали вертикальными. Здесь же была найдена не тронутая грабителями плита перекрытия. На дне (1,25 м от материка) находилось разграбленное захоронение женщины (30–35 лет). В неприкосновенности остались лучевые и бедренные кости и частично череп. Исходя из их расположения, можно сказать, что погребенная лежала скорченно, головой на северо-восток (рис. 5–3). Часть костей была окрашена охрой, а у северного и восточного углов и за черепом были ее скопления. У северо-западной стенки найден раздавленный сосуд баночной формы, украшенный гребенчатым штампом (рис. 2–4).

Курганы 7 и 17 исследовались в разные годы и составили с майэмским курганом 6 один раскоп площадью более 160 кв. м (рис. 6–6). Курган 17 на поверхности не выделялся и был выявлен на уровне материка, а курганы 6 и 7 внешне ничем не отличались друг от друга.

После зачистки кургана 7 (рис. 6–1, 2) конструкция выглядела таким образом: удлиненное с юго-юго-запада на северо-северо-восток кольцо из крупных блоков размерами 4,0х5,5 м, внутри и вне которого лежал слой более мелких камней. Аналогичную форму и вид имели и майэмские курганы Бойтыгема (2, 6, 8, 15, 19). После снятия насыпи обнаружили две могильные ямы, расположенные параллельно друг другу поперек крепиды (длинная их ось — юго-запад-запад—северо-восток-восток). Южная могила имела размеры 0,9х2,0 м и глубину 0,6 м от материка. Кроме угольков, на дне в ней ничего не найдено. В северной могиле размерами 0,6х1,3 м и глубиной 0,6 м находилось погребение подростка (10–12 лет). Он лежал скорченно на правом боку, головой на юго-запад-запад, с кистями рук у колен (рис. 6–5). У правого локтя найден круглодонный горшок, орнаментированный гребенчатым штампом и резными линиями (рис. 2–5).

Курган 17 (рис. 6–3, 4) зафиксирован по верхним краям камней и более темному, по сравнению с материком, заполнению внутреннего пространства. Пятно оказалось округлой формы, диаметр его 6 м. По краям лежали плиты и обломки камня, частично сползшие в котлован. На глубине 0,4 м от современной поверхности в центре пятна было зафиксировано кострище размерами 1,2х2,0 м и мощностью до 10 см, с прокалом в нижней части. После выборки заполнения котлована оказалось, что по периметру он обложен камнями, имеет в разрезе форму усеченного конуса и глубину 0,4 м от материка. В западной части были вкопаны три валуна, удерживавших камни обкладки стен. При разборке последних найдены: в юго-западной части — венчик сосуда (рис. 4–7), в северной — обломок курильницы (рис. 4–5). В центре котлована обнаружена яма размерами 1,5х2,7 м, в заполнении которой найдены фрагменты керамики и кальцинированные кости (рис. 4–6). Дно ямы было прокалено.

Таким образом, из 13-ти раскопанных объектов 12 являются погребальными, один (17) — ритуальным. Последний очень близок по своей конструкции и, видимо, назначению (культ предков), ограде 5 Кара-Кобы 1 и, может быть, кургану 4 Кукума [5, с. 61, рис. 2].

Связано ли сооружение «кургана» 17 с погребением подростка в кургане 7 или же с какой-то другой либо другими афанасьевскими оградками, сказать трудно. Ясно, что использовался «курган» 17 по крайней мере дважды. В первом случае была оставлена яма с прокалом, во втором — кострище. К культу предков имеют отношение и находки в насыпях курганов, часть которых синхронна афанасьевским могилам. Почти во всех курганах (особенно много в курганах 9 и 10) найдены фрагменты керамики, в насыпях пяти (1, 9, 10, 13, 14) — кости животных, трех (7, 9, 16) — отщепы, а среди камней кургана 16 — скребок.

Погребальные конструкции Бойтыгема разделяются на четыре типа: 1. Ограда из обломочного материала с крепидой из более крупных камней или без нее (Бойтыгем 1, курган 1; Бойтыгем 2, курган 1); 2. Кольцо из крупных блоков с насыпью из мелких камней (Бойтыгем 2, курган 7); 3. Насыпь из обломочного материала с крепидой из более крупных камней (Бойтыгем 2, курган 5); 4. Ограда из плит, уложенных плашмя друг на друга с внутренним кольцом или сооружением либо без него (все остальные объекты). Первый и последний типы надмогильных сооружений очень широко распространены в Горном Алтае. Они имеются на могильниках Ело 1, Кара-Коба 1 [8, с. 32], Урмулык 1, 2 [14, рис. 1; 15, 1987, рис. 4], Лещеркин Лог [6, 1987, рис. 22], Кор-Кобы 1 [11, рис. IX, XI], Бике [10, рис. 20] и многих других. Второму типу аналогий почти нет: близки ему только курганы 31 и 33 могильника Кызыл-Телань 1 [11, рис. I, II, V, VI] и некоторые сооружения майэмской культуры.

Третий тип погребальных конструкций не имеет аналогий среди исследованных афанасьевских объектов и наиболее близок курганам рядовых ковечников конца VI–II вв. до н. э. Сам курган 5 Бойтыгема 2 отличается от остальных афанасьевских и рядом других особенностей. В первую очередь также следует отметить перекрытие могильной ямы у самого дна, тогда как в других каменные и деревянные перекрытия лежат поперек могил на уровне древнего горизонта. Нетрадиционно и помещение в могилу сосуда баночной формы, хотя такие случаи отмечены в могильниках Арагол, Курота 2 [9, табл. VI–16] и Улита 2 [13, с. 58].

Значительно отличается ориентировка погребенных: юго-восток (1 раз), северо-восток (2), северо-восток-восток (1), северо-запад (1), юго-запад (2), юго-запад-запад (2) и запад (1). Преобладает ориентация головой в юго-западный сектор, что типично для афанасьевских могильников [8, с. 31; 12, табл. 1], однако существенное место занимает и ориентация в северо-восточный сектор. Эту черту, а также первый и четвертый тип надмогильных сооружений Бойтыгема С. В. Цыб считает принадлежностью ранней группы афанасьевских могильников [16, с. 40, рис. 1].

Разнится и глубина погребений от материка: от 0,5 до 1,6 м. В южной группе Бойтыгема 2 она обусловлена уровнем залегания материковых валунов: при копке могилы вынимался только верхний слой камней или покойника укладывали прямо на них. Стандартна поза погребенных: на спине с согнутыми в коленях ногами. В одном случае (Бойтыгем 2, курган 7) зафиксировано положение скорченно на боку, в другом (Бойтыгем 2, курган 20) — вторичное или ритуальное захоронение. Подобные факты отмечены в афанасьевских могилах Минусинской котловины [4, с. 17]. Интересно наличие двух могил в кургане 7 Бойтыгема 2. Такая система более характерна для Минусинской котловины [4, с. 16; 9, с. 26, 30, 36], в Горном Алтае она зафиксирована только в кургане 14 Куюма и на Улите 2 [12, табл. 1; 13, с. 58, 59].

Инвентарь, помимо керамики, незначителен. Кроме отдельных фрагментов, найдены три остродонных яйцевидных сосуда, три круглодонных шаровидных, один баночный плоскодонный, одна корчага, две курильницы, две вазочки на поддонах и миниатюрный острореберный сосудик; три последних без орнамента. Орнамент на остальных сосудах прочерченный, гребенчатый и гладкоштампованный. Гребенка образует елочку, качалку, зигзаг, наклонные ряды и горизонтальные линии. Прочерченные линии, как и насечки, выполнены, скорее всего, тем же гребенчатым штампом. Им же затерта внутренняя, а у некоторых сосудов и внешняя поверхность. И орнаментация, и формы сосудов типичны для афанасьевской культуры Горного Алтая. Несколько специфична орнаментация курильницы из кургана 1 Бойтыгема 1. Подобной схемы нет ни на одной из сибирских курильниц [4, рис. 53–55].

Интересна находка сосудов из неорганических материалов (Бойтыгем 2, курган 9, 11). До сих пор в афанасьевских могилах обнаруживались только комки охры [см. 10, рис. 26]. Нетипично для афанасьевских погребений Горного Алтая и то, что в двух курганах (1, 9) Бойтыгема 2 было найдено по четыре сосуда, хотя данный факт для афанасьевских могильников Минусинской котловины не является единичным [9, с. 24, 38; 3, с. 17].

В целом можно констатировать, что раскопки на Бойтыгеме дали много новых фактов. Южная группа Бойтыгема 2 и Бойтыгем 1 являются типичными для Горного Алтая афанасьевскими могильниками, обнаруживающими между тем много общего с памятниками Минусинской котловины. Северная группа Бойтыгема 2, помимо культового места («курган» 17), указывает на явную взаимосвязь афанасьевской и майэмирской культур. Курган 5 Бойтыгема 2 может быть выделен в особый тип памятников, однако окончательно решить вопрос о его культурной принадлежности помогут только новые раскопки.

Очень сложен вопрос абсолютной хронологии исследованных объектов. Традиционная датировка афанасьевской культуры III–начало II тыс. до н. э. [9,

табл. II; 16, 1980, с. 48] вступает в явное противоречие с радиоуглеродными датами, укладывающимися в пределах IV–начала III тыс. до н. э. [8, с. 31; 7, с. 96]. Не доверять датам вроде бы нет оснований, тем более что одна из них продублирована (СО АН — 1521 и ЛЕ — 1610). Может быть, имеющиеся радиоуглеродные даты дают нам только нижнюю границу афанасьевской культуры, а для основной массы памятников более верна традиционная датировка. Некоторые исследователи, в том числе и один из авторов данной работы, считают возможным доживание исследуемой культуры до начала I тыс. до н. э. [2, с. 74]. На наш взгляд, расположение афанасьевских курганов 7 и 17 в майэмирской цепочке и сходство их надмогильных сооружений являются косвенным подтверждением этой гипотезы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абдулганеев М. Т. Разведка на Алтае//АО 1984 года. М., 1986. С. 165.
2. Абдулганеев М. Т., Кирюшин Ю. Ф., Кадиков Б. Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая//Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 52–77.
3. Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. Л., 1986. 179 с.
4. Вадецкая Э. Б. Сибирские курильницы//Памятники неолита и бронзы. КСИА № 185. М., 1986. С. 50–59.
5. Владимиров В. Н., Цыб С. В. Афанасьевское культовое место у с. Кара-Коба//Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 55–62.
6. Деревянко А. П., Молодин В. И., Маркин С. В. Археологические исследования на Алтае в 1986 году. Новосибирск, 1987. 76 с.
7. Ермолова Н. М., Марков Ю. Н. Датирование археологических образцов из могильников эпохи бронзы Южной Сибири//Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. С. 95–98.
8. Кирюшин Ю. Ф., Посредников В. А., Фирсов Л. В. Абсолютный возраст некоторых памятников неолита и бронзы Западной Сибири//Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня. Новосибирск, 1981. С. 28–32.
9. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.
10. Кубарев В. Д., Киреев С. М., Черемисин Д. В. Курганы урочища Бике//Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 43–95.
11. Ларин О. В. Афанасьевские памятники среднего течения Катунь//Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 3–30.
12. Марсадолов Л. С. Памятники ранних кочевников в Усть-Куюме на Алтае//АС ГЭ № 22. Л., 1981. С. 11–22.
13. Мамадаков Ю. Т., Цыб С. В. К вопросу о периодизации бронзового века Центрального Алтая//Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. к всесоюз. научн. конф. Барнаул, 1991. С. 57–59.
14. Могильников В. А. Некоторые памятники эпохи раннего металла из Центрального Алтая//Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 23–34.
15. Суразаков А. С. Афанасьевские памятники Горного Алтая//Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 3–22.
16. Цыб С. В. Ранняя группа афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры//Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 38–51.

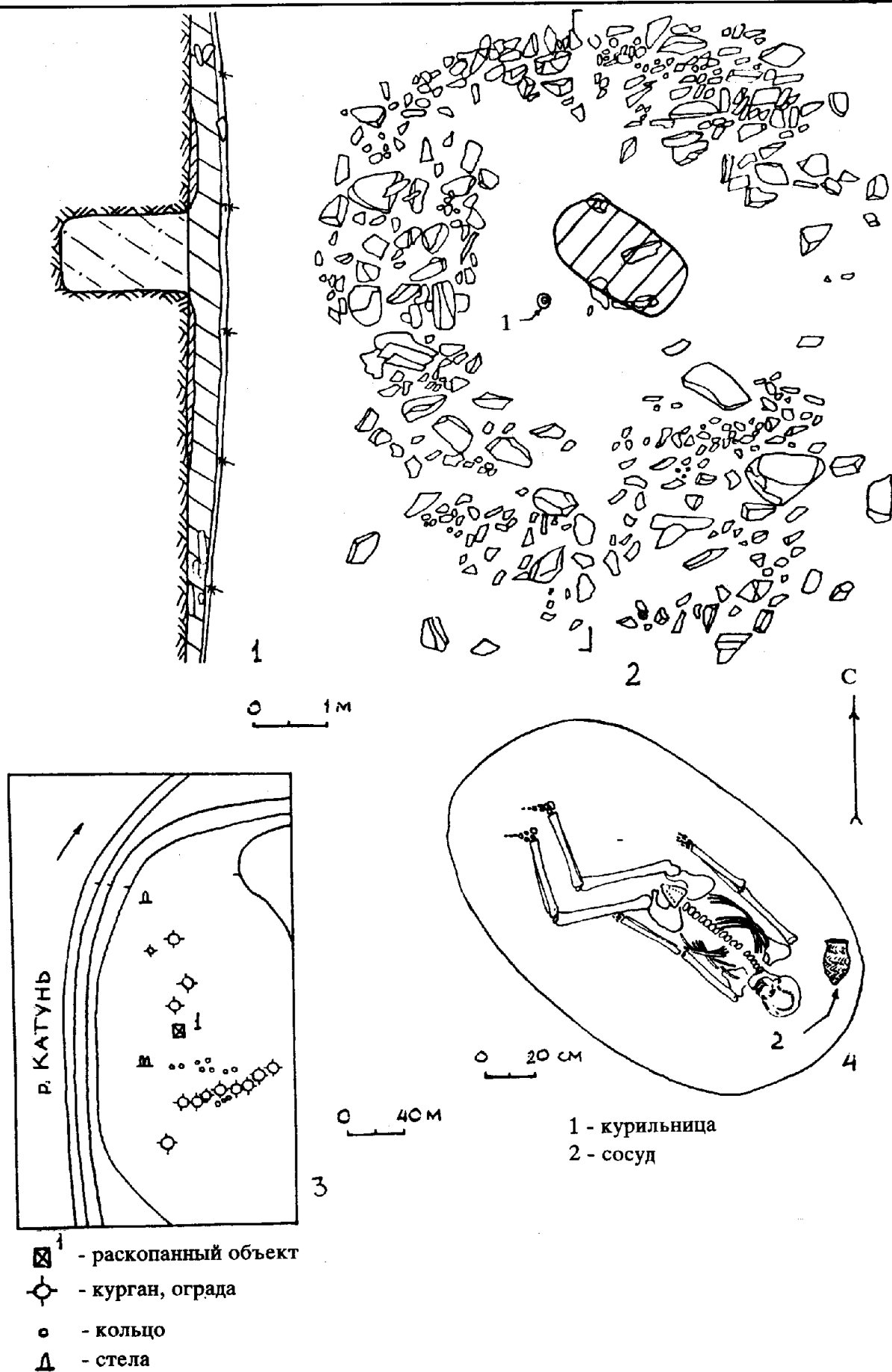

Рис. 1. Могильник Бойтыгем-1: план(2) и разрез (1) кургана 1, план могилы (4) и северной группы могильника (3)

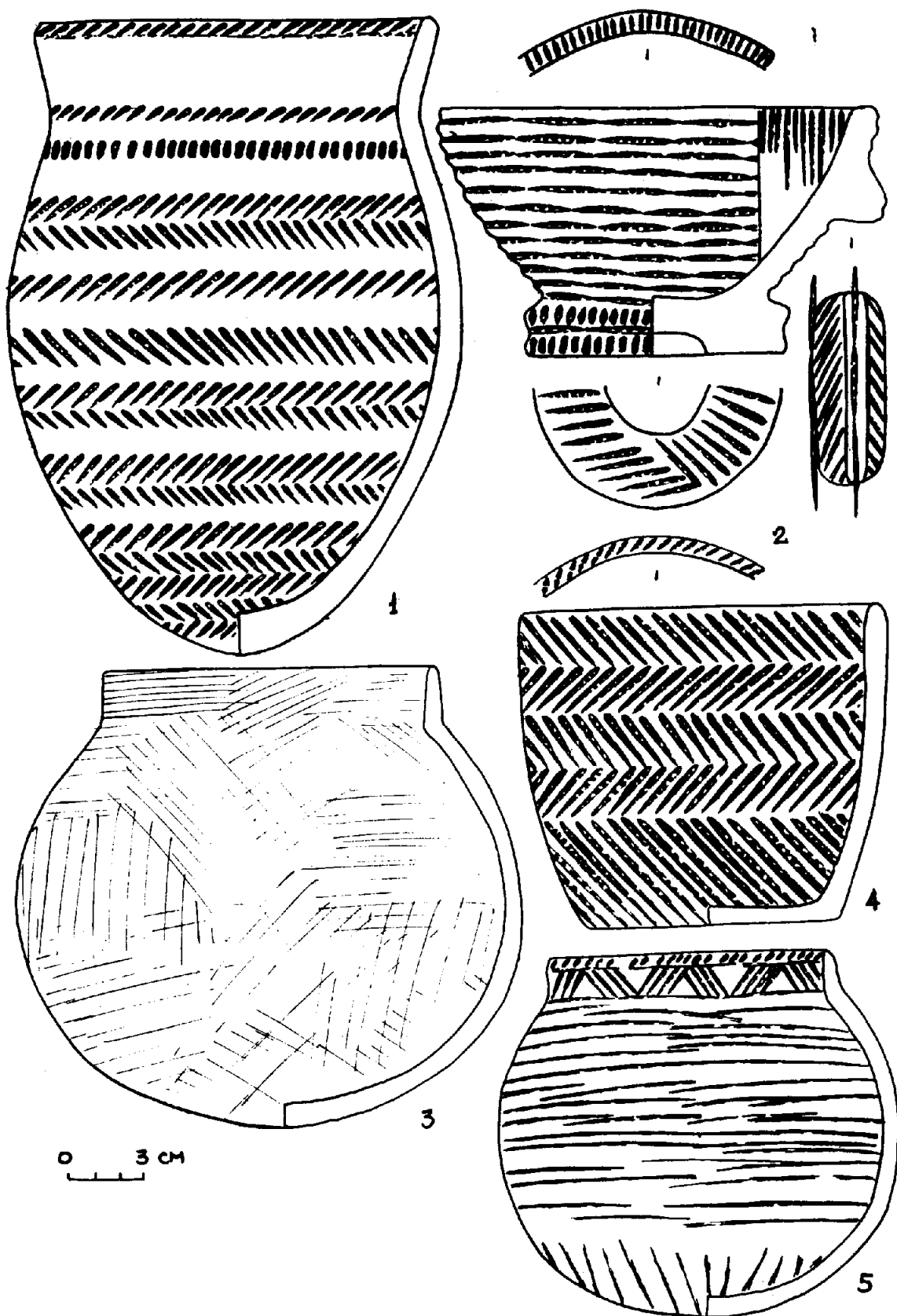

Рис. 2. Сосуды из могильников Бойтыгем-1 (1, 2) и Бойтыгем-П (3-5). 1, 2 - курган 1; 3 - курган 13; 4 - курган 5; 5 - курган 7

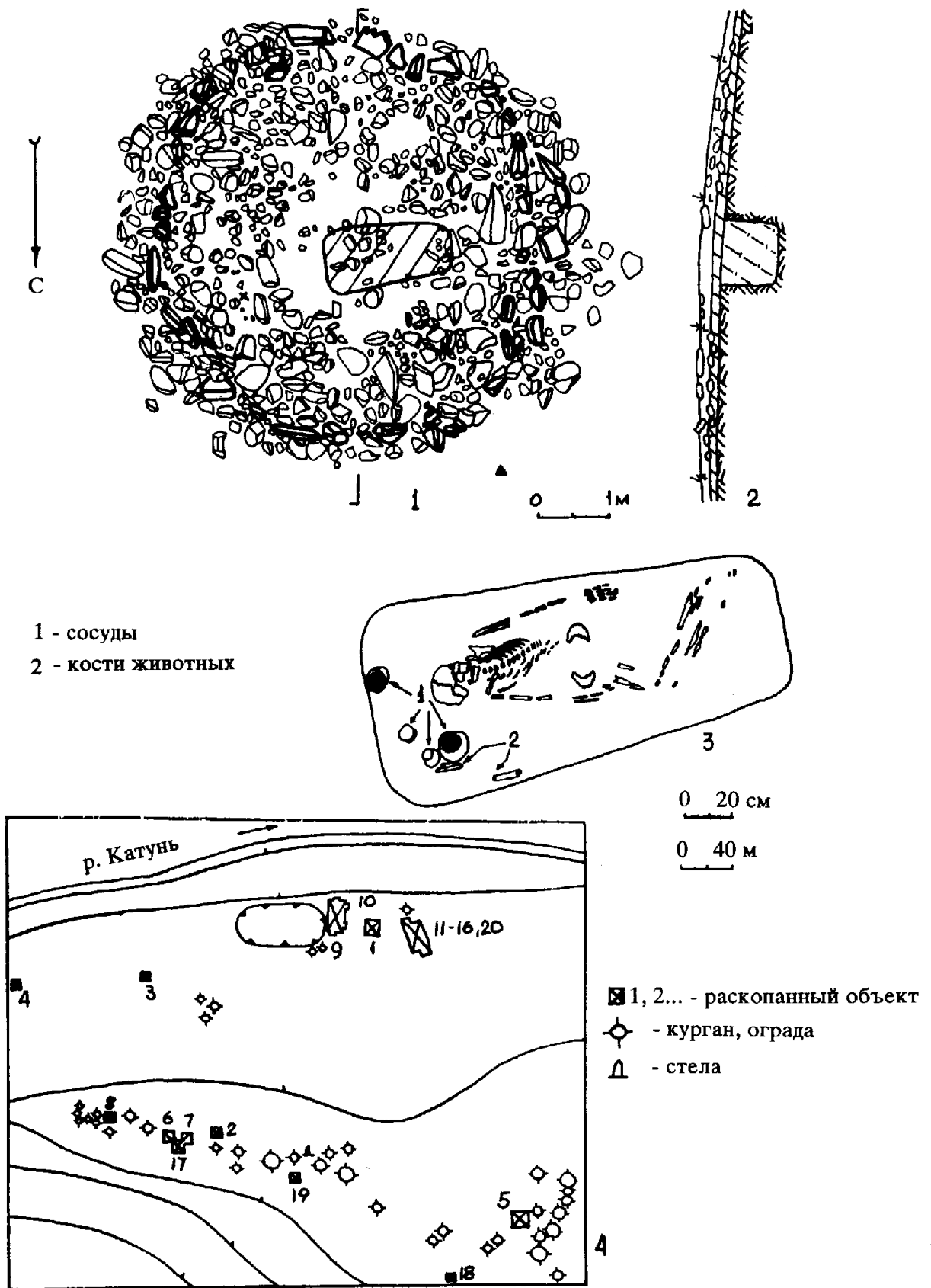

Рис. 3. Могильник Бойтыгем-II; план (1) и разрез (2) кургана 1, план могилы (3) и центральной, северной и южной групп могильника (4)

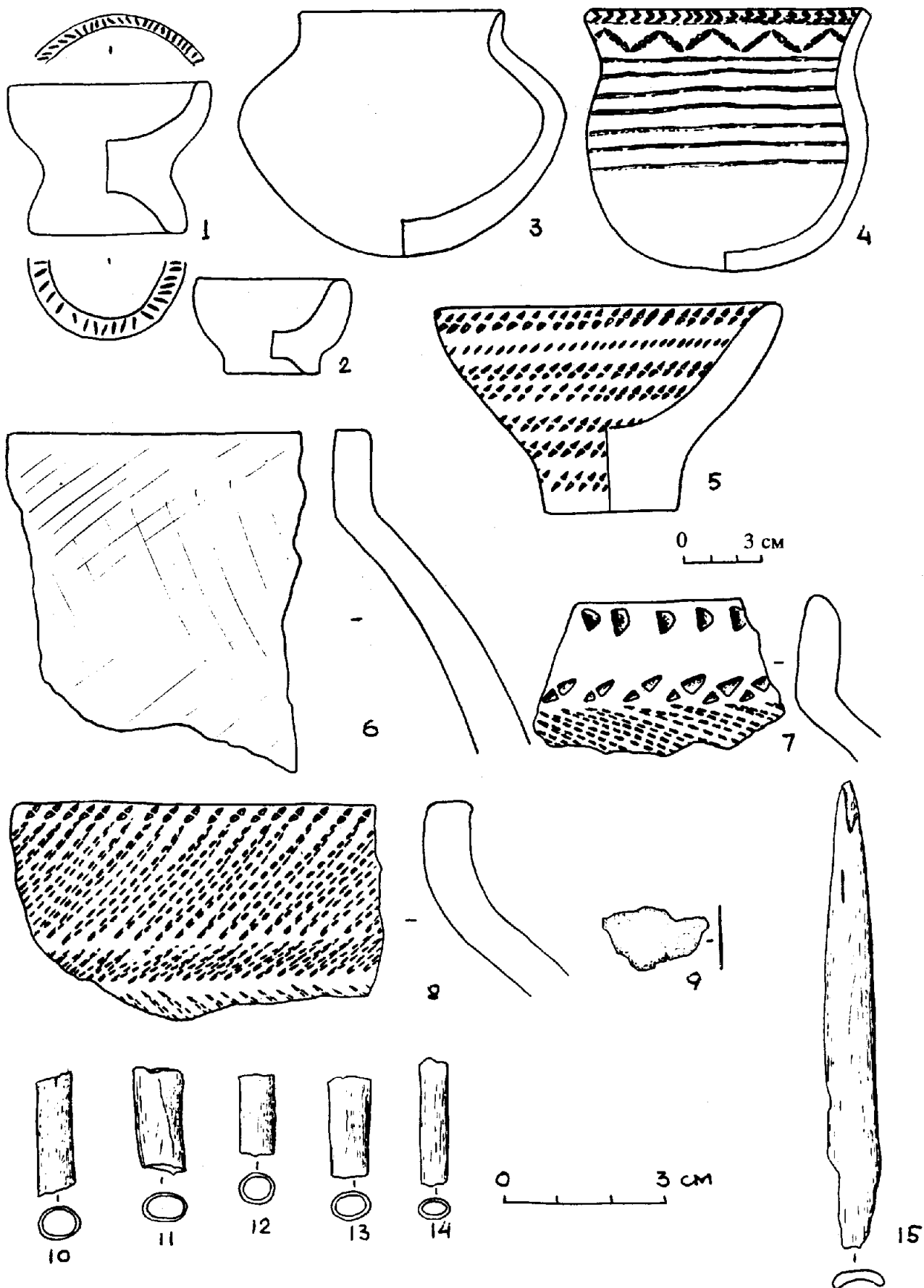

Рис. 4. Керамика (1-8), изделия из бронзы (9) и кости (10-15) из курганов 1(1-4), 9 (15), 10 (8), 11 (9), 17 (5-7), 20 (10-14) могильника Бойтыгем-II

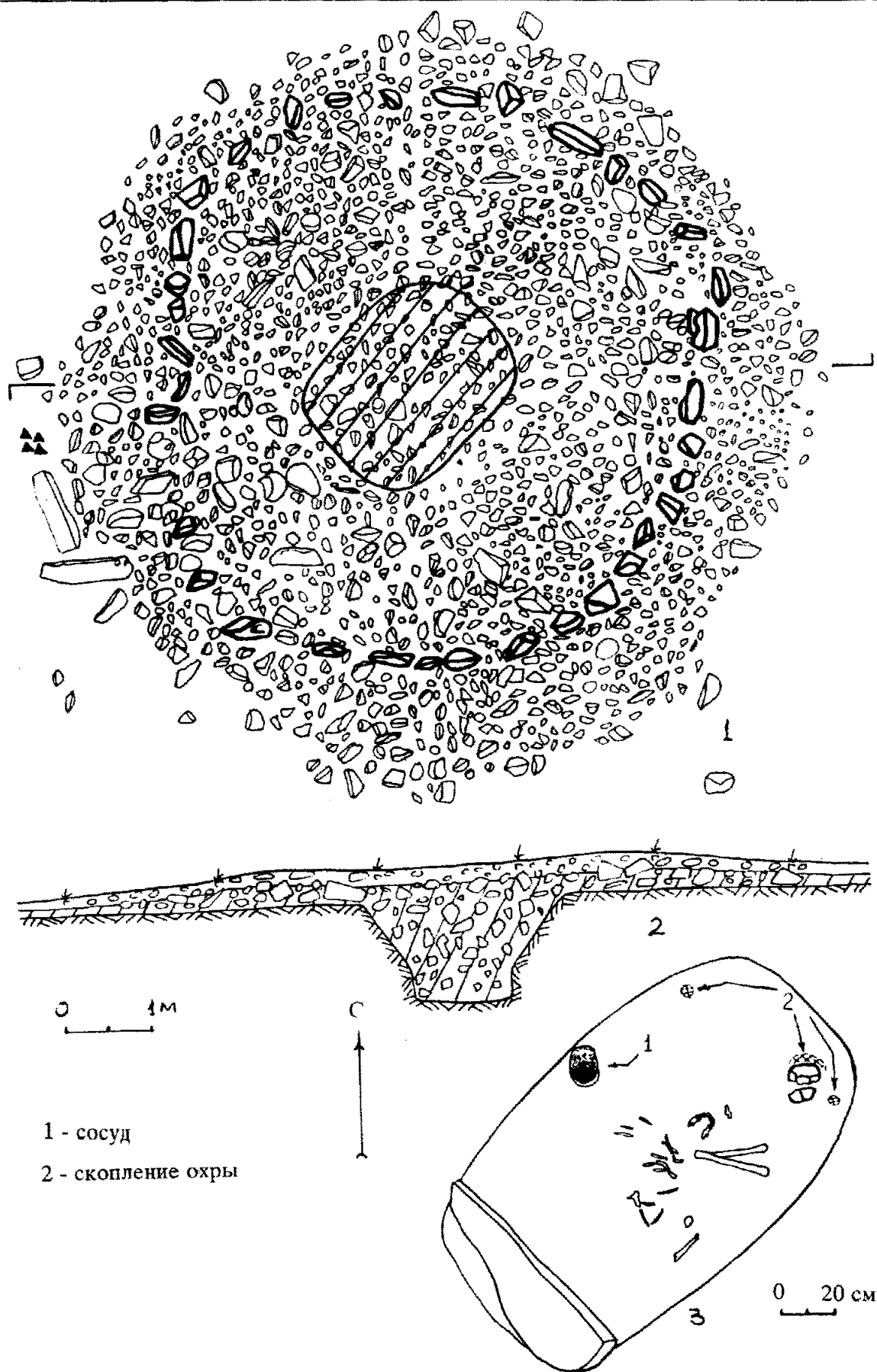
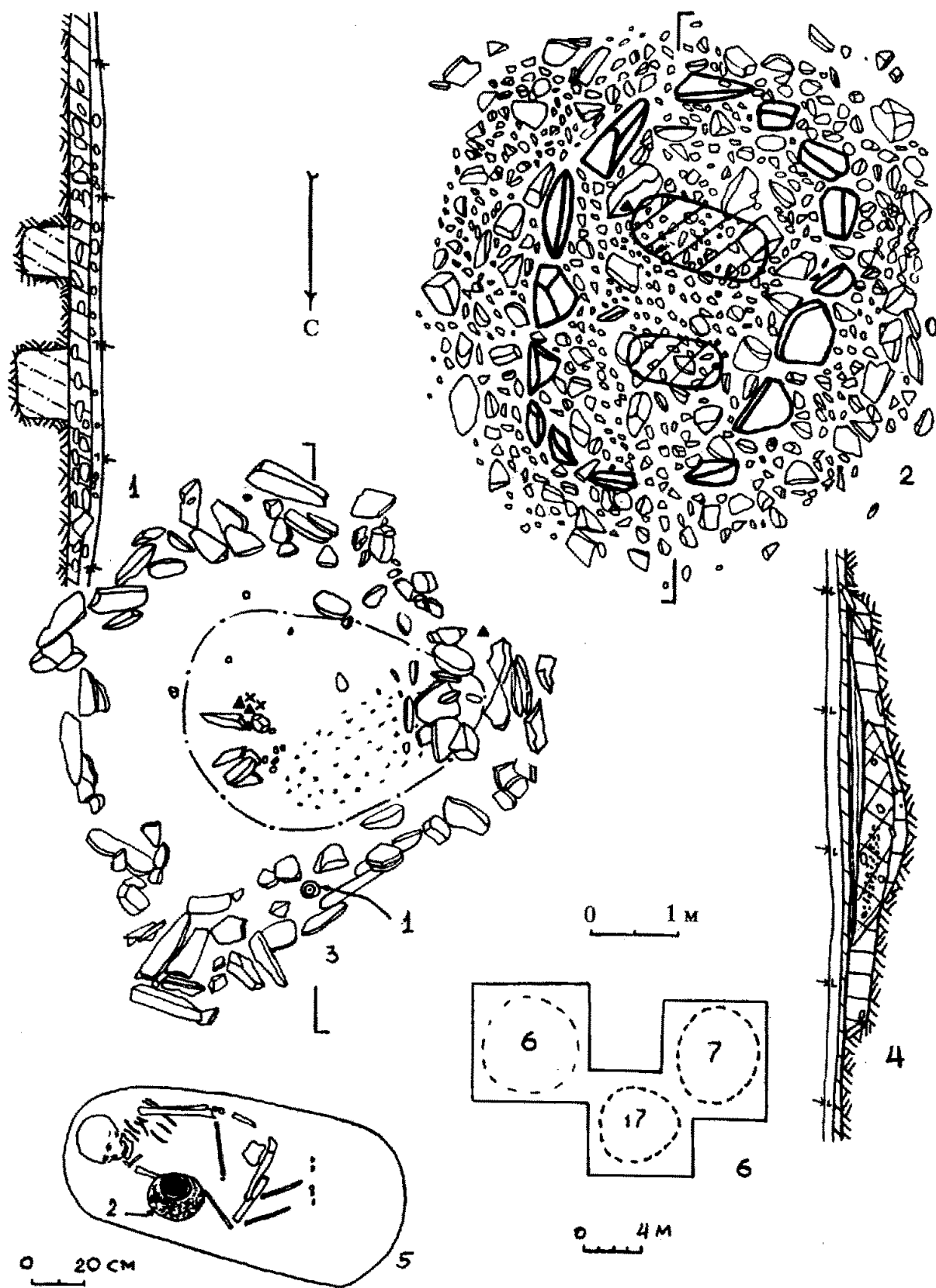

Рис. 5. Могильник Бойтыгем-II: план (1) и разрез (2) кургана 5, план могилы (3)

1 - курильница, 2 - сосуд

Рис. 6. Могильник Бойтыгем-II: план (2) и разрез кургана 7, могилы 1 (5), план (3) и разрез (4) кургана 17 и план раскопа курганов 6, 7 и 17 (6)

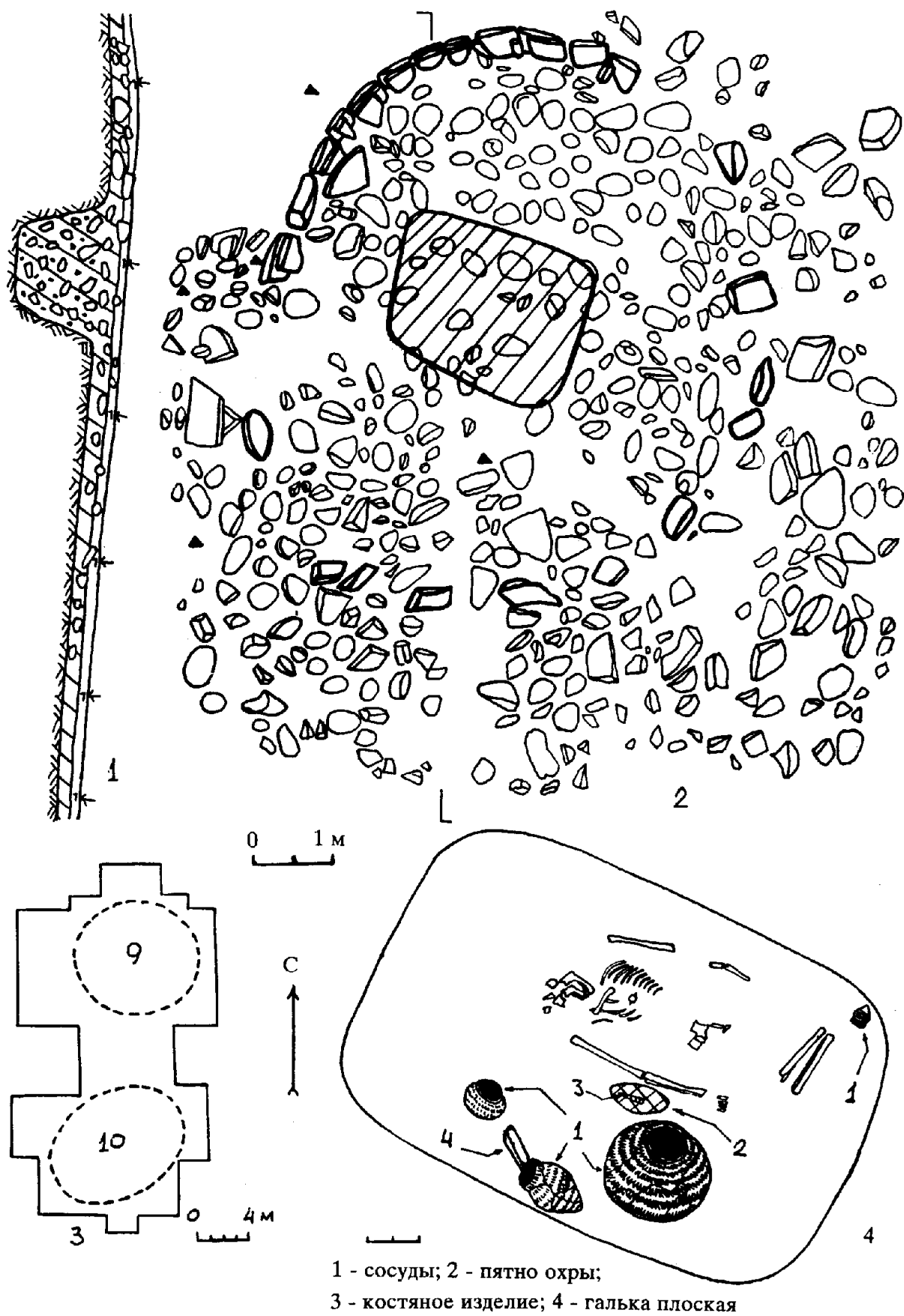

Рис. 7. Могильник Бойтыгем-II: план (2) и разрез (1) кургана 9, планы могилы (4) и раскопа курганов 9 и 10 (3)

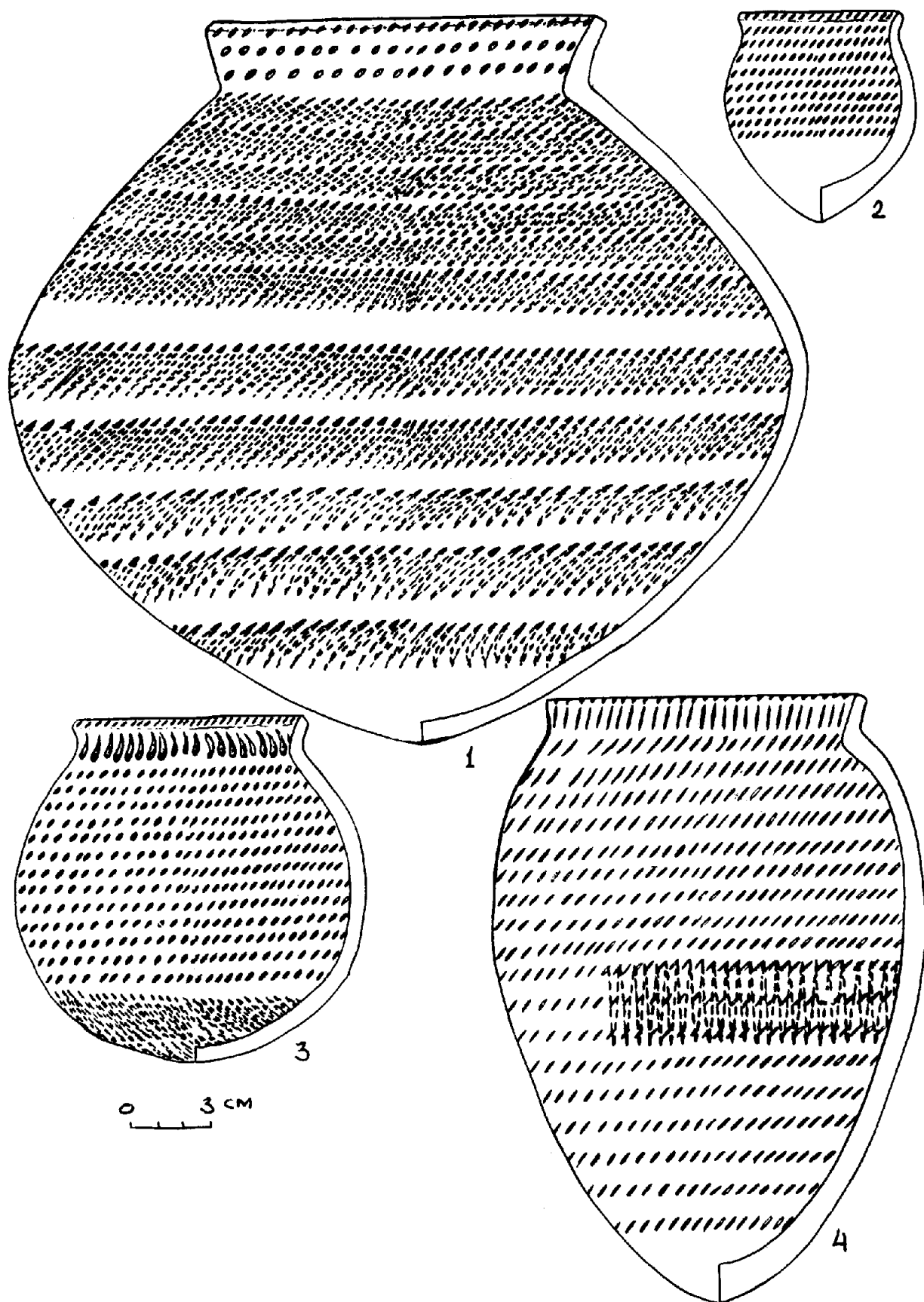

Рис. 8. Сосуды из кургана 9 могильника Бойтыгем-II

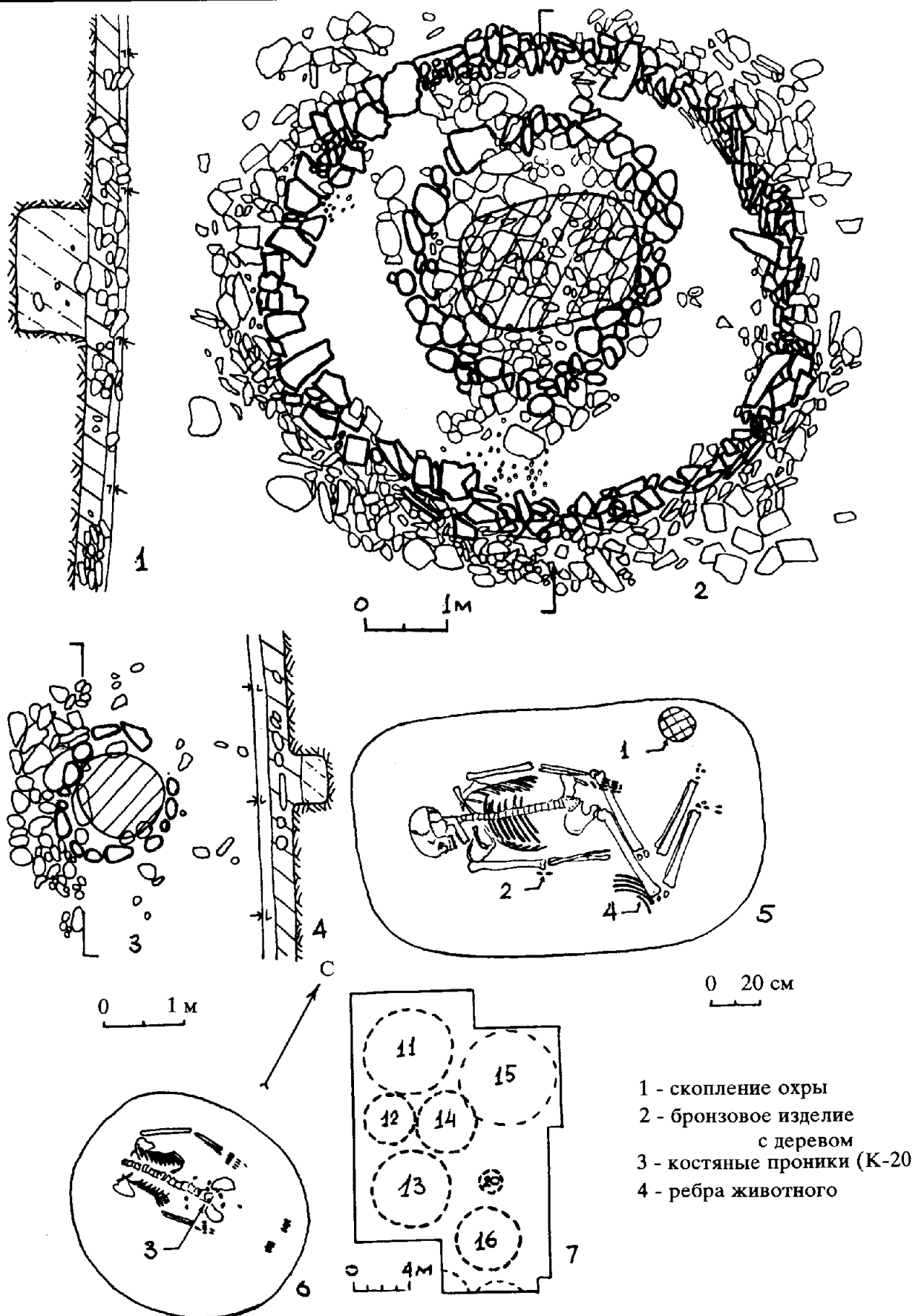

Рис. 9. Могильник Бойтыгем-П: план (2) и разрез (1) кургана 11, план могилы (5), план (3) и разрез (4) кургана 20, план могилы (6) и план раскопа курганов 11-16, 20 (7)

М. Т. Абдулганеев

МАЙЭМИРСКИЕ КУРГАНЫ БОЙТЫГЕМА

За последние десять лет материалы по раннескифскому времени Горного Алтая значительно увеличились: раскопаны десятки курганов на могильниках Бийке, Айрыдаш 1, Кызык-Телань 1, Кор-Кобы 1, Карбан 1, Агафонов Лог 3, Яломанские Ворота и ряде других. Во многом это случилось благодаря планировавшемуся строительству Катунской ГЭС, поскольку большая часть исследовавшихся памятников находится именно там. Там же располагается и могильник Бойтыгем 2. Среди раскопанных на этом памятнике объектов шесть относятся к раннескифскому времени.

Майэмирские курганы находились в трех группах могильника: северной (8, 6, 2, 19), восточной (2) и южной (15) (см. рис. 3 на стр. 30 в настоящем сборнике). В последних двух случаях они могли быть одиночными, подобных объектов в этих группах более не наблюдается. В северной группе около 25 майэмирских курганов тянулись неупорядоченной цепочкой от края террасы между ее кромкой и склоном горы с востока на запад. Сама система их расположения заметно отличалась от пазырыкских и афанасьевских могильников Бойтыгема. Курган 8 находился в восточной части могильника, на конце террасы, курган 9 — в западной, курганы 2 и 6 в центре. Внешне все майэмирские курганы представляли собой хорошо задернованные холмики диаметром 5–8 м и высотой до 0,15 м. Из дерна торчали только отдельные камни насыпей, а в некоторых случаях — ящики. Таким же образом выглядел и афанасьевский курган 7, находившийся в центре могильника. Четыре кургана исследовались отдельными прямоугольными раскопами большими размерами, чем сами курганы. Курган 2 включен в единый раскоп с афанасьевскими 7 и 17, а курган 15 выявлен при раскопках афанасьевских 11–14, 16, 20.

Курган 2 (рис. 1–9) был сложен из обломков камня в 1–3 слоя. Размеры его составили 4,0х6,0 м, крепиды из более крупных камней были — 3,5х5,0 м (длинная ось северо-северо-запад—юго-юго-восток), высота 0,4 м. В центре насыпи находился ящик из 3 плит и глыбы (с запада), промежутки между которыми забиты мелкими камнями. Ящик установлен на древнем горизонте, а рядом с ним лежала сброшенная грабителями плита перекрытия. Внутренние размеры его составили 1,3х1,8 м (длинная ось северо-северо-восток—юго-юго-запад). В заполнении встречались отдельные кости мужчины 30–35 лет (здесь и далее определения А. Р. Кима), а на дне найдены его правая нога и каменный оселок (рис. 3–7). Судя по всему, погребенный лежал на левом боку, головой на юго-юго-запад. К востоку от ящика находилась яма размерами 0,9х1,45 м (длинная ось север-юг), заброшенная камнями. На дне, на глубине 0,35 м (все замеры глубин — от уровня материка), лежала втиснутая в яму лошадь с подогнутыми под туловище ногами, крупом на юг и отчлененной головой (рис. 1–8). Во рту ее найдены стремечковидные удила (рис. 1–2), рядом с ними — трехдырчатые S-видные псалии (рис. 1–1), у одного из них — распределительная бляшка (рис. 1–7). Под черепом лежал наносник (рис. 1–5), в районе грудной клетки — две трочные пряжки, одна со шпеньком (рис. 1–3, 4), а рядом с ними — наконечник ремня (рис. 1–6). Все вещи изготовлены из бронзы.

Курган 4 был сложен из крупных валунов в один слой. Диаметр его — 4 м, высота — 0,3 м. Среди камней насыпи найдены мелкие обломки костей и керамики без орнамента. В центре находился установленный на древнем горизонте ящик из 4 или 5 плит, полностью разрушенный и разграбленный. Одна из плит могла быть его перекрытием. Внутренние размеры ящика составили около 0,8х1,5 м (длинная ось северо-северо-запад—юго-юго-восток).

Курган 6 (рис. 2–1) был сложен из обломков камня в 1–2 слоя. Диаметр его 5,0 м, размеры крепиды из блоков — 4,0х4,5 м (длинная ось северо-северо-запад—юго-юго-восток), высота 0,3 м. После снятия насыпи в центре обнаружен стоящий в яме глубиной 0,3 м ящик из 5 плит (2 с юга). Промежутки между плитами, а также стенками ямы и ящиком забиты мелкими камнями. Внутренние размеры ящика составили 0,65х1,2 м (длинная ось северо-северо-восток—юго-юго-запад). В заполнении его найдена одна из плит перекрытия, а на дне — нарушенное погребение женщины 40–45 лет. Часть костей осталась в анатомическом порядке: левая нога и половина таза, берцовые правой ноги, плечевые, локтевые и частично плечевые, часть позвоночника. Судя по ним, погребенная лежала скорченно на правом боку, головой на северо-северо-восток. На левом ее колене найден кусок угля, а на груди — обломок мела (рис. 2–2).

Курган 8 был сложен из мелкого камня в один-два слоя. Диаметр его составил 7 м, высота — 0,2 м. По периметру заметны более крупные камни крепиды диаметром 6 м. В насыпи найден фрагмент керамики без орнамента; погребения не оказалось.

Курган 15 был сложен из обломков камня в один-два слоя. Диаметр его 7 м, крепиды из более крупных камней — 6,5 м. Для сооружения кургана 15 были частично использованы камни соседних с ним афанасьевских оград 12 и 14. В насыпи найдены мелкие косточки и фрагменты керамики без орнамента. В центре находился частично разрушенный ящик из 6 плит (по две — с севера и юга), установленный на древнем горизонте. Внутренние его размеры составили 0,7х1,5 м (длинная ось запад—восток). На дне найдены обломки ноги взрослого человека.

Курган 19 (рис. 2–4, 3–6) был сложен из обломков камня. Диаметр его 5,5 м, крепиды из более крупных камней 5,0 м. После снятия насыпи в центре зафиксирована яма размерами 1,45х2,7 м (длинная ось северо-северо-запад—юго-юго-восток). В западной ее половине находился ящик из 7 плит (3 — с востока, 2 — с юга), перекрытый плоским валуном и 3 плитами. В центре перекрытие отсутствовало. Стыки между плитами ящика, а также между ящиком и стенками ямы забиты мелкими камнями. Внутренние размеры ящика составили 0,7х1,05 м (длинная ось север—юг), глубина 0,6 м. На дне, в положении скорченно на правом боку, головой на северо-северо-запад, правым виском на каменном бруске лежал скелет женщины 25 лет (рис. 2–3). На левом бедре, ближе к поясу найдено крупное бронзовое петельчатое зеркало (рис. 3–1), на шее и груди — ожерелье из 4 снизков. В состав ожерелья входило 593 мелких и 15 крупных пастовых бусин (рис. 3–3), 4 плоские прямоугольные подвески из зеленого камня, 3 более мелких и 2 удлинено-округлые

бусины из того же камня (рис. 3–2). Каменные бусины и подвески были в 1 снижке. Возможно, в то же ожерелье входили найденные за черепом (серьга 1 — рис. 3–4) и у правого плеча (серьга 2 — рис. 3–5) золотые серьги. Обе серьги представляют собой сомкнутые кольца, из округлой (1) или подквадратной в сечении (2) проволоки, на которые подвешены полые конусы. Внешняя их поверхность украшена зернью, в нижней части имеются отверстия для крепления. У подвески серьги № 1 сильно разработано отверстие для кольца и само кольцо отпаялось; вероятно, она использовалась вторично.

В восточной яме, в дополнительном углублении размерами 1,0х1,35 м (длинная ось запад—восток) находилось погребение лошади без черепа. Она была втиснута в яму и лежала на левом боку, с подогнутыми к животу ногами, крупом на восток (рис. 2–3). На ее грудной клетке найдены две крупные бронзовые трочные пряжки, одна со шпеньком (рис. 4–4, 5) и бронзовая уздечная бляха со шпеньком (рис. 4–1). У лопаток находились две бронзовые желобчатые пронизки (рис. 4–6), бронзовая застежка со шпеньком и рифленным щитком (рис. 4–3) и костяная обойма (рис. 4–7), у передних ног — бронзовая желобчатая пронизка и костяная обойма. Между задними ногами и нижней частью ребер обнаружена бронзовая зооморфная бляшка со шпеньком (рис. 4–2).

Несмотря на находки вещей только в двух курганах, сам набор их достаточно разнообразен. Сходство, хотя и не идентичность трочных пряжек, а также относительно малые размеры могильника (северная группа, Бойтыгем 2) позволяют нам рассматривать оба комплекта конской упряжки как относящиеся к одной эпохе. Всем найденным предметам из конских захоронений имеется достаточно широкий круг аналогий.

Стремечковидные удила были распространены на очень широкой территории Тувы, Горного Алтая, Казахстана, Восточной Европы и в других местах [1 — рис. 9, с. 78; 2 — рис. 18–25, 27, 34, 40; 3 — рис. 1–2; 4 — табл. XX–5; 5 — рис. 83–1, 2, рис. 109–1; 6 — рис. 3–7; 7 — рис. 23–3, 6, рис. 27–4, рис. 28–2, 3, 4; 8 — рис. 3–2; 13 — рис. 7–2, 4, рис. 15–6, рис. 26–6, 7, рис. 28–8; 18 — рис. 43; 24 — рис. 8–1, 2, 3]. Наиболее вероятно ограничить время их бытования VIII–VII вв. до н. э., которым датируют и трехдырчатые псалии [15 — с. 12]. S-видным псалиям из кургана 2 Бойтыгем 2 абсолютных аналогий нет. Самые близкие образцы имеются в казахстанских материалах [1 — рис. 8, 10; 4 — табл. III–II, 12; 23 — с. 160], особенно в Измайловском комплексе IX–VII вв. до н. э. [9 — рис. 3–17, с. 162]. В Приуралье S-видные двудырчатые псалии появляются в VI в. до н. э. [18 — рис. 46, 47, с. 84]. Их, видимо, следует считать завершающим звеном в эволюции изделий такого типа. Трочные пряжки, обычно парные, распространены не менее широко, а с T-образным шпеньком — в тех же хронологических рамках (8–7 вв. до н. э.) [15 — с. 12]. Аналогии таким пряжкам имеются в Казахстане, Туве, Горном Алтае и ряде других территорий [1 — рис. 23, 24; 4 — табл. 1–4, 5, VIII–8, 9; XVII–5, 6; XVIII–35, 36; 6 — рис. 4–6, 9; 7 — рис. 83–2; 8 — рис. 17–18; 9 — рис. 3–15, 16; 10 — рис. 2–26, II — рис. 1; 13 — рис. 8–11, 14, 15, 17, 19, рис. 26 — 1, 2, 4, рис. 28–5, 6; 24 — рис. 7–6].

Шире (VIII–IV вв. до н. э.) датируются другие предметы конской упряжи, аналогичные бойтыгемским; наносники и наконечники ремней [7 — рис. 8–16; 13 — рис. 28–7; 25 — рис. 23–4; 26 — табл. 17–38], костяные пронизки и желобчатые бронзовые [4 — табл. III–1, 2,

XVII–3; 10 — рис. 3–9, 10, 11; 17 — табл. X–6, 7; XI–6, IX–7; 19 — рис. 5–8], распределительные бляшки и уздечные бляхи [6 — рис. 6–14; 17 — табл. XXX–1, XXXIX–2, X–1]. Известные нам застежки со шпеньком имеют обычно гладкий щиток; рифленные щитки редки [4 — табл. V–15, VII–3, VIII–3, IX–3, XVI–4; 5 — рис. 83–1, 109–1; 11 — рис. 1]. Вышеперечисленные изделия распространены достаточно широко, но встречаются чаще в Туве, Горном Алтае и Казахстане. Зооморфной бляшке полных аналогий найти не удалось: самая близкая по форме происходит с Верхней Оби [25 — табл. XXIII–5]. В общем, оба комплекта конской упряжи, как и могильник Бойтыгем 2 (северная группа), датируются VIII–VII вв. до н. э.

Находки из женского погребения кургана 19 также подтверждают нашу датировку. Для эволюции петельчатых зеркал VIII–III вв. до н. э. характерно уменьшение со временем их диаметров и толщины; наиболее близкие нашему относятся к VIII–VI вв. до н. э. [26 — табл. 21–3, с. 82]. Что касается ожерелья, то его состав (настовые и каменные бусы) обычен для погребений раннескифского времени Горного Алтая, хотя количество бусин обычно бывает меньше [8 — рис. 5–1–12; 14 — рис. 2, 3]. Золотых серег в майэмйских курганах до находок на Бойтыгеме найдено не было. Зато они имелись в более позднем Быстрянском могильнике (северные предгорья) [10 — рис. 2–3, рис. 3–3] и алдыбельских курганах Тувы [5 — рис. 110–1; 12 — рис. 31–8].

Погребальный обряд могильника Бойтыгем 2 достаточно разнообразен: захоронения в ящиках на горизонте и в ямах, с сопроводительным захоронением лошади и без него, различная ориентация и форма курганов и т. д. Тем не менее любая из этих черт находит прямые аналогии в раскопанных ранее майэмйских могильниках. Если рассматривать только северный (усть-куюмский) вариант памятников майэмйской культуры (к которому и относится могильник Бойтыгем 2), то погребения лошадей в отдельных ямах зафиксированы на Айрыдаше 1, Элекмонаре 2, Кор-Кобы 1, Бийке и других памятниках [14 — рис. 2–1; 20 — с. 79, 21 — с. 198, 22 — с. 57; 23 — с. 68, 70], отчленение головы коня — на Усть-Куюме [14 — рис. 2–4], каменная «подушечка» под головой погребенного — на Карбане 1 и Бийке [8 — с. 30; 23 — с. 67]. Почти на всех памятниках усть-куюмского типа внутри насыпей прослеживаются их крепидные основания из более крупных блоков, но есть и каменные наброски без крепиды.

В литературе неоднократно отмечалась вариативность погребальной обрядности майэмйской культуры. Она прослеживается как внутри отдельных могильников, так и между ними. Особенно заметны различия между куртуско-катонским и усть-куюмским локальными вариантами [16 — с. 50–51]. Вместе с тем многие черты, характеризующие северные памятники майэмйской культуры, общны и для алдыбельской Тувы (курганы с крепидой, погребения в каменных ящиках, положение скорчено на левом боку головой на запад или северо-запад и др. [5 — с. 24]), а часть памятников куртуско-катонской группы находится в Казахстане. С накоплением материалов становится ясно, что намеченная ранее граница между куртуско-катонским и усть-куюмским локальными вариантами в Центральном Алтае соответствует действительности. Оба варианта имеют свою территорию распространения, отличительные признаки, а объединяет их немногое: положение погребенных скорчено на левом боку головой на северо-запад, захоронение лошадей отдельно от человека и инвентаря.

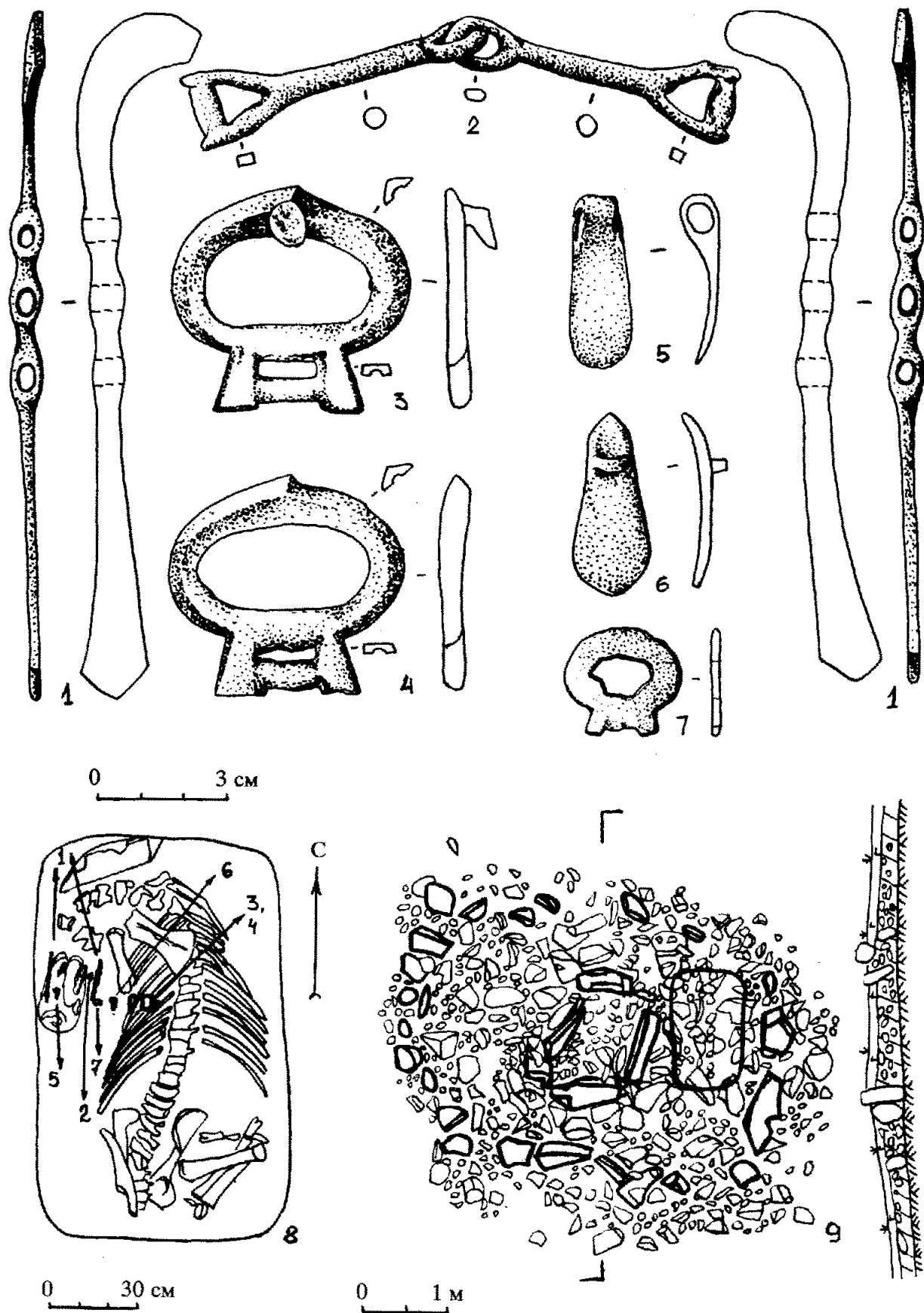

Рис. 1. Могильник Бойтыгем-II. План и разрез кургана № 2(9), захоронения коня (8) и бронзовые изделия из него (1-7) (№№ вещей на рисунке соответствуют №№ вещей на плане)

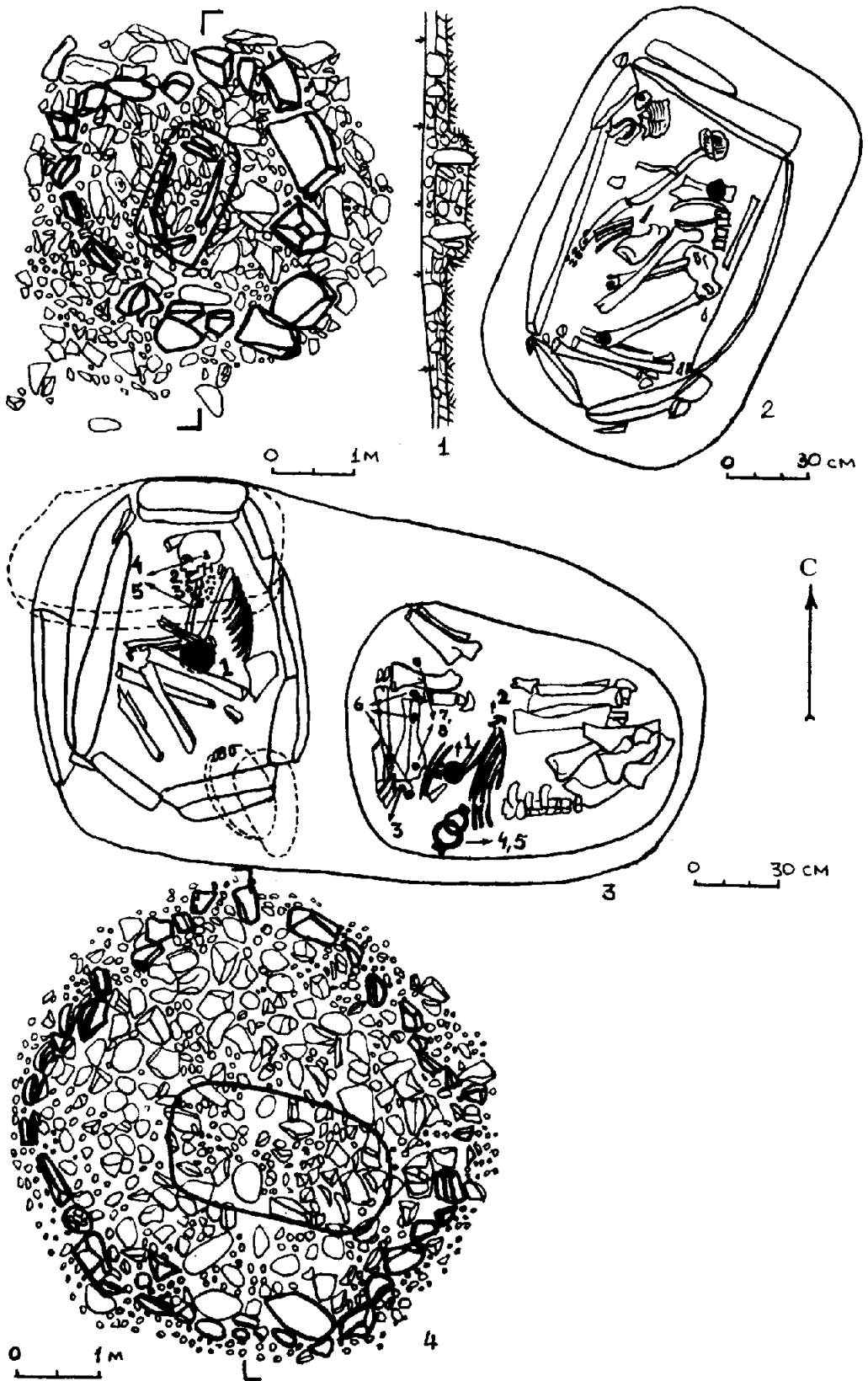

Рис. 2. Могильник Бойтыгем-II. План, разрез и план могилы кургана № 6 (1, 2), план насыпи и план могилы кургана № 19 (3,4)

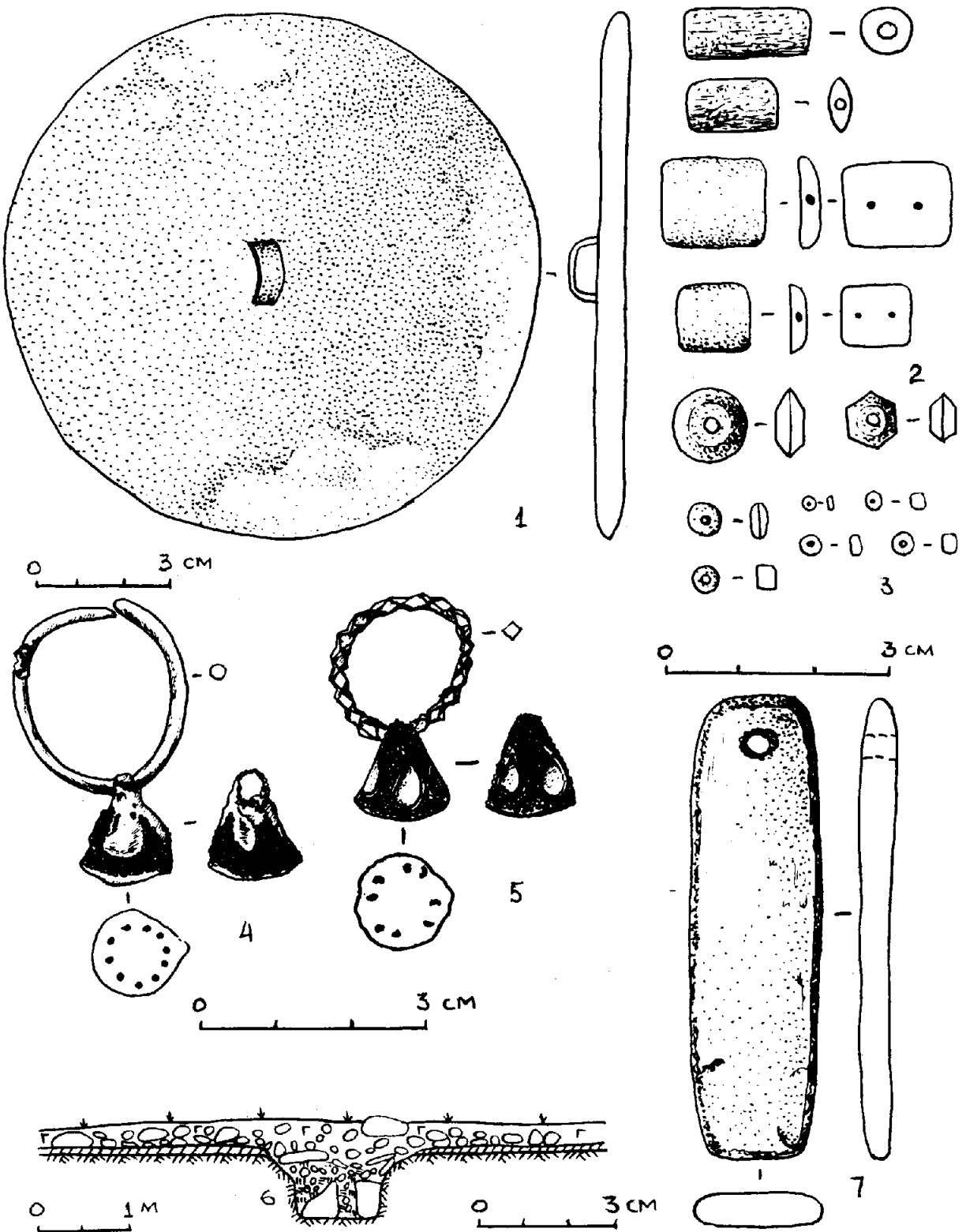

Рис. 3. Могильник Бойтыгем-II. Вещи из курганов № 2 (7) и № 19 (1-5), разрез кургана № 19 (6) (1 - бронза; 2, 7 - камень; 3 - глина; 4, 5 - золото) (№№ вещей на рисунке соответствуют №№ вещей на плане)

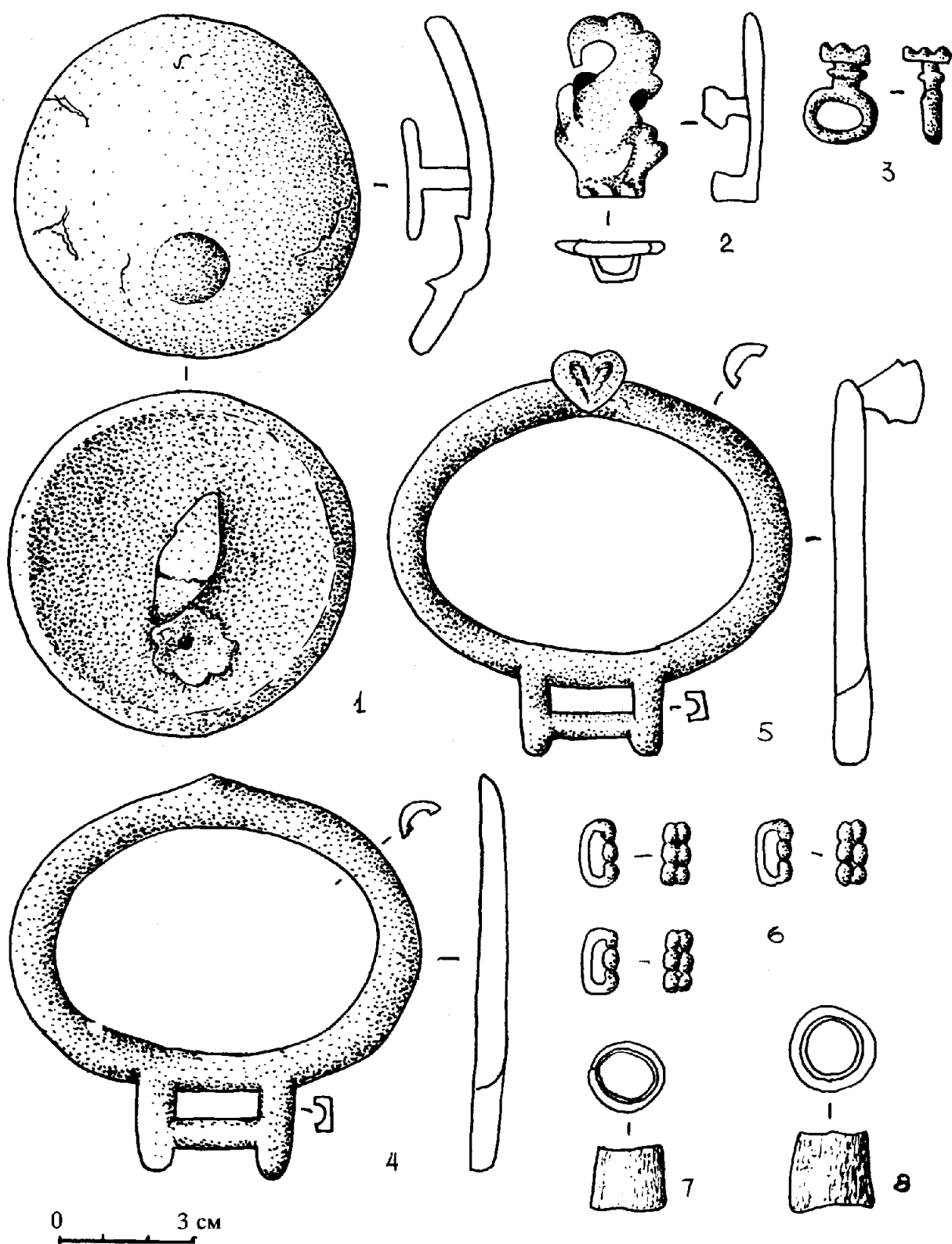

Рис. 4. Могильник Бойтыгем-II. Вещи из захоронения коня кургана № 19 (1-6 - бронза; 7, 8 - кость) (№№ вещей на рисунке соответствуют №№ вещей на плане)

Последний же одинаков не только в Горном Алтае, но и на обширной территории азиатских степей, характеризующая в целом раннескифское время. Вопрос заключается, на наш взгляд, только в том, что понимать под культурой и что — под локальным вариантом.

Прояснить положение помогли бы еще два момента. Во-первых, необходимо выделить типы вещей, распространенных в VIII–VI вв. до н. э. на территории Горного Алтая и характеризующих оба локальных варианта как в целом, так и в отдельности. Во-вторых, с той же целью нужно провести анализ форм и орнаментации погребальной и поселенческой керамики. Обе задачи на данном уровне исследования решить очень сложно. Трудности первой заключаются в ограбленности большей части раскопанных курганов и малом количестве инвентаря из них. Решение второй упирается в неразвитость ритуала установки посуды в могиле, а также не только неисследованность, но и вообще отсутствие зафиксированных майэмирских поселений. В связи с этим в настоящее время, на наш взгляд, термины «майэмирская культура», «усть-куюмский» и «куртукско-катонский» варианты следует использовать условно, имея в виду в первую очередь хронологию и территориальную привязку каждого конкретного памятника. В заключение остается констатировать, что нерешенных проблем по раннескифскому времени Горного Алтая стало даже больше, чем их было при выделении в 1986 г. [16] майэмирской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Арсланова Ф. К. Новые материалы VII–VI вв. до н. э. из Восточного Казахстана//Бронзовый и железный век Сибири (Древняя Сибирь, вып. 4). Новосибирск, 1974. С. 77–83.
2. Борщева Т. Б. Цветная металлообработка скифского времени. М., 1981. 126 с.
3. Бородаев В. Б. Местонахождение Вакулиха 1//Охрана и изучение культурного наследия Алтая: Тез. докл. конф. Ч. I. Барнаул, 1993. С. 150–155.
4. Вишневецкая О. А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–VI вв. до н. э.: По материалам Уйгарака. М., 1973. 160 с.
5. Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.
6. Грязнов М. П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае//КСИИМК. Вып. XVII. М., 1947. С. 9–17.
7. Грязнов М. П. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 62 с.
8. Демин М. А., Гельмель Ю. И. Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая//
- Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири. Барнаул, 1992. С. 28–34, 170–175.
9. Ермолаева А. С. Измайловский погребальный комплекс переходного времени от бронзы к раннему железу из Восточно-Казахстанского Прииртышья//Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1986. С. 154–163.
10. Завитухина М. П. Курганы у села Быстриянского в Алтайском крае (по раскопкам С. М. Сергеева в 1930 г.)//АСГЭ. № 8. Л., 1966. С. 61–77.
11. Кадырбаев М. К. Курганы Котанэмеля//Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 127–132.
12. Кызласов Л. Р. Древняя Тува. М., 1979. 207 с.
13. Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. 435 с.
14. Марсадилов Л. С. Памятники ранних кочевников в Усть-Куюме на Алтае//АСГЭ. № 22. Л., 1981. С. 11–22.
15. Марсадилов Л. С. Хронология курганов Алтая (VIII–VI вв. до н. э.). Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.
16. Могильников В. А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке//Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 35–67.
17. Руденко С. М. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953. 523 с.
18. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов//МИА. № 101-М. 1961. 162 с.
19. Сорокин С. С. Цепочка курганов ранних кочевников на правом берегу Кок-су (Горный Алтай)//АСГЭ. № 16. Л., 1974. С. 62–91.
20. Степанова Н. Ф. Куюмский тип памятников VIII–VI вв. до н. э.//Скифская эпоха Алтая: Тез. доклада. Барнаул, 1986. С. 79–81.
21. Суразаков А. С. Раскопки в долине Айрыдаш//Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 197–200.
22. Суразаков А. С. Раскопки памятников Курата 2 и Кор-Кобы 1//Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 56–96.
23. Тишкин А. А., Харченко Т. В. Раскопки пяти курганов могильника Бийке в Горном Алтае//Охрана и использование археологических памятников Алтая./ Тез. докл. Барнаул, 1990. С. 67–70.
24. Толстов С. П., Итина М. А. Саки низовьев Сыр-Дарьи: По материалам Тагискена. СА, 1966. № 2. С. 151–175.
25. Троицкая Т. Н., Бородавский А. П. Большерецкая культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1993. 184 с.
26. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 299 с.

А. Л. Кунгуров

ВЕРХНИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СЛОИ ПОСЕЛЕНИЯ ТЫТКЕСКЕНЬ 3

Памятник был зафиксирован в 1985 г. Н. Ю. Кунгуровой. В 1988–1991 гг. экспедицией Алтайского государственного университета вскрыта общая площадь ок. 600 кв. м [1, 2, 4]. Поселение расположено на остатке третьей надпойменной террасы, имеющей высоту 30–32 м над уровнем Катунь и до 10–12 м над

уровнем Тыткескена. Площадка, занятая памятником, с востока, севера и запада ограничена правым берегом р. Тыткескен, а с южной стороны отрогами гор и вертикально стоящей известняковой скалой (рис. 1). Ее поверхность плавно поднимается от края террасы (северная часть) к скалам (перепад высот в раскопе

больше 2 м). Откос к реке занят березово-сосновым лесом, хорошо маскирующим площадку, на которой древесной растительности нет. Памятник имеет достаточно сложную стратиграфию, изменяющуюся от края террасы к скальным выходам.

1. 0–0,05 м — дерн.
2. 0,2–0,44 м — верхний гумусовый горизонт черного цвета с редким содержанием обломков известняка, галек и валунов. Мощность слоя увеличивается от севера (0,2 м) к югу (0,44 м). Также увеличивается и его насыщенность обломками известняка.
3. 0,1–0,5 м — нижний, более светлый, гумусовый горизонт. Мощность также возрастает к северу. В 57 м от северного края кровля слоя 3 насыщена обломками известняка, ниже (севернее) включений продуктов разрушения известнякового массива меньше. Общее увеличение гумусовой пачки объясняется смывом обогащенных перегноем частиц почвы с горы.
4. 0,05–0,3 м — серая лессовидная карбонатизированная супесь. Горизонт в южной части неоднороден (разорван погребенной почвой). К кромке террасы практически сходит на нет.
5. 0–0,1 м — темно-серая (насыщенная гумусом) супесь. Появляется в 53 м от края террасы и перекрывает слой 4.
6. 0–0,4 м — погребенная почва черного цвета с большим содержанием древесного угля. Появляется в 53 м от края террасы, подстилает слой 5.
7. 0–0,05 м — погребенная почва темно-бурого цвета, насыщенная обугленной органикой. Подстилает слой 6.
8. 0–0,1 м — погребенная почва темно-бурого цвета, содержит обугленную органику. Прослежена с 51 м от края террасы. Подстилает слой 4.
9. 0–0,2 м — погребенная почва бурого цвета. Прослежена с 57 м от края террасы, подстилает слой 8.
10. 0–0,3 м — серый золотый песок. Фиксируется с уровня 47 м от северного края раскопа (край террасы).
11. 0–0,1 м — зеленовато-серый золотый песок. Фиксируется с уровня 47 м от северного края раскопа.
12. 0–0,05 м — черно-коричневая погребенная почва, насыщенная органическими остатками. Является подошвой рыхлых отложений субаэрального генезиса. Ниже ее фиксируются аллювиальные отложения. Прослежена с уровня 47 м от края террасы.
13. 0–0,95 м — зеленоватый крупнозернистый аллювиальный песок. Появляется как слой на уровне 30 м от края террасы.
14. 0–0,2 м — аллювиальный гравийный горизонт, появляется в 35 м южнее края террасы.
15. 0–0,1 м — зеленоватый мелкозернистый аллювиальный песок, появляется в 40 м южнее края террасы.
16. Ниже 0,35–3,48 м — аллювиальный валунно-галечниковый конгломерат-доколь террасы.

Падение аллювия от края террасы к скалам на глубину почти 3 м объясняется тем, что в древности под скалами проходило русло Тьгтескени, сместившееся позднее на свое нынешнее место. Оставшаяся старица была замыта песком и гравием (слои 13–15) во время разливов Тьгтескени, а затем занесена субаэральными отложениями. Первое поселение возникло на Тьгтескене 3 в эпоху палеолита (слой 12), когда большая часть этой площадки представляла собой галечниковую гряду, огораживающую засыпанное песком и гравием старое русло реки. После перерыва, оставившего 10–

15-сантиметровый слой золотого надува (слой 11), место было заселено в раннемезолитическую эпоху (слой 10). Уже тогда поверхность террасы начала нивелироваться за счет смыва с гор. Слои 5–9 отражают периоды заселения террасы в позднем мезолите. По-видимому, большое количество тонких погребенных почв не связано с деятельностью человека, а отражает какие-то климатические сдвиги на Средней Катуни в начале голоцена. В финальномезолитическом времени люди застали уже ровную площадку с незначительным подъемом к югу (к скалам), сnivelированную отложениями предыдущих эпох в старом русле Тьгтескени и засыпанную мелкой золотой лессовидной супесью (слой 4). В эпохи бронзы и железа терраса имела современный вид: постепенно нарастая, гумус полностью сгладил сложную стратиграфию площадки.

К сожалению, большая часть нижних горизонтов, перекрытых лессовидной супесью, пока исследована на очень небольшой площади. В данной работе вниманию читателя будут представлены только культурные слои гумусовой пачки, эпохи бронзы, раннего железа и средневековья.

Культурные слои эпохи средневековья (глубина залегания от 0 до 0,25 м). Зафиксированные объекты: каменная «выкладка» (рис. 2), «ритуальная» яма (рис. 3). Возможно, часть зафиксированных хозяйственных ям относится к эпохе средневековья, но находками это не подтверждается (в большей части ям вообще никаких находок нет).

Культурный слой средневекового времени прослежен по всей площади раскопа (включая первую шурфовку в 1985 г.). Попадание керамики, характерной для него, в низлежащие горизонты минимально. Характер керамики, даже без орнамента, существенно отличается от предшествующей посуды раннего железного века большей рыхлостью теста и толщиной стенок сосуда. Имеются все данные для обоснования принадлежности этому слою фаунистических остатков (см. табл. 1), иллюстрирующих скотоводческое хозяйство с развитой охотой. Споропыльцевые и палеокарпологические анализы демонстрируют, кроме того, развитую отрасль собирательства — сбор полезных ментоловых или иных трав. К сожалению, эти данные достаточно ущербны из-за особенностей почв, разрушающих пыльцу.

Характеристики керамики (рис. 4-1-7; 6). Керамический комплекс первого культурного слоя представлен 438 обломками керамики не менее чем от сотни сосудов. Наиболее распространенная форма — профилированные плоскодонные горшки с отогнутым наружу венчиком (рис. 4-1-4, 6, 7; 6-3, 4, 5, 8, 9, 11-14), закрытые баночные сосуды крупных размеров (рис. 6-2). Реже встречаются небольшие банки и миски (рис. 6-1). Орнаментация бедна: ямки неправильной формы (рис. 4-2; 6-2, 9, 10), насечки, зацепы (рис. 6-5), «след лося» — отпечатки отступающего двузубого штампа (рис. 6-7), очень редко встречаются гребенчатый штамп (рис. 6-6) и треугольники из отпечатков семечковидной формы (рис. 4-1). В целом следует отметить, что большая часть средневековой посуды оставлена без орнамента. Встречено только одно изделие из керамики — цилиндрическое пряслице, украшенное отпечатками штампа а — «трубочки», образующими солярный орнамент (рис. 5-10).

Орудийный набор. Количественно невелик, но достаточно выразителен: три железных ножа, шило, три

изделия из бронзы, костяное острие и обрезанный рог косули, нижний камень жернова и серия точильных камней-брусков.

Ножи разных размеров и типов. Один черешковый, небольшой величины со сточенным лезвием найден в центральной части выкладки (рис. 5-3). Два других обнаружены под скалой. Оба имеют изогнутую серповидную форму, но один маленький, приближающийся размерами к первому (рис. 4-8). Третий нож можно назвать жатвенным или даже серпом (рис. 4-9). К его особенностям следует отнести также волнистую форму выпнутого лезвия и загнутый для закрепления в деревянной рукоятке кончик черешка. Шило достаточно крупное, черешок не выделен, сечение квадратное. Подобное изделие было встречено нами при раскопках поселений Усть-Куем в 1986 г. Крупные размеры этих изделий наталкивают на мысль, что они могут быть своеобразными пробойниками для металла и толстой кожи (рис. 5-4). Из бронзы сделана плоская подвеска (?) подтреугольной формы (рис. 5-6), несомкнутое кольцо с насечками по внешнему краю (серьга) и фрагмент изделия с заклепкой (рис. 5-5, 7). Костяное острие (рис. 5-9) — обычный предмет для комплексов эпохи железа, о назначении которого можно только гадать. Конец изделия разрушен, поэтому установить его функциональную необходимость, на мой взгляд, невозможно. Обрезанный рог (рис. 5-12) несет следы работы острым и достаточно массивным металлическим предметом (долото или тесло). К костяным предметам можно отнести зуб молодого медведя с недо-сверленным отверстием посередине (рис. 5-8) и несколько костей коровы со следами работы металлическими орудиями.

В квадратах 48-56/Д-М на глубине 0-0,25 м расчищена выкладка из известняковых глыб и валунов катунского аллювия, принесенных с берега реки (соотношение 1:15) (рис. 2). Назначение выкладки неясно. Она представляет собой бессистемное сложение камня длиной около 9 м и шириной от 1 до 7 м с простиранием с юго-восток на северо-запад. В раскопе 1989 г. выкладка не фиксировалась, также как и в квадратах 51-48/К-М, примыкающих к объекту с востока. Камни выложены в один слой (с редкими накладками друг на друга), но не сплошняком, а со значительными промежутками. Какой-либо закономерности не прослеживается, за исключением квадратов 54-56/И-Л. Здесь с определенной долей вероятности можно проследить круг диаметром 3 м из более крупных глыб. Хотя, скорее всего, это случайное образование. Не исключено, что перед нами какое-то развалившееся или намеренно разрушенное сооружение типа стенки-загородки от ветров, дующих с верховьев р. Тыткескень. Концентрация находок довольно равномерна и не позволяет выделить какие-либо более насыщенные участки. В нескольких случаях среди развала камня встречены половинки зернотерок (рис. 5-11). Не вызывает сомнения их вторичное использование уже как галек. Подобные изделия (верхние и нижние камни) — обычная находка в подстилающем втором культурном слое раннего железа. Видимо, зернотерки были найдены обитателями Тыткескени 3 эпохи средневековья и уложены в выкладку. Найти их можно было при рытье ям или в обрывах речки. В квадрате Ж/56 расчищен нижний камень жернова (рис. 5-1). Из-под него Г. Я. Барышниковым была взята почва на споропольцевой и палеокарпологический анализ. Было ожидание, что анализы покажут наличие злаков, однако

этого не случилось. Особенности почвы не позволили сохранить большей части пыльцы и семян. Зато обнаружилось большое количество семян и пыльцы лекарственных и съедобных трав (крапива двудомная, лебеда, мята, душица, шалфей, лапчатка, котовник). Подобная подборка, на взгляд ботаников, могла возникнуть только искусственно.

Следует отметить находки нескольких пестов (рис. 5-2) с сильно избитыми рабочими плоскостями и нескольких кусков железной руды, свидетельствующих о знании древними тыткескеницами способов выплавки железа, однако никаких объектов, которые можно было бы связать с металлургическим производством, не зафиксировано. Рядом с северной оконечностью выкладки располагалось своеобразное сооружение, предположительно, этого же времени, названное нами, из-за отсутствия аналогий, условно «ритуальной» ямой (рис. 3). Верхняя часть этого объекта была раскопана в прошлые годы, но более широко вскрытая площадь позволила исследовать его полностью. Он представляет из себя яму размерами 1,9х1,2 м, неправильно-овальной формы, ориентированную по оси северо-восток—юго-запад. Глубина ямы (прослеженная) 1,3 м, но, по-видимому, первоначальная глубина была около 1,55 м (от нижнего уровня средневекового культурного слоя). Яма заполнена темно-серой гумусовой супесью с вмязками древесного угля и находек не содержала. Вокруг ямы в радиусе до 2 м зафиксировано 11 небольших ямок, напоминающих столбовые. Одна из них прорезает край жилища раннего железного века. Глубина ямок (первоначальная) колеблется от 0,35 до 1,7 м (из-за резкого поднятия уровня поверхности террасы к западу от «ритуальной» ямы). Заполнение всех ямок полностью идентично заполнению центральной ямы. Назначение этого объекта неясно.

В 1991 г. от существующего раскопа прирезан участок к скальному выходу (отвесной скале). Зафиксированы следующие моменты:

1. Средневековая выкладка к скальному выходу не примыкает (кв. ДГ/56-57);
2. Вдоль выхода искусственных сооружений не прослеживается, все камни просто части разрушающейся скалы;
3. Культурный слой (1-й) имеет здесь такую же насыщенность, как и на остальной поверхности раскопа.

В квадратах Б, В/54-55 расчищен грот 1. Полностью грот не исследован из-за его малых размеров (высота входа 0,4-0,5 м, ширина 1,6 м, высота самого грота 0,7 м). По мнению д. г. н. А. М. Малолетко, этот грот один из входов в более крупную карстовую полость, скрытую под рыхлыми отложениями. Вероятный вход в пещеру расположен восточнее обнажения известняка (на уровне 60-65/Г) и может быть открыт в результате дальнейшей работы, которая планируется на ближайшие годы. Все находки в гроте относятся к эпохе средневековья. Вероятно, он использовался в качестве погреба-хранилища.

Культурный слой эпохи раннего железного века (глубина залегания от 0,25-0,3 до 0,5-0,55 м, в ямах и котлованах до 1-1,5 м). Зафиксированные объекты: жилище, большая часть расчищенных на вскрытой площади хозяйственных ям.

Культурный слой раннего железного века также прослежен по всей площади раскопа. Видимо, основное количество ям относится именно к нему, так как в

некоторых встречены керамика раннего железа, оселок, зернотерка и т. п. Фаунистические остатки второго культурного слоя приведены в табл. 2. Они также демонстрируют развитое скотоводческое хозяйство с существенной ролью охоты. Кроме того, А. В. Гальченко отмечает наличие костей очень крупной волкообразной собаки, напоминающей современных пастушеских волкодавов. Подобные собаки сопровождают обычно пастухов на дальних длительных выпасах, что подтверждает еще раз сформировавшуюся в последние годы среди исследователей раннего железного века Алтая точку зрения об отгонном (яйлажном) скотоводстве в скифское время. Наличие жилища позволяет предположить зимний характер поселения Тыткескень 3 в эпоху раннего железа.

Характеристика керамики (рис. 7). Керамический комплекс второго культурного слоя составляет 356 фрагментов не менее чем от сотни сосудов. Примерно треть их составляют профилированные горшки, остальное — банки закрытого типа. Орнамент традиционен для раннего железа Горного Алтая: жемчужник «чистый» и с разделителем, ямки, оттиски гладкого штампа, напечной валик. Единично встречаются насечки по краю венчика. В заполнении жилища находки практически отсутствовали, только в яме, исследованной наполовину (рис. 3), найден развал слабопрофилированного горшка без орнамента (рис. 7-2), небольшой черешковый четырехгранный наконечник стрелы (рис. 8-1), костяное ложило (рис. 8-2) и обломок каменного оселка (рис. 8-3). Малое количество находок свидетельствует о том, что в жилище поддерживалась чистота. В 1989 г. была вскрыта часть этого же жилища и там был найден развал сосуда (рис. 7-1) и бронзовый нож более раннего времени (рис. 8-8). Видимо, эту находку, как и значительное количество каменных изделий — переместили на свой уровень дневной поверхности обитатели Тыткескень 3 раннего железа. Скорее всего, это произошло при рытье многочисленных ям и жилища.

Описание жилища. Размеры (видимые, включая часть, исследованную ранее) восток-запад — 4 м, север-юг — 8,8 м (рис. 3). Контур котлована неровный, но, судя по нему, жилище было подквадратной или подпрямоугольной формы со скругленными углами. Углублено в горизонт лессовидной супеси на 0,1 м. Возможная глубина котлована несколько больше, так как на фоне гумусового горизонта, в который вмещен второй культурный слой, котлован совершенно не читался. В кв. 52/ЛМ на краю котлована лежит крупная глыба, которая, судя по всему, находилась там и в момент функционирования жилища. Не исключено также, что изгиб контура котлована в этом месте строителями совершен намеренно, с целью использования глыбы в качестве фундамента или крепиды жилой конструкции. Несколько скоплений камней зафиксировано на «полу» жилища, однако большая часть находок расчищена выше, видимо, они попали в котлован в ходе разрушения и замыва жилища. Центральная часть объекта углублена еще на 0,05–0,1 м. Здесь же зафиксирован центральный (?) очаг с довольно мощным (до 0,1–0,15 м) прокалом. Диаметр очага 0,7 м, т. е. для обогрева жилища с максимальной площадью 60–65 кв. м его вполне достаточно. Однако не исключена возможность, что жилище имеет не подквадратную, а вытянутую вдоль р. Тыткескень подпрямоугольную форму и мы расчистили только торцевую часть. В любом случае дальнейшие исследования покажут это, а может быть, позволят найти какие-либо конструк-

тивные особенности жилища. Вдоль южного края жилища зафиксированы два пятисантиметровых углубления и яма, глубиной от дна 0,25 м (она уже упоминалась в связи с находками в ней). Заполнение этих объектов однородно с заполнением жилища.

В 4–8 м от жилища к берегу речки расчищено свыше 70 хозяйственных ям, а между ними встречены более древние очаги третьего культурного горизонта (очаги в кв. ИМ/25–28 и СФ/29–32), обложенные по периметру мелкими камнями.

Находок изделий с поселения немного, ими мы и заканчиваем характеристику раннего железа Тыткескень 3. Это 7 обломков нижних и верхних камней зернотерок, небольшое костяное изделие в виде рыбки (рис. 8-4), обломок недоделанного оселка. Кроме этих находок на поселении со второго культурного слоя было собрано больше количество целых и колотых галек небольших размеров. В лаборатории археологии АГУ научным сотрудником Н. Ю. Кунгуровой были сделаны трасологические определения этих предметов, представленные в табл. 3.

Культурный слой эпохи ранней бронзы (рис. 23-7-11). Ни мощность, ни распространение этого (третьего) культурного слоя не установлены. Судя по находкам около очага с каменной обкладкой предполагаемый уровень залегания 3 культурного слоя 0,6–0,7 м. Здесь найден венчик сосуда елунинской культуры (рис. 8-5). К этому же комплексу относится еще несколько фрагментов, украшенных отпечатками крупнозубовой гребенки (рис. 8-6, 7) и прочерченными линиями, 3 дисковидных скребла (рис. 8-9) и бронзовый нож, о котором уже упоминалось (рис. 8-8). Он слегка изогнут, однолезвийный, с выделенной рукоятью, расширяющимся навершием и небольшой «хвостатостью» на конце лезвия. Подобные ножи характерны для памятников предандроновской бронзы (елунинская и кротовская культуры). Возможно, к этому времени относится обломок керамического изделия (пряслице), украшенный сеточкой (рис. 8-11) и обломок сланца со следами подшлифовки (рис. 8-10).

Датировка и культурная принадлежность верхних культурных слоев Тыткескень 3. К сожалению, из имеющихся в Горном Алтае поселенческих комплексов эпохи средневековья изучено очень мало. Поэтому практически керамику первого культурного слоя сравнивать не с чем. Датировать его можно на основании железных предметов, прежде всего, серповидного ножа (рис. 4-9). Подобный нож обнаружен в оградке XV могильника Кудыргэ [3, табл. V-3]. Оградка датируется VI–VII вв. н. э. В оградках VII–XII найдены похожие черешковые ножи [3, табл. IV-1-3, 9]. При раскопках поселения в устье р. Куюм в 1986–1988 годах в верхнем культурном слое встречены трехгранные небольшие наконечники стрел VI–VII вв. н. э. и с ними похожий железный пробойник или шило (рис. 5-4). В культурном плане поселение, по-видимому, принадлежало древнетюркским племенам Средней Катуни. Как и в раннем железном веке, очень трудно состыковать поселенческие и погребальные комплексы средневековья, но не исключено, что часть многочисленных древнетюркских сакральных памятников региона оставлена обитателями верхнего культурного слоя поселения Тыткескень 3. Поселения раннего железа изучены лучше, благодаря раскопкам П. И. Шульги [6, 7] и С. М. Киреева [8–10], выделившего быстрянскую культуру раннего железа в предгорьях Алтая.

Таблица 1

**Фауна поселения Тыткескенъ 3. Эпоха средневековья
(определения А. В. Гальченко)**

<i>N п/п</i>	<i>Вид животного</i>	<i>Количество костей</i>	<i>Количество особей</i>
1.	Неопределенные костные остатки (НКО) ближе к мелким копытным	191	—
2.	НКО ближе к крупным копытным	143	—
3.	Крупный рогатый скот	128	8
4.	Лошадь	195	19
5.	Коза	38	6
6.	Овца	181	13
7.	Косуля	135	12
8.	Сибирский горный козел	14	3
9.	Благородный олень	16	4
10.	Лось	2	1
11.	Кулан	18	2
12.	Свинья (?) Кабан	1	1
13.	Птица	1	1

Таблица 2

**Фауна поселения Тыткескенъ 3. Эпоха раннего железа
(определения А. В. Гальченко)**

<i>N п/п</i>	<i>Вид животного</i>	<i>Количество костей</i>	<i>Количество особей</i>
1.	НКО ближе к мелким копытным	142	—
2.	НКО ближе к крупным копытным	90	—
3.	Крупный рогатый скот	53	6
4.	Лошадь	91	12
5.	Овца	96	7
6.	Коза	13	1
7.	Косуля	70	6
8.	Благородный олень	3	1
9.	Свинья (?) Кабан	3	1
10.	Медведь	1	1
11.	Собака	23	1
12.	Горный козел (архар)	10	1

Таблица 3

**Трасологические определения Н. Ю. Кунгуровой каменного материала
и культурного слоя эпохи раннего железа поселения Тыткескень 3**

<i>N n/n</i>	<i>Квадрат</i>	<i>Визуальное описание</i>	<i>Тип изделия по трасологическим наблюдениям</i>
1	2	3	4
1.	56/ИМ	Округлая галька с выбоинами	Изделия определены как шары боласов или прашные ода. Следы обработки свидетельствуют о придании предметам округлой формы
2.	44–52/И-М	—”—	
3.	Г-В ¹ /51–52	—”—	
4.	ИМ/52–54	—”—	
5.	НР/13–16 Яма 39	Маленькая плоская галька	Керамическое лоцило
6.	НР/13–16	Удлиненная галька	Терочник для формировки поверхно- сти каменных изделий
7.	Г-В ¹ /51–52	Круглая плоская галька	Двустороннее лоцило для кожи
8.	Г-В ¹ /57–57	Удлиненная галька	—”—
9.	АВ ¹ /51–52	Крупная галька с выбоинами	Отбойник с оббитыми гранями
10.	З-Д/57–61	Сланцевая плитка	”Активный” абразив
11.	З-Д/57–61	Удлиненная галька	Лоцило по коже с функцией разминания
12.	49–52/ИМ	Небольшая плоская галька	—”—
13.	И’Ф/29–32	Плоская удлиненная галька	—”—
14.	ИМ/48–51	Удлиненная галька	Отбойник-колун для камня
15.	ИМ/33–35	Краевой обломок гальки	Терочник
16.	33–36/С-Ф	Скол в виде плитки песчаника	Скребло (?) или скобель по дереву
17.	ЗД/25–28	Краевой скол галечника	Скребло
18.	ЛЗ/49–52	Удлиненная галька	Пест
19.	ЗД/57–61	Плоская галька со сколами	Зернотерка, подвергавшаяся термиче- ской обработке
20.	—”—	—”—	Наковальня
21.	ОФ/13–16	Длинная узкая галька	Отбойник или «дробильник» по камню
22.	И/50	Плоская галька с подшлиф.	Курант
23.	КЛ/54–55	Удлиненная галька	Пест-«дробильник»

Таблица 3

**Трасологические определения Н. Ю. Кунгуровой каменного материала
и культурного слоя эпохи раннего железа поселения Тыткескень 3**

<i>N п/п</i>	<i>Квадрат</i>	<i>Визуальное описание</i>	<i>Тип изделия по трасологическим наблюдениям</i>
24.	53–56/ИМ	—”—	Отбойник по камню
25.	—”—	—”—	Пест для дробления и растирания глины или охры
26.	МР/17–20	Удлиненная галька с подшлиф. конца	Затирание с проворачиванием мелко- зернистого материала
27.	Н/54	Плоская галька с подшлиф.	Курант
28.	53–56/ИМ	Удлиненная галька с подшлиф.	Двухконцевой пест для пикетажной оббивки и затирания каменных предметов
29.	19/21–24	Плоский камень с подшлиф.	Курант
30.	49–52/НМ	Удлиненная галька с подшлиф.	Пест-терочник; «дробильник» по тамоту
31.	—”—	—”—	Пикетажный отбойник
32.	ГВ ¹ /51–57	Вытянутая галька	Пикетажный отбойник
33.	—”—	—”—	—”—
34.	КЛ/54–55	Обломки гальки	—”—
35.	53–56/ИМ	Вытянутая галька	Двухконцевой пест для разбивания и мельчения грубого каменного сырья на дресву
36.	ИМ/57–61	Плоская галька	Лощило для размягчения кожи
37.	Ж/52	Плоская галька	Наковальня для оббивки камня
38.	ЗД/21–22	Вытянутая галька	Отбойник
39– 40.	КЛ/47–48 АГ/13– 16	Нуклеусы для получения галечных отщепов	
41– 98	разные	Разбитые и колотые гальки	Оббитые валуны, расколотые гальки, «облулии» (гальки, расколовшиеся в результате термического воздействия) и гальки без следов изработки

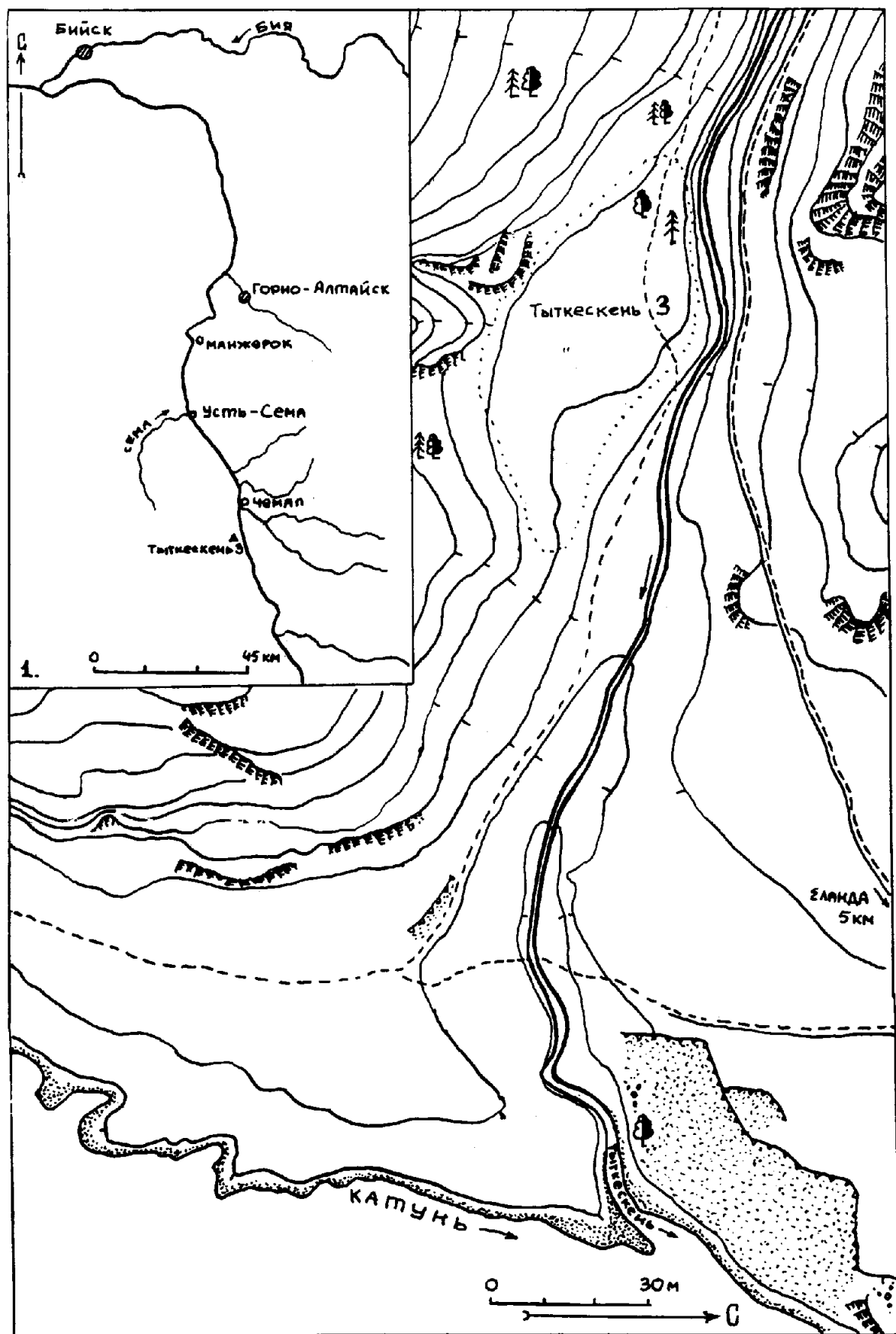

Рис. 1. Расположение поселения Тыткескен 3

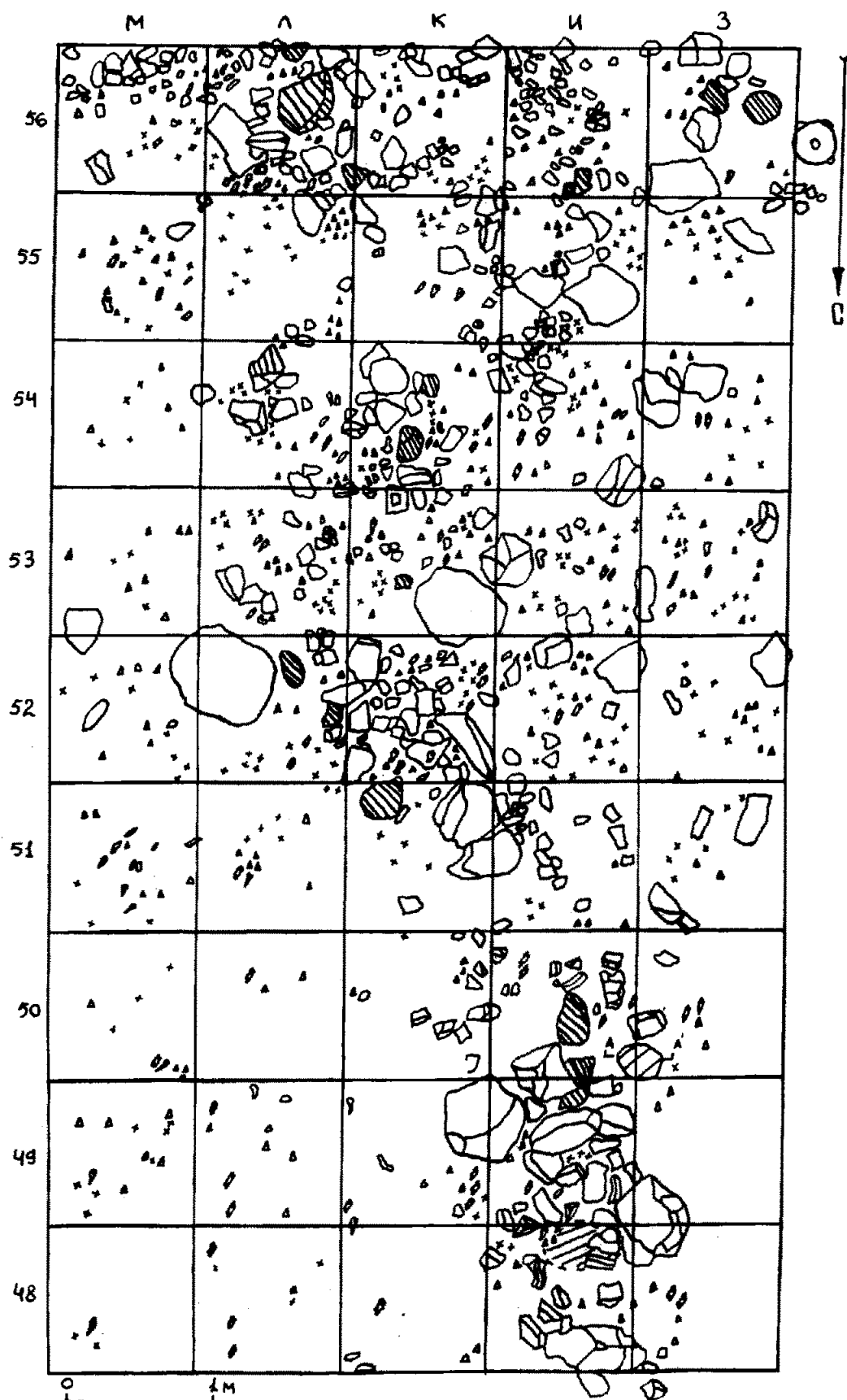

Рис. 2. Каменная выкладка эпохи средневековья. Тыгкескен 3

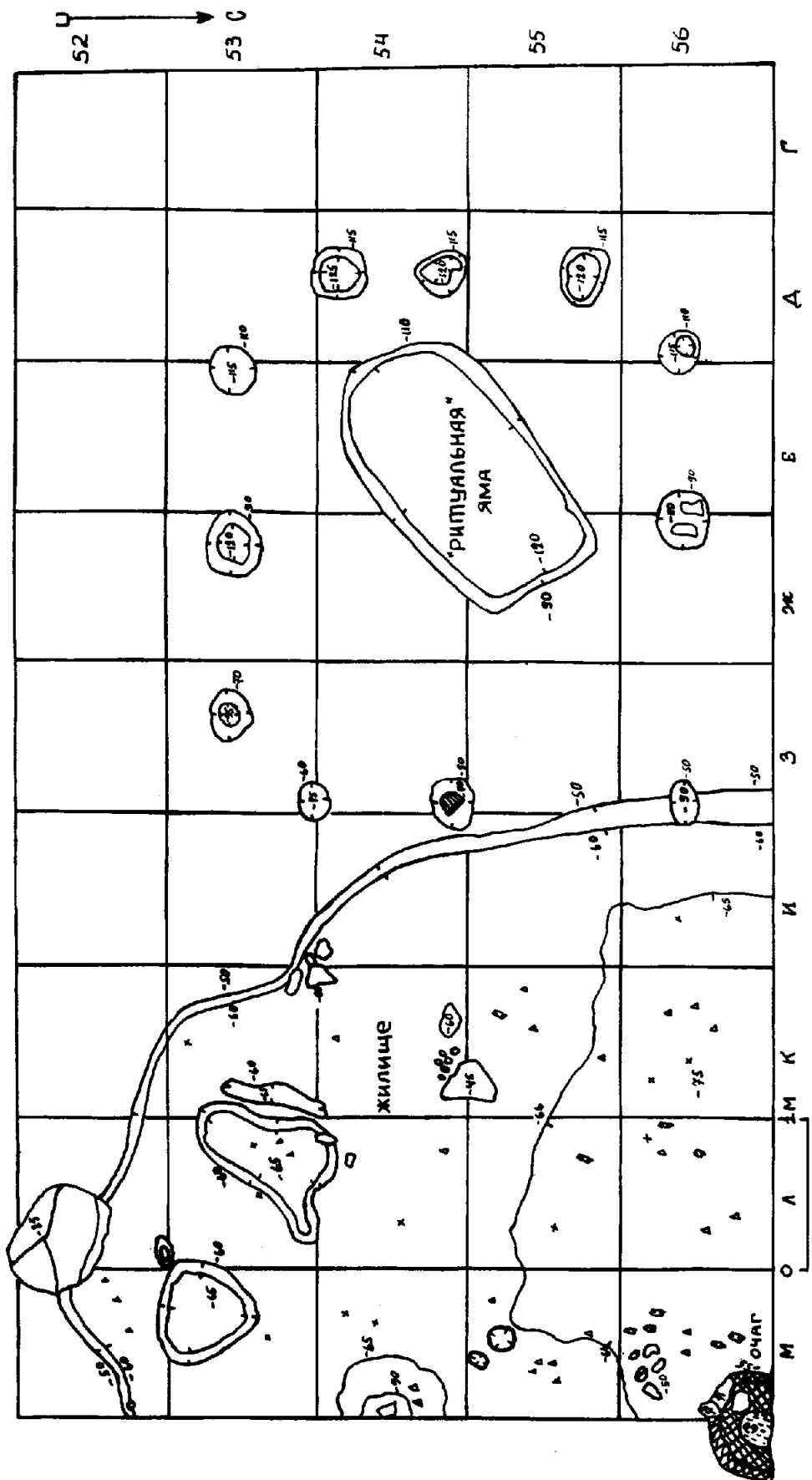

Рис. 3. Средневековая "ритуальная" яма и жилище эпохи раннего железа. Тьткескень 3

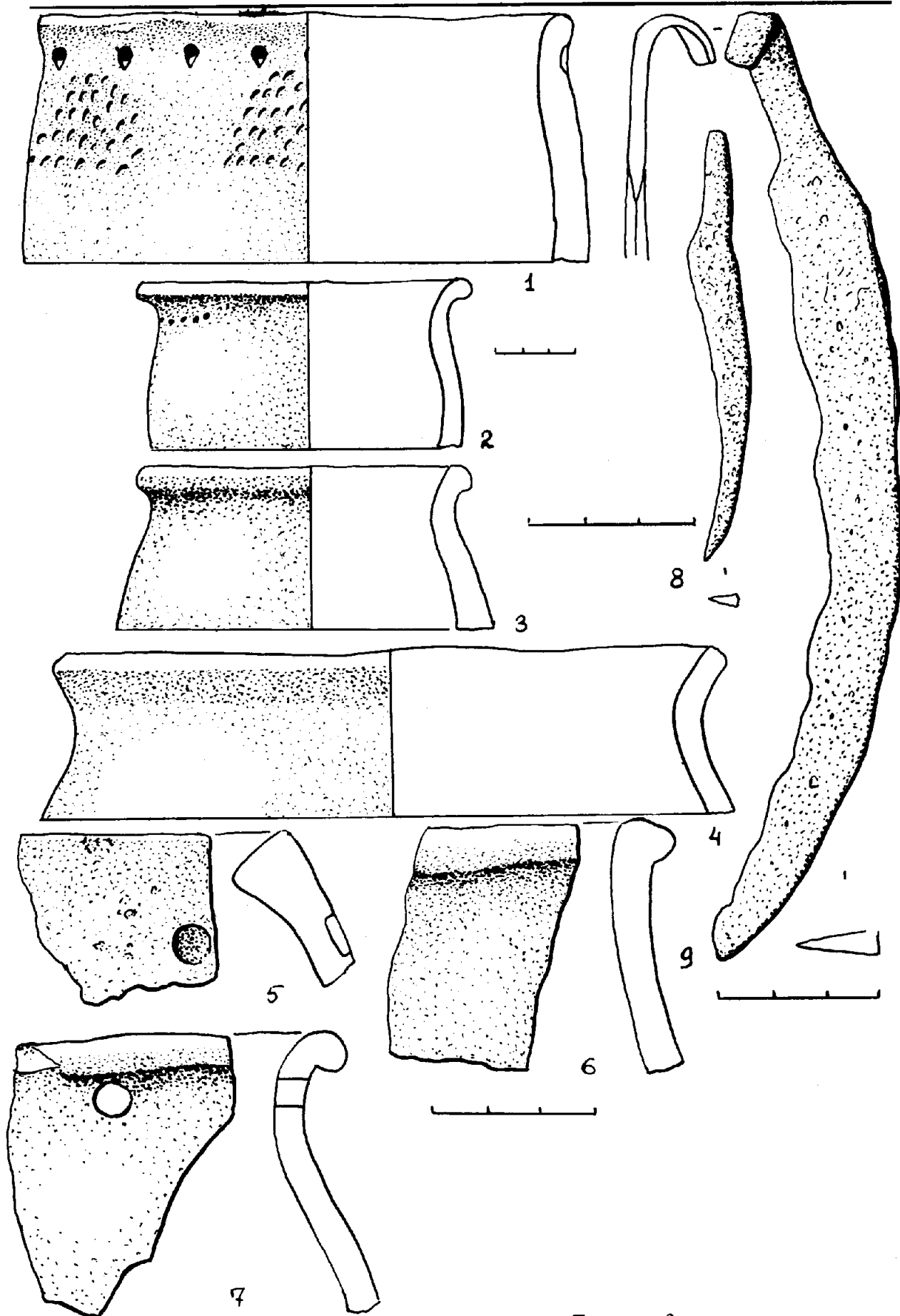

Рис. 4. Находки эпохи средневековья. Тыткескье 3

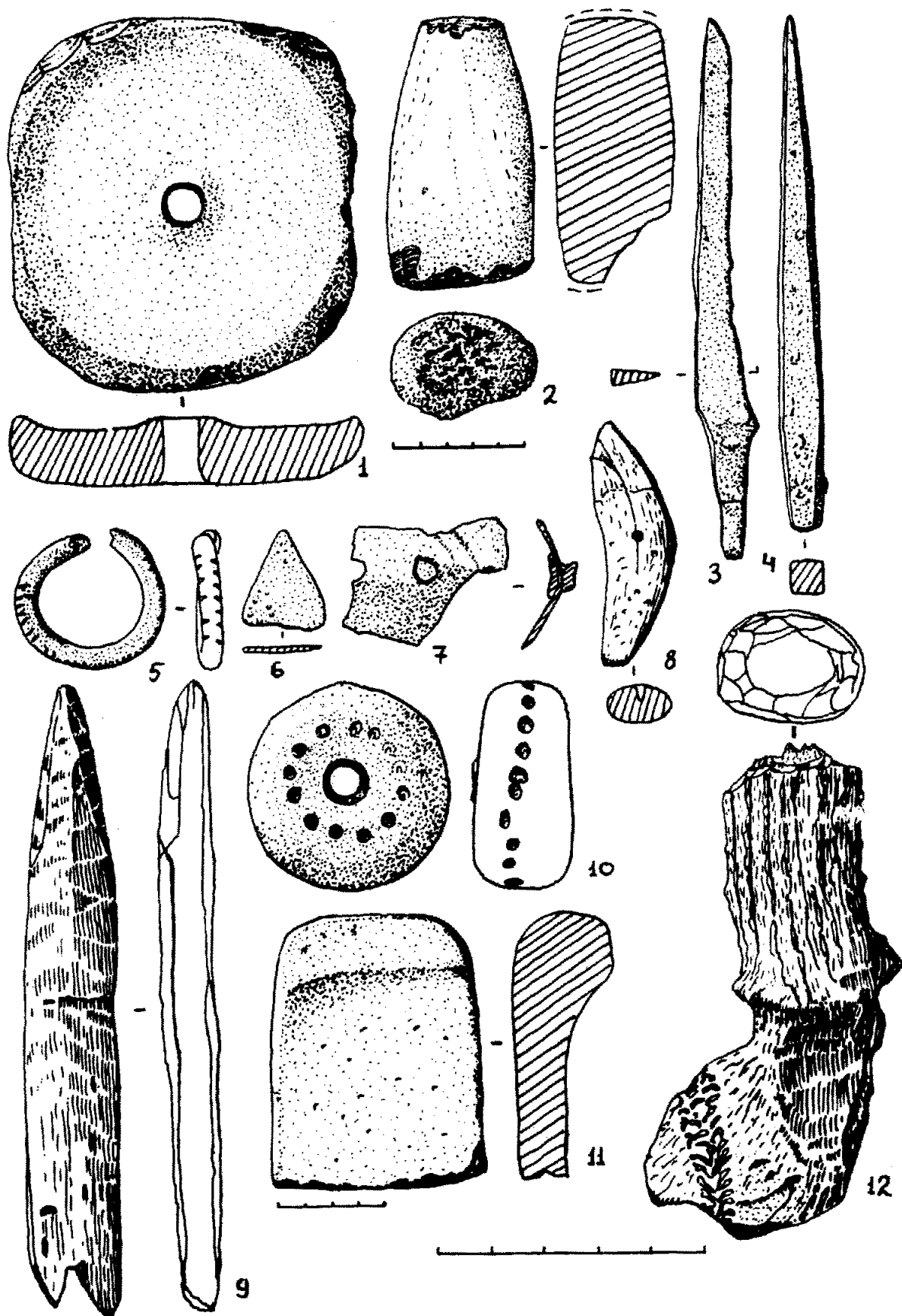

Рис. 5. Находки эпохи средневековья. Тыгкесень 3 (1, 2, 11 - камень; 3, 4 - железо; 5-7 - бронза; 8, 9, 12 - кость; 10 - керамика)

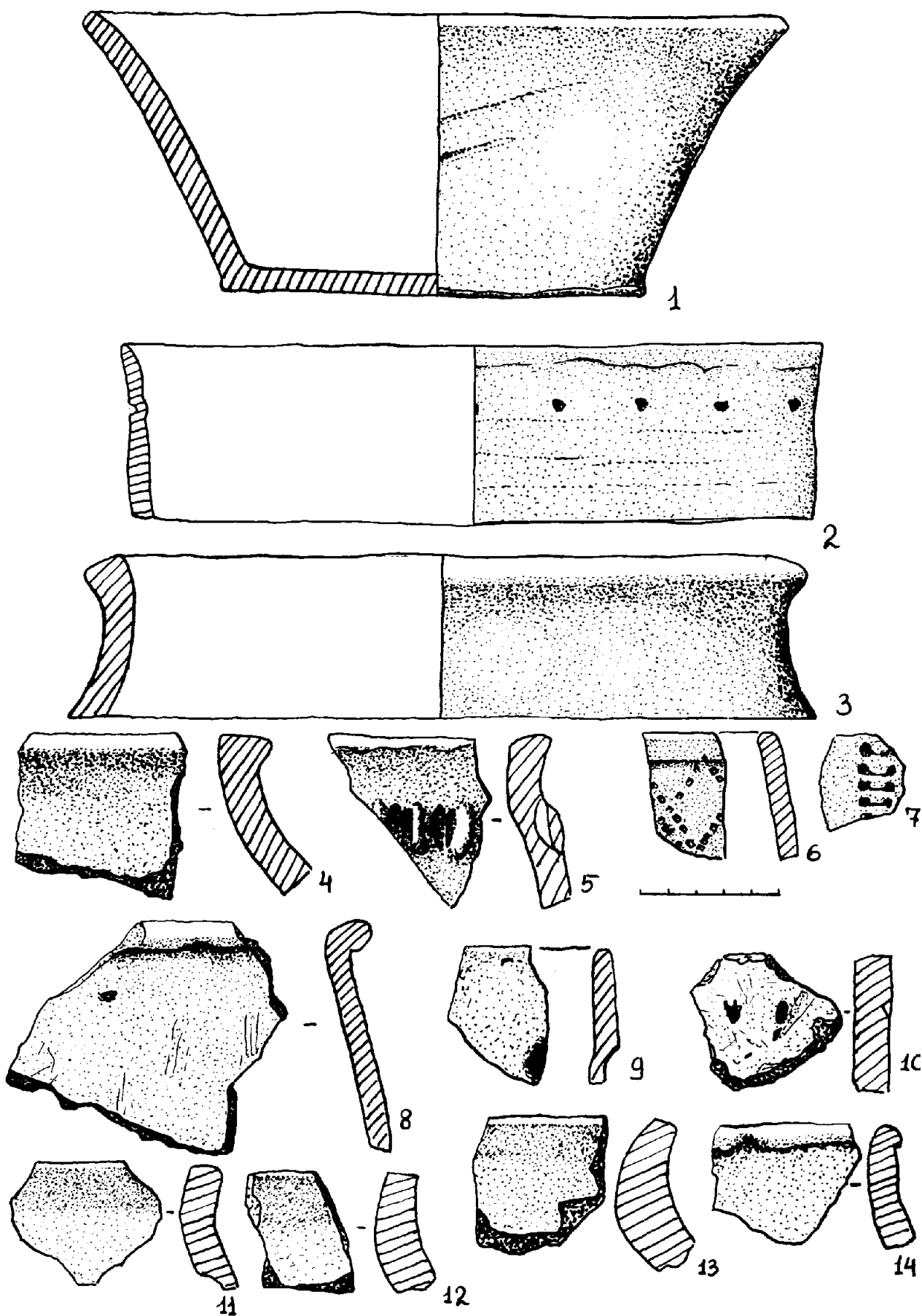

Рис. 6. Керамика эпохи средневековья. Тыткескен' 3

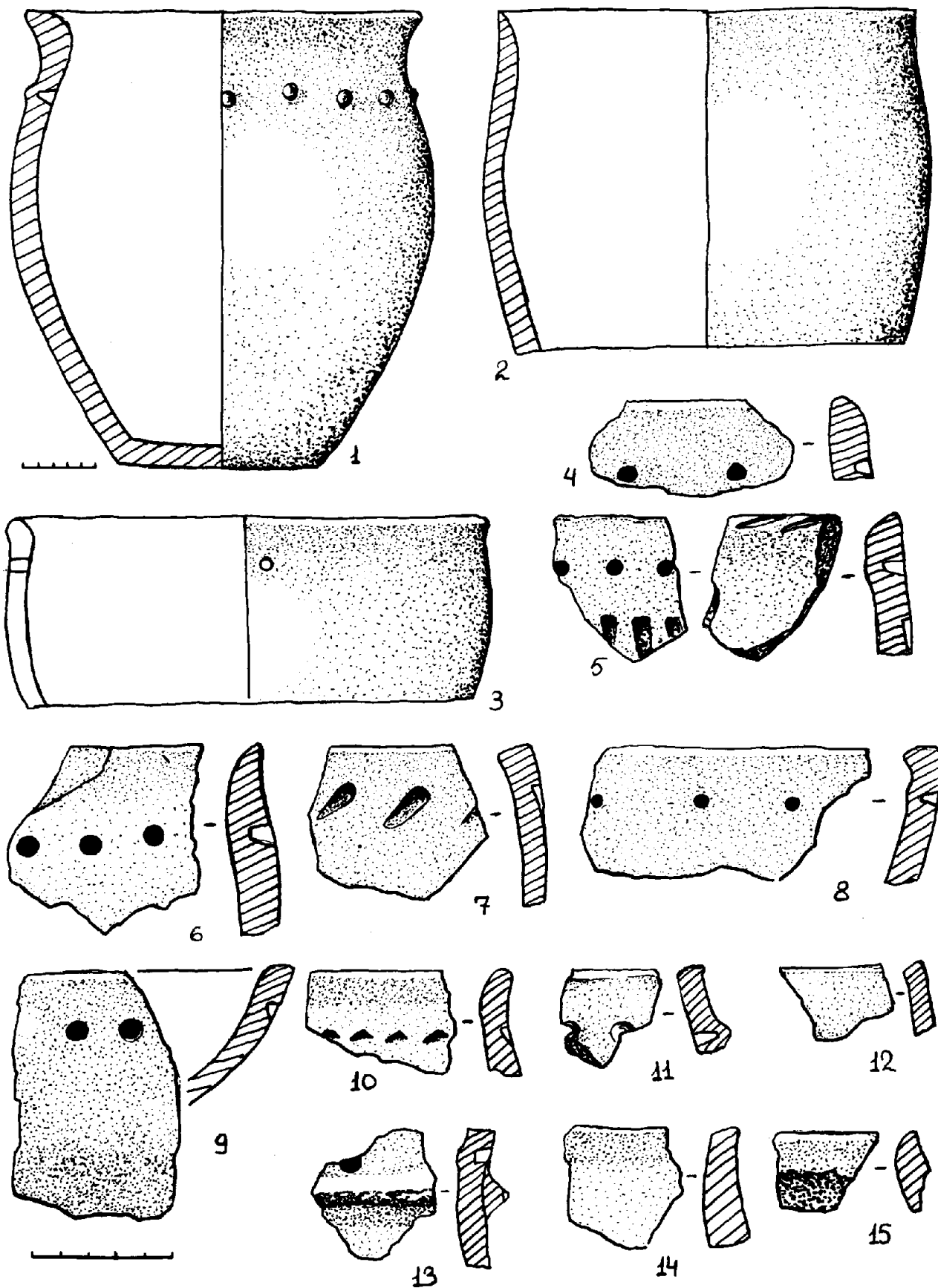

Рис. 7. Керамика эпохи раннего железа. Тыткескень 3

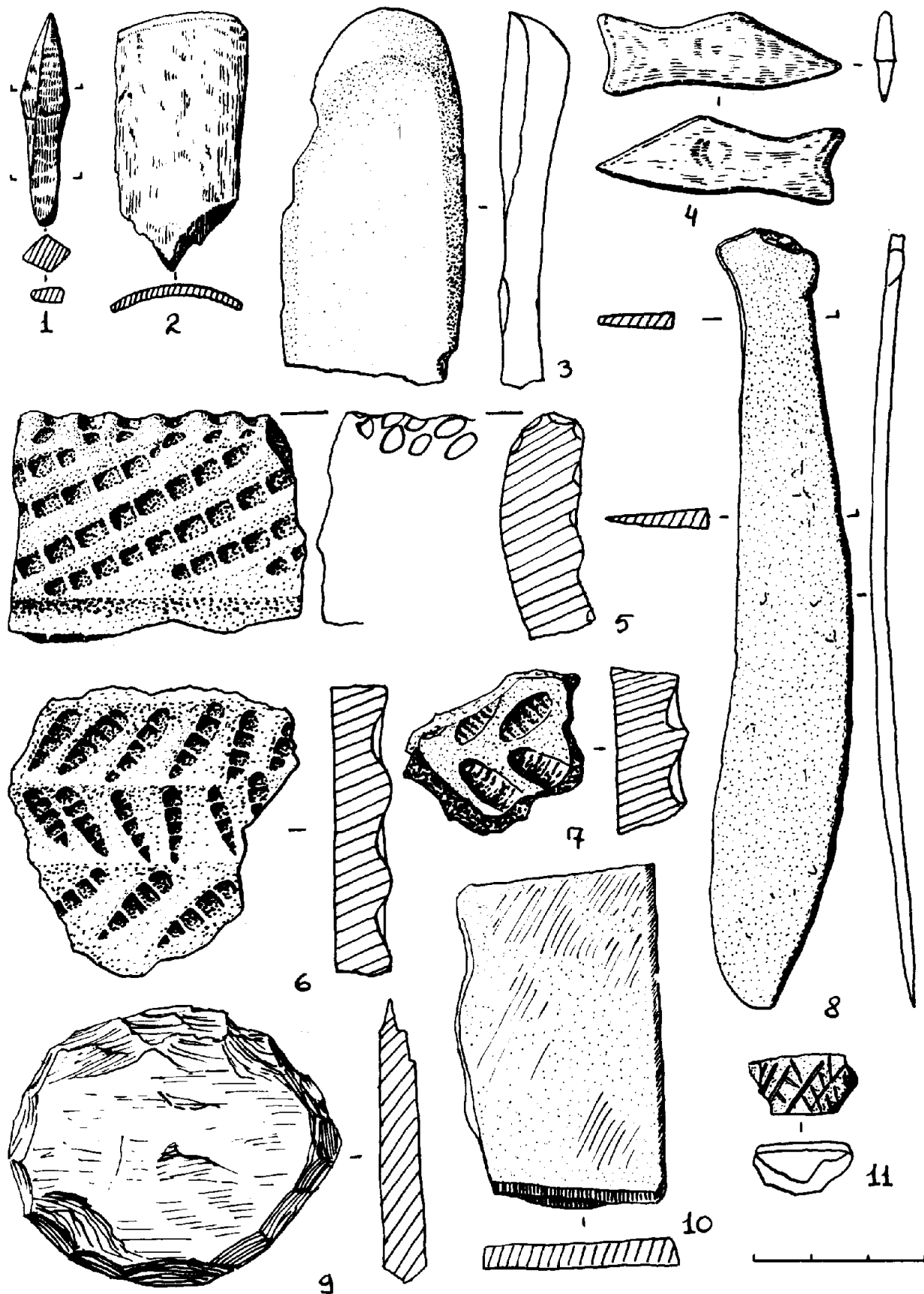

Рис. 8. Находки эпох раннего железа и бронзы. Тыткескень 3 (1, 2, 4 - кость; 3, 9, 10 - камень; 5, 6, 7, 11 - керамика; 8 - бронза)

По-видимому, 2 культурный слой относится к пазырыкской культуре с сильным влиянием предгорий. Определить его сложно, т. к. практически отсутствуют датированные предметы. Однако значительный удельный вес жемчужника указывает на время IV–VI вв. до н. э. Скорее всего, к этому периоду относится часть из 60 раскопанных курганов могильника Тыткескен 6, расположенного на другой стороне Тыткескена, так как там встречены сосуды с жемчужником близких форм. Еще сложнее дело обстоит с культурным слоем эпохи бронзы [1, 2], так как планиграфически он представлен только двумя очагами, десятком фрагментов керамики, бронзовым ножом и несколькими каменными изделиями. Керамика и нож определенно указывают на елунинскую культуру, хорошо известную в лесостепной и предгорной зонах Алтайского края. Однако в Горном Алтае изучение эпохи бронзы до- и после афанасьевского времени только начато, пока не разработаны ни хронология, ни культурная принадлежность этих памятников.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л. Находки ранней бронзы со средней Катунь//Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 67–69.
2. Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Долинин Е. В., Кирюшин К. Ю. К вопросу о бронзовом веке средней Катунь//Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 39–40.
3. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М., Л., 1965. 145 с.
4. Кунгурова Н. Ю. Древнее поселение в устье Куюма//Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1992. С. 3–22.
5. Барышников Г. Я. Нетрадиционные методы исследования археологических памятников Горного Алтая//Палеоэкология и расселение древнего человека в северной Азии и Америке. Красноярск, 1992. С. 18–22.
6. Шульга П. И. Исследование поселений раннего железного века в Горном Алтае//Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 83–87.
7. Шульга П. И. Раскопки «скифского» поселения Ашат II на Ср. Катунь//Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 64–65.
8. Киреев С. М. Поселения долины р. Майма и проблема культурной принадлежности памятников северо-западных предгорий Горного Алтая во второй половине I тыс. до н. э.//Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С. 65–73.
9. Киреев С. М. Поселение Майма 1 в предгорьях Алтая//Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 165–191.
10. Киреев С. М. Работы на майминском комплексе в 1990–1991 гг.//Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 55–56.

Ю. Т. Мамадаков

РИТУАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БУЛАН-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ритуальные сооружения I тыс. н. э. в Горном Алтае, исследуемые в комплексе с каменными изваяниями, стелами, балбалами представляют самостоятельный вид археологических источников по истории древних племен. Начало научному изучению ритуальных сооружений (правда, древнетюркских оград) в Горном Алтае положено публикацией материалов кудыргинского могильника [1, с. 14–18], датированного второй половиной I тыс. н. э. Четких ритуальных сооружений (оград) с обязательными сопутствующими деталями (стелы, балбалы, изваяния) более раннего периода на рассматриваемой территории до сих пор не было известно. И вот на курганном могильнике Булан-Кобы IV были открыты и исследованы 7 таких сооружений. Все раскопанные оградки сторонами ориентированы с северо-востока на юго-запад, если мы условимся считать основным направлением восточное. Объективность подобного условия продиктована тем, что подавляющее большинство исследованных погребений на данном памятнике черепами ориентированы на восток.

Ограда 1 квадратной формы сложена из наклонно вкопанных плит, ориентирована сторонами с северо-востока на юго-запад, а углами — по сторонам света. Размеры 2,80х2,80 м, высота 0,52 м. К юго-западу от оградки, вертикально установлена плита, обращенная широкой лицевой плоскостью на юго-запад (ее размеры 0,60х0,15х0,18 м). Внутреннее пространство ограды выложено двухслойно из плит и камней, т.е. метод кладки совершенно аналогичен способу

выкладки плит стенок-колец вскрытых погребений [2, с. 173–179; 3, с. 197]. Мощность внутренней кладки составляет 0,25–0,30 м. Плиты ограничения поставлены по краям специально углубленной площадки (до 0,16 м), размерами 2,55х2,50 м. Найдены обломки костей животных.

Ограда 4 квадратной формы (размеры 3,25х3,25 м, высота 0,6 м), сложена из 13 наклонно вкопанных плит (рис. 1, 5, 6). Четырьмя углами оградка ориентирована по сторонам света. Снаружи оградки вертикально установлена плита, обращенная широкой лицевой плоскостью на юго-запад (высота плиты 0,71 м). На юго-запад от оградки со стелой, на равных расстояниях друг от друга, в ряд вкопаны пять камней-балбалов. Внешний периметр оградки и ее внутреннее пространство заполнены двух-трехслойной насыпью из хорошо подогнанных друг к другу сланцевых плит и камней, т.е. метод кладки совершенно аналогичен способу сооружения стенок-колец, исследованных на данном памятнике захоронений. Мощность кладки составляет 0,23–0,36 м. Плиты ограждения поставлены по краям специально углубленной площадки (до 0,30 м) квадратной формы, размерами 2,75х2,70 м. Встречались углы.

Ограда 5 прямоугольной формы (размеры 2,60х2,30 м, высота 0,50 м) сложена из 19 вертикально и наклонно поставленных плит. Четырьмя углами ориентирована по сторонам света. Две стелы (высота 0,55 м и 0,60 м) поставлены вплотную к ее северо-восточной стенке и широкой лицевой плоскостью обращены на восток.

Внешний периметр оградки и ее внутреннее пространство выложены двух-трехслойной насыпью из хорошо подогнанных друг к другу сланцевых плит и камней, т. е. метод кладки совершенно аналогичен способу сооружения стенок-колец вокруг исследованных здесь же погребений. Плиты ограждения поставлены по краям специально углубленной площадки (до 0,28 м) прямоугольной формы размерами 2,30х2,00 м.

Ограда 6 прямоугольной формы (размеры 2,60х2,00 м, высота 0,58 м) (рис. 2, 7–10) сложена из 10 наклонно поставленных плит. Сторонами оградка ориентирована по сторонам света. На юго-запад от оградки, примерно на равных расстояниях друг от друга, в ряд вкопаны 3 камня-балбалы. Внутренняя площадь выложена двухслойной насыпью из хорошо подогнанных плит. Выявлена прямоугольная яма размерами 1,10–0,50 м, глубиной 0,75 м. Она ориентирована с востока на запад. На дне стоял незавершенный ящик из 6 плит (отсутствовали торцовые стенки), перекрытый плитами. На дне ящика обнаружены железная пряжка, 3 железных и 1 костяной наконечники стрел, в его заполнении встречались угли. Размеры ящика 1,05х0,50 м, высота 0,34 м. Плиты ограждения поставлены по краям специально углубленной подпрямоугольной площадки. В насыпи встречались угли.

Ограда 7 квадратной формы, размерами 2,50х2,50 м, высотой 0,55 м (рис. 1, 2–4). Углы оградки ориентированы по сторонам света. На юго-запад от оградки в ряд вкопаны пять камней-балбалов. В центре оградки выявлен незавершенный ящик (размеры 0,52х0,43 м, высота 0,19 м). Встречались угли. Плиты ограждения поставлены по краям специально углубленной площадки.

Ограда 8 подквадратной формы, сооружена из наклонно поставленных и плашмя уложенных плит, ее размеры 2,50х2,50 м (рис. 2, 1–4). Углы оградки ориентированы по сторонам света. Под однослойной насыпью выявлена прямоугольная яма размерами 0,44х0,31 м, глубиной 0,22 м, ориентирована по линии север-юг. На дне ее сооружен ящик из 3 плит. Размеры ящика 0,44х0,29 м, высота 0,30 м, перекрыт плитами.

Ограда 44 квадратной формы (размеры 3,40х3,40 м). Сооружена из 27 плит (рис. 2, 5–6), углами ориентирована по сторонам света. Внутреннее пространство оградки заполнено двухслойной насыпью из хорошо подогнанных друг к другу плит и камней. Под насыпью выявлена овальная могильная яма, ориентированная по линии северо-восток–юго-запад (наибольшие размеры 3,60х2,60 м, глубина 0,90 м). На дне обнаружен расчлененный конский костяк (рис. 1, 1). Встречались угли. Плиты ограждения поставлены по краям специально углубленной квадратной площадки.

Все исследованные оградки сооружались из поставленных на ребро каменных плит, и определенная площадь вокруг них, включая внутреннее пространство, перекрывалась каменной насыпью преимущественно из плоских плит, камней. При возведении насыпи в большинстве случаев использовался метод вымостки, чаще в несколько слоев (ограды 1, 4, 5, 6, частично ограда 7) и забутовки камнями. Только в одном случае (ограда 8), на наш взгляд, можно говорить о «комбинированном» способе возведения насыпи, т. е. это случай одновременного присутствия двух упомянутых способов.

Но прежде всего, как установили в процессе исследования всех оград, готовили специально углубленную площадку определенной формы, и в 3 случаях

(ограды 6, 7, 8) выявлены незавершенные ящики. Только в одном ящике найдены вещи (ограда 6). Следы огня зафиксированы в виде маленьких кусочков углей, также встречались кости животных. Как видим, булан-кобинские ограды не выделяются разнообразием вещей, находимых в них. И тем не менее их наличие внутри оград, конечно, не случайно.

В отличие от всех известных поминальных комплексов древнетюркского времени, булан-кобинские оградки ориентированы углами по сторонам света, и камни-балбалы отходят на юго-запад. Объяснение устройства оградок и их особенностей в настоящее время, на наш взгляд, затруднено. С накоплением источников, полнее характеризующих исследуемые памятники, видимо, можно будет раскрыть смысл подобного устройства.

Булан-кобинские оградки по конструкции, размерам и материалу, взятому для их сооружения, не отличаются от многочисленных древнетюркских оградок Горного Алтая [1, с. 14–17, табл. III, А, Б, В, табл. IV, А; 4, с. 47–81; 5; 6, с. 114–117; 7, с. 86–98; 8, с. 135–160 и т. д.]. С учетом планировки сооружений и их компоновки со стелами, балбалами и другими сопутствующими деталями исследователи выделяют несколько типов оград [1, с. 98–103; 4, с. 49–51; 5, с. 7]. Булан-кобинские оградки, на наш взгляд, не могут быть отнесены к какому-либо одному из предложенных типов (сознаем их хронологические и культурные различия). Главное отличие, как не раз отмечалось, в ориентации оград и камней-балбалов, а также в способе выкладки плит и камней насыпи в несколько слоев. Видимо, необходимо выделять новый тип ритуальных сооружений первой половины I тыс. н. э. — булан-кобинской, характеризующейся вышеперечисленными деталями. Тем не менее ряд черт в устройстве сближает булан-кобинские ограды с древнетюркскими. Рассмотрим, какими же особенностями они сближаются. Как известно, в хронологическом ряду древнетюркских оград кудыргинские занимают наиболее раннюю позицию (V–VI вв. н. э.). Последние сближаются с булан-кобинскими оградками прежде всего устройством каменных ящичков внутри сооружений, их незавершенностью в некоторых случаях, как в могильнике Кудэргэ (1, табл. IV, оградки XI, VII), наличием на дне ящика горизонтально положенных плит (1, ограда III; Булан-Кобы IV, ограда 8), ориентацией кудыргинских оград V, VII–XII, XV углами по сторонам света [1, с. 15, табл. III, IV]. К тому же редки в булан-кобинских и кудыргинских оградках следы огня и кости животных. Далее, судя по разрезам кудыргинских оград, показанных в табл. IV [I], плиты ограждений ставились по краям углубленной площадки, так же, как у булан-кобинских. Здесь должны заметить, что по отдельным элементам (камни-балбалы, стелы, каменные ящики, специально вырытая, углубленная площадка и т. д.) булан-кобинские ограды сближаются с яконурскими и кустыдскими типами древнетюркских оград [1, с. 99; 8, с. 149–154]. Все это указывает, на наш взгляд, на близкую культурную традицию сооружения рассматриваемых оград, несмотря на приличный временной отрезок между ними. В хронологическом ряду древнетюркских поминальных оград кудыргинские коллективные датируются ранним временем (V–VI вв. н. э.) [1, с. 17]. Между тем необходимо отметить, что датировка оград вообще, независимо от их культурной принадлежности, без серии находок в них, весьма сомнительна. Поэтому вопрос о датировке, культурной принадлежности

одиноким оград могильника Булан-Кобы IV следует рассматривать в контексте с конструктивными особенностями погребальных сооружений и классификацией сопроводительного инвентаря захоронений. Такие признаки оград, как специально углубленные площадки для их сооружения, двухслойная насыпь из хорошо подогнанных плит, наличие и месторасположение каменных ящиков, свидетельствуют о прямой связи данных объектов с погребальными сооружениями этого могильника, т. е. это памятники также булан-кобинской культуры [2, с. 173–178; 3, с. 197–198; 9, с. 15–18].

Что же касается инвентаря, то должны заметить, не может быть и речи об их серийном количестве с поминальных памятников вообще, с булан-кобинских в частности. Только в одной оградке 6 найдены предметы (железная пряжка, костяной наконечник стрелы, три железные трехлопастные наконечники стрел с общим ромбическим контуром головки (рис. 2, 11, 12). В серии булан-кобинских железных наконечников стрел (материалы с погребений могильников Булан-Кобы IV, Белый Бом II, Бошту 1, Улита) [9, с. 10–12] довольно часто встречаются трехлопастные с общим ромбическим контуром головки. Появление таких наконечников стрел относятся к III–V вв. н. э. В это время они известны в Хакасии, Туве, Средней Азии, Горном Алтае [10, рис. 5, 13; 11, рис. 2, 5; 12, рис. 6; 13, рис. 5, 7, 8, 10; 14, рис. 3, 4; 15, табл. 4, 193]. А по мнению Л. Р. Кызласова, они появляются в Южной Сибири все-таки в более раннее время, что подтверждается находками в курганах хунну и ранней шурмакской (или кокзальской по Д. Г. Савинову) культуры Тувы первой половины I тыс. н. э. (II в. до н. э. — II в. н. э.) [16, с. 109].

В памятниках Горного Алтая железные наконечники стрел, аналогичные рассматриваемым (ограда 6, рис. 2, 11), известны из кургана 227 Балыктыкольского могильника поля, датируемого не ранее II в. н. э. — IV в. н. э. [13, с. 63–65, рис. 5, 8, 9], кургана 13 погребения 1 могильника Белый Бом II (II в. до н. э.) [18, с. 121, табл. IV, 7, 8]. Среди значительного количества трехлопастных наконечников стрел, известных на сегодняшний день с памятника Кок-Паш, также присутствуют подобные, но, судя по опубликованным рисункам, всего лишь в 9 экземплярах [17, рис. 3, 4, 5, рис. 4, 2, рис. 6, 9, 10, 19, рис. 9, 4, 18, 20]. А. С. Васютин, А. М. Илюшин, В. Н. Елин и другие считают, что «материалы из Кок-Паша... синхронны памятникам берельского типа...» [17, с. 36–37], т. е. кок-пашские погребения могут быть отнесены к IV–V вв. н. э. [1, с. 57]. Это подтверждается близостью, а в некоторых случаях идентичностью кок-пашских могил раннекудыргинским погребениям по обряду труположения на спине с южной ориентировкой, без коня, внутримогильными конструкциями [17, рис. 1, 2, 3, 4, рис. 2, 1, 2, 3 — Кок-Паш; 1, табл. VIII, А, табл. IX, Б, табл. XXII, В-Кудыргэ]. В связи с этим становится вполне понятным, на наш взгляд, довольно незначительное количество (9 экз.) малых по размерам трехлопастных наконечников стрел с закрытых комплексов указанного могильника. Видимо, во второй четверти I тыс. н. э. указанные наконечники практически выходят из «повседневного» пользования булан-кобинского населения Центрального Алтая, уступая «место» более крупным функционально усовершенствованным трехлопастным наконечникам стрел с общим ромбическим контуром боевой головки.

На сопредельных территориях подобные наконечники стрел известны в памятниках кокзальской (шурмакской по Л. Р. Кызласову) культуры Тувы [19,

табл. III, 16, 26, 45; 20, рис. 12, 18, 12, рис. 14, 2, 3, 4, рис. 20, 1, 2, рис. 21, 4 и т. д.; 21, табл. III, 10, 14, 22, 23, 24, 48; 2, табл. III, 4]. При этом надо иметь в виду, что время существования курганов-кладбищ 11, 37, 39, содержащих наибольшее количество наконечников стрел, аналогичных булан-кобинскому из ограды 6, соответственно определяются I в. до н. э. — III–V вв. н. э.; I в. до н. э. — I в. н. э.; II в. до н. э. — II–III вв. н. э. [19, с. 255; 21, с. 195, 209]. Комплекс инвентаря и предложенные В. П. Дьяковой хронологические рамки существования кургана-кладбища II, свидетельствуют, видимо, о наличии как ранних, так и более поздних типов предметов в одном закрытом объекте, дробной классификации и типологии последних не создано до сих пор. Сложившаяся ситуация в определенной степени затрудняет и установление более узкого времени бытования трехлопастных наконечников стрел из ограды 6 могильника Булан-Кобы IV. Тем не менее мы должны учитывать, что в булан-кобинских захоронениях Центрального Алтая малые по размерам трехлопастные наконечники стрел с ромбическим контуром головки, аналогичные из ограды 6, найдены в погребениях с инвентарем, подавляющее большинство которого датируется I в. до н. э. — II–III вв. н. э. [9, с. 22–15]. Этим же временем следует определять хронологические рамки укороченного костяного зажимного наконечника стрелы, круглого в сечении, с треугольной головкой из ограды 6 (рис. 2, 12). Необходимо подчеркнуть, что костяные зажимные наконечники в материалах ранних кочевников Горного Алтая не встречались. В этой связи предполагаем, что нижнюю хронологическую границу их распространения в данном регионе следует определять не ранее I в. до н. э.

Относительно железной круглой безщитковой пряжки из ограды 6 можно констатировать, что они были широко распространены на обширной территории Евразии на протяжении всего I тыс. н. э.

Археологическое изучение булан-кобинских оград позволяет нам установить более тесную связь подобных сооружений раннего времени с многочисленными ритуальными памятниками древнетюркского времени, а далее, с поздними поминальными обрядами народов Сибири. Так известно, что в шаманском ритуале южных алтайцев одну из главных ролей играла лошадь. Ее приносили в жертву как при похоронах, так и в некоторых культовых действиях [23, с. 20]. Отдельные конские кости встречаются и в вышеупомянутых сооружениях могильника Булан-Кобы IV. В могильной яме ограды 44 лошадь была представлена черепом, передними и задними конечностями, ребрами, лопатками. Вполне возможно, что яма выполняла одновременно и функцию символического очага. Это тем более вероятно, если учесть, что в яме встречались угли. По представлению алтайцев, огонь служил средством очищения от скверны и защиты от нападения злых духов [24, с. 149]. Такие же охранительные функции несли, вероятно, и плиты ограждения оградок, поставленные на ребро, оберегая живых от умерших.

В то же время рассмотренные ритуальные оградки, вероятно, в определенной мере иллюстрируют факт раздельного расположения погребальных и культурно-поминальных сооружений у булан-кобинского населения. Этот древний обычай, зародившийся в среде кочевников Горного Алтая и не утративший смысловой нагрузки, видимо, сохранился и в последующее древнетюркское время. Убедительным подтверждением тому являются оставленные древними тюрками многочис-

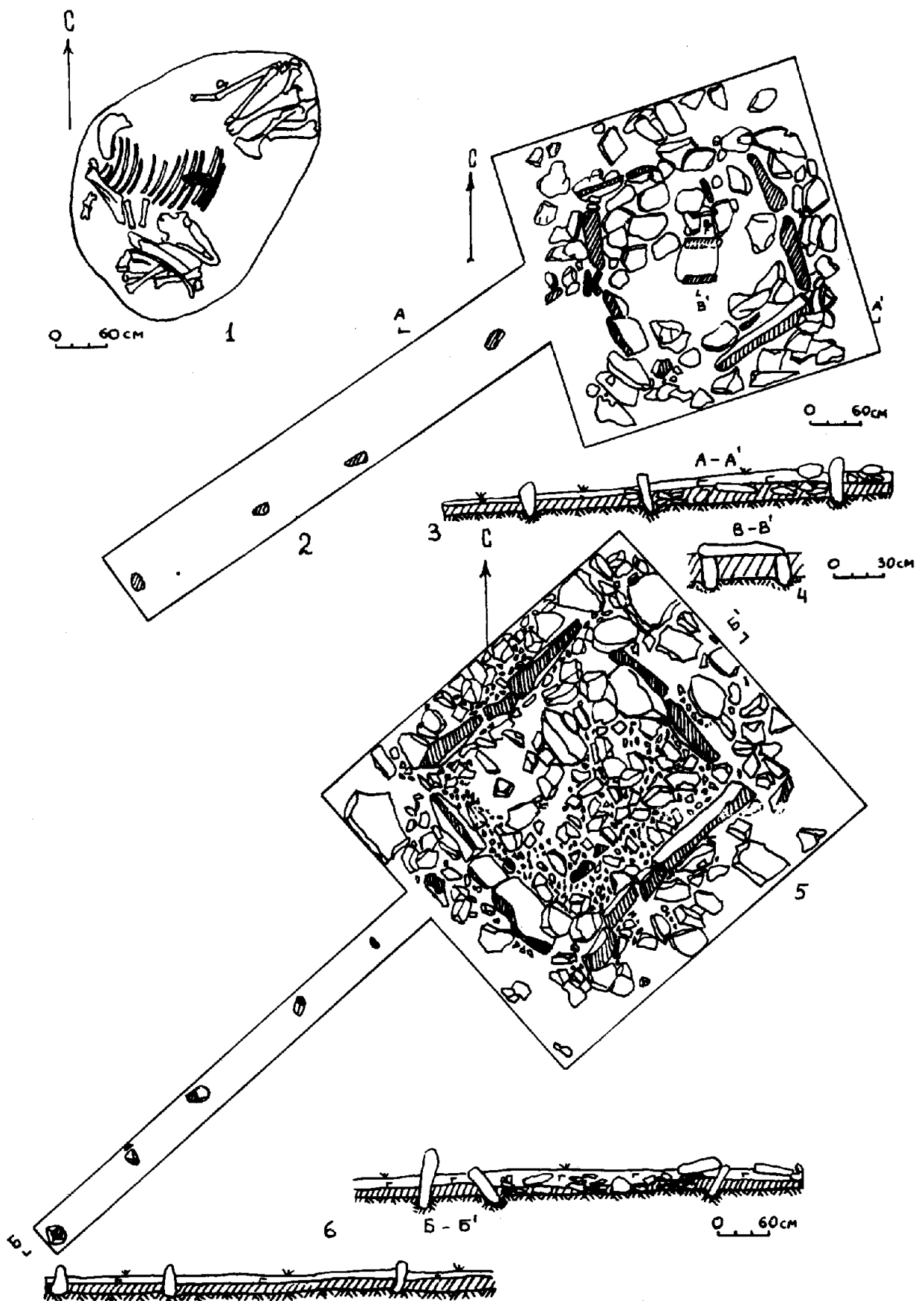

Рис. 1. 1 - ограда 44; 2-4 - ограда 7; 5, 6 - ограда 4

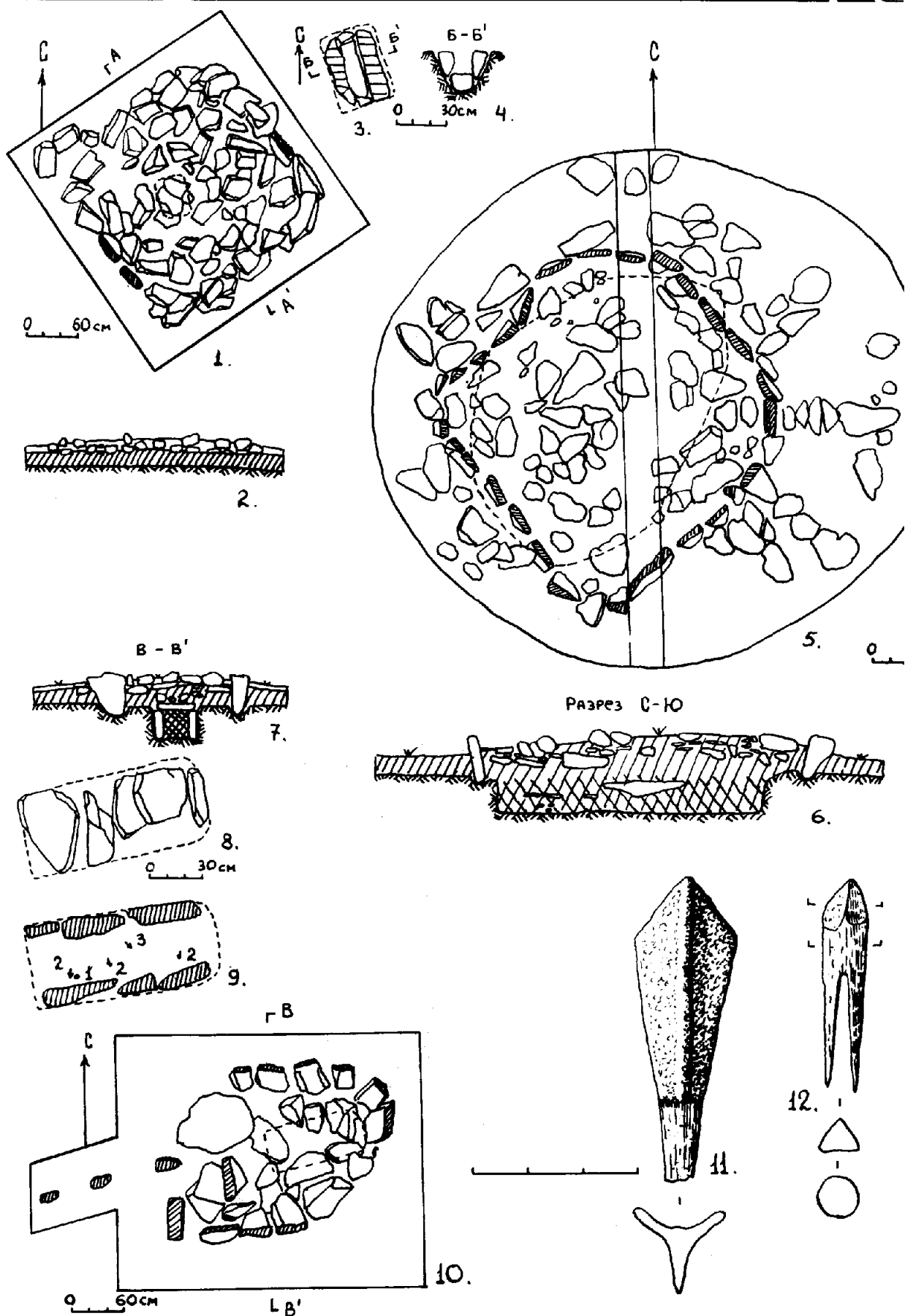

Рис. 2. 1-4 - ограда 8; 5-6 - ограда 44; 7-12 - ограда 6 (1 - железная пряжка, 2 - железные наконечники стрел - 3 шт., 3 - костяной наконечник стрелы)

ленные курганные захоронения и поминальные оградки. И к тому же исследованные оградки свидетельствуют если не о прямой связи, то во всяком случае о близости мировоззрения булан-кобинского населения с определенной группой древних тюрков. И в данном случае, естественно, встает один из наиболее сложных, главных вопросов в общей проблеме древнетюркских ритуальных сооружений — о начальном пути их развития. Булан-кобинские оградки, видимо, могут быть рассмотрены как одни из самых ранних в развитии раннесредневековых ритуальных сооружений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л.: Наука, 1965, 143 с.
2. Мамадаков Ю. Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае//Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 173–191.
3. Мамадаков Ю. Т. О памятниках первой половины I тыс. н. э. в Горном Алтае//Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 197–203.
4. Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 229 с.
5. Васютин А. С. Культурные памятники древних тюрков Горного Алтая (VII–X вв. н. э.). Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Кемерово, 1983. 16 с.
6. Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г./Тр. ГИМ. М., 1941. Вып. XVI.
7. Кубарев В. Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе//Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 86–98.
8. Кубарев В. Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая//Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 135–160.
9. Мамадаков Ю. Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н. э. Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.
10. Арсланова Ф. Х. К вопросу о взаимосвязи урало-алтайского населения в IX–X вв./Урало-алтаистика/ Археология, этнография, язык. Новосибирск, 1985. С. 63–69.
11. Генинг В. Ф. Ижевский могильник IV–V вв.//ВАУ. Ижевск, 1967. Вып. 7. С. 123–140.
12. Литвинский Б. А. Среднеазиатские наконечники стрел//СА. 1965. № 2. С. 75–91.
13. Сорокин С. С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка//АСГЭ. Л., 1977. Вып. 18. С. 57–67.
14. Худяков Ю. С. Вооружение племен Горного Алтая первой половины I тыс. н. э./Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 81–99.
15. Кызласов Л. Р. Таптыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М.: Изд-во МГУ, 1960. 197 с.
16. Кызласов Л. Р. Древняя Тува: от палеолита до IX в. М., Изд-во МГУ, 1979. 204 с.
17. Васютин А. С., Илюшин А. М., Елин В. Н., Миклашевич Е. А. Погребения протюркского времени на могильнике Кок-Паш из Восточного Алтая//Проблемы охраны археологических памятников Сибири. Новосибирск, 1985. С. 29–80.
18. Глоба Г. Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом II //Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 116–126.
19. Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тыс. до н. э.—первых веков нашей эры// Тр. ГКАЭЭ. М.-Л., 1966. Т. II. С. 185–291.
20. Вайнштейн С. И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 году (погребения казылганской и сын-чорекской культур)//Тр. ГКАЭЭ. Л., 1970. Т. III. С. 7–79.
21. Дьяконова В. П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.)//Тр. ТКАЭЭ. Л., 1970. Т. III. С. 80–209.
22. Дьяконова В. П. Археологические раскопки на могильнике Кокэль в 1966 г./Тр. ТКАЭЭ. Л., 1970. Т. III. С. 210–238.
23. Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., Наука. 1969. 196 с.
24. Сатлаев Ф. Кумандинцы. Горно-Алтайск: Алтайское кн. изд-во, 1974. 199 с.
25. Савинов Д. Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур Южной Сибири. Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора ист. наук. Новосибирск, 1987. 54 с.

Е. М. Берс, Ю. С. Худяков

ПОГРЕБЕНИЕ У с. БИЧИКТУ-БОМ

В полевом сезоне 1964 года Алтайским археологическим отрядом Отдела гуманитарных исследований СО АН СССР, под руководством Е. М. Берс, было исследовано своеобразие погребения у с. Бичикту-Бом в Онгудайском районе Горно-Алтайской а. о. В окрестностях с. Бичикту-Бом сосредоточено большое количество археологических памятников. На террасе левого берега р. Каракол, к северо-западу от села расположена цепочка каменных стел и курганов с каменной наброской, диаметром 10–20 м. На поверхности террасы, между скальными выходами, обнаружены древние поселения с культурным слоем. На скалах р. Каракол, зафиксированы выбитые и гравированные рисунки, древнетюркские рунические и тибетские надписи, изображение Будды [1]. На вершинах гор

имеются жертвенники алтайцев [2]. В 60-е годы археологические исследования в долине р. Каракол в окрестностях с. Бичикту-Бом, проводили А. П. Окладников, Е. М. Тошкова, А. Л. Сперанский [3]. Е. М. Берс проводились раскопки культурного слоя поселения в трех пунктах на площади террасы к северо-западу от черты с. Бичикту-Бом. Она занималась фиксацией наскальных рисунков, осматривала жертвенники, опрашивала местных сторожиков о погребальных обычаях алтайцев-теленгитов, описывала алтайские жилища [4].

Среди исследованных ею памятников особый интерес представляет раскопанное средневековое захоронение. О нем имеется только краткое упоминание в статье А. Л. Сперанского [5]. Между тем в архиве

Е. М. Берс сохранилось подробное описание раскопок погребения, коллекционная опись, чертежи и фотографии, которые позволяют составить адекватное представление об этом памятнике. В фондах ИИФФ СО АН СССР хранится коллекция предметов из погребения у с. Бичикту-Бом. Сама Е. М. Берс высказывала желание опубликовать эти материалы, однако осуществить это намерение не успела.

К сожалению, в рукописях Е. М. Берс утрачены некоторые страницы, в которых должно было содержаться описание выбора объекта, начала раскопок, конструкции сооружения. Из-за этого сведения о данной стадии раскопок не полны и противоречивы.

Памятник характеризуется следующим образом: «Археологические памятники залегают на северо-западной и западной окраине деревни, за ее домами. Это группа из 10 курганов, до раскопок поросшая крапивой почти в рост человека. Это курганы с каменной наброской из разбитых камней скального грунта. Часть их хорошо выделяется на поверхности и высота наброски до 20 см от современной почвы. Каменные плиты не были употреблены. Диаметр таких набросок от 10 до 20 м, можно предполагать, что таких курганных насыпей здесь больше, но они еле заметны над поверхностью, так как занесены наносами с гор, покрыты травой и лишь выступают камни верха центра набросок. Один из курганов такого типа был нами раскопан» [6]. На генеральном «плане местности у д. Бичикту-Бом», вдоль северо-западной окраины села, показана цепочка из 10 объектов, обозначенных в легенде как «круги из камней». Один из них, последний в цепочке с северо-восточной стороны, отмечен как раскоп 2 (рис. 1). Однако на «сводном плане: стоянки и могилы у д. Бичикту-Бом», отмечено, что это раскоп 3, который, согласно генеральному плану, был заложен у подножия горы, в 600 м к западу от черты села. Об этом же пишет и А. Л. Сперанский: «У подножия горы, где зафиксированы петроглифы, находится древнетюркский могильник (один из курганов раскопан в 1964 г. экспедицией Новосибирского государственного университета под руководством Е. М. Берс, датировавшей по комплексу вещей это древнетюркское погребение VIII веком н. э.).» (7). Действительно, рядом с раскопом 3 на генеральном плане отмечена группа из шести «кругов из вертикально поставленных плит», а в 100 м на северо-восток от нее — стела.

Исследуемый объект был включен в раскоп прямоугольной формы площадью 8х6 м, ориентированный по длине по линии север-юг. Необходимо отметить, что данный памятник трудно назвать «курганом». На плане место, где находится могила, обозначено как яма 2, образованная двумя перекрывающимися друг друга «углублениями от уровня материка». На площади ямы, к северу от могилы, находится основание очага, заполненное «землей с примесью разложившегося угля». В юго-восточном углу раскопа отмечена яма 1, частично перекрывающая зольник и основание второго очага. На всей площади раскопа отмечены сланцевые плиты, тремя скоплениями с южной, восточной и северо-восточной стороны от могилы (рис. 1–2). Однако эти скопления не образуют сомкнутой насыпи. На разрезе могильной ямы на глубине 0,7 м от поверхности до могильного пятна отмечен слой дерна, «культурный слой», слой глины с примесью песка (рис. 1–3). Судя по этим данным, могила не была перекрыта каменной насыпью. Сланцевые плиты, зафиксированные на поверхности раскопа и встречавшиеся в процессе

разборки культурного слоя, являются результатом оползания склона горы. На всей площади раскопа был зафиксирован культурный слой поселения, к которому относятся ямы, очаги, зольник. В культурном слое зафиксировано большое количество фрагментов керамики, изредка с орнаментом, обломки костей животных, отщепы. Находки из первого слоя рассредоточены по всей площади раскопа, находки из второго слоя встречаются в ямах и вокруг них.

Судя по тому, что среди находок отмечены «черепки с неолитическим орнаментом», поселение было многослойным и существовало длительный период. Е. М. Берс не ставила вопроса о соотношении погребения с культурным слоем поселения.

Могильное пятно было зафиксировано на глубине 0,75 м от поверхности. Оно имело вытянуто-овальную форму, площадью 3х0,75 м, было ориентировано по длине по линии северо-запад—юго-восток. При разборке заполнения могильной ямы была обнаружена пряжка-блок овальной формы с двумя отверстиями и пазом для ремня. Вдоль юго-западной стенки могильной ямы были наклонно поставлены массивные каменные плиты. В северо-западной части могилы был обнаружен череп лошади, в центре могилы — копыто и фаланга, в юго-восточной части — берцовая кость. Под нижней челюстью лошади обнаружены обломки железных удиц. В яме, вдоль каменных плит, найдены обломки от «железных предметов сбруи», железная пряжка, фрагмент керамики, подвеска из ляпис-лазури в норе грызуна. В северо-восточной стенке ямы находилось пятно от вертикального столба (рис. 1–3).

После разборки заполнения могильной ямы и снятия наклонно стоящих плит, обнаружен подбой. На глубине 1,6 м в подбое обнаружена колода из выдолбленного ствола лиственницы. Концы колоды имели следы от обручей. Стенки колоды сильно истлели. Внутри колоды находилось погребение. Скелет взрослой женщины 30–40 лет лежал на спине, вытянуто, головой на северо-запад. Правая рука согнута в локте, левая кисть на костях таза. Ноги соединены ступнями вместе.

В области черепа находилась россыпь мелких двойчатых бусин из раковин, камня, пасты. На черепе обнаружена полоса расшитого бисером истлевшего шелка от головного убора. По обеим сторонам черепа, близ ушных раковин находились височные кольца из металлического сплава. В области шеи и груди были обнаружены подвески из синей ляпис-лазури с геометрическим орнаментом, биконические халцедоновые бусы, подвески из перламутра с резьбой.

Между бедренных костей находился сильно коррозированный железный нож, сланцевая плитка и истлевший шелковый мешочек. У левой берцовой кости найдена роговая пряжка с приостренным концом, двумя отверстиями для ремня и обломанным железным язычком. На дне могилы встречались мелкие фрагменты керамики (рис. 1–4).

В заключительной части рукописи Е. М. Берс анализирует ритуал захоронения, отмечая аналогии различным деталям погребальной обрядности, инвентарю в известных памятниках Евразии [8]. Она указывает, что обычай погребать человека с конем, в колоде восходит к пазырыкской культуре. В то же время обряд захоронения с конем «указывает на тюркский обычай», что позволяет отнести погребение из Бичикту-Бом к «группе алтайских захоронений».

Ссылаясь на раскопки С. В. Киселева в Курае, она указывает, что существовал обычай деления погре-

бения человека и коня каменной или деревянной стенкой. То же самое, с ее точки зрения, наблюдается в раскопках М. П. Грязнова памятников одиозского этапа верхнеобской культуры на Алтае и Л. П. Потапова в Туве. «Таким образом, — заключает Е. М. Берс, — по обряду захоронения, наше погребение находит косвенные аналогии с другими памятниками древних тюрков VI–VIII вв. н. э.»

Аналогии найденным вещам также, по ее мнению, относятся к «поздним кочевникам VI–VIII вв. н. э.». В частности, подобные бичикту-бомской костяные пряжки встречались в памятниках верхнеобской культуры II–VIII вв. из раскопок М. П. Грязнова, в курганах кочевников у Саркела, из раскопок С. А. Плетневой в могилах у пос. Синеглазово в Челябинской области. Аналогичные пряжки встречаются на каменных изваяниях Алтая и Тувы, описанных Л. А. Евтюховой.

Второй пряжке точных аналогий не нашлось, но Е. М. Берс считает, что подобные формы, изготовленные из металла, встречаются в памятниках Южной Сибири I тыс. н. э.

Височные кольца, по мнению Е. М. Берс, бытовали с андроновской культуры до IX в. н. э., когда они сменяются серьгами с бусинкой на стерженьке. Подвески из ляпис-лазури находят аналогии в курганах Басандайки X–XI вв. и Саркела X–XII вв. В Саркеле найдены аналогичные бичикту-бомским бусы из халцедона, ляпис-лазури и перламутра. Однако Е. М. Берс считает, что это не дает оснований «продлевать дату нашего погребения до начала II тыс. н. э., поскольку встречающийся на них «кружковый орнамент» известен на Алтае с середины I тыс. н. э., а на других памятниках Западной Сибири и Урала со второй половины I тыс. н. э. Бипирамидальные бусы из халцедона и сердолика распространены на Северном Кавказе, в Средней Азии, Индии, где они датируются VI–VIII в. н. э.

Помимо обычных подвесок из перламутра, Е. М. Берс указывает на «стилизованную фигурку южно-сибирского и алтайского типа». «Такие фигурки из металла, как отголосок гуннского времени на Алтае, встречаются в раскопках Евтюховой Л. А. на среднем Енисее, а перламутровые фигурки — в Туве у Потапова».

Мелкие бусы из стекла, пасты, нашитые на головном уборе, находят аналогии в памятниках Алтая, Тувы, где они датируются V–IX вв. н. э. Дольчатые бусы известны из памятников до IX в., в частности, из раскопок Т. Н. Троицкой в окрестностях Новосибирска, в курганах середины I тыс. н. э.

«Таким образом, — заключает Е. М. Берс, — несмотря на то, что наше погребение не имеет прямых аналогий с другими аналогами Сибири и Алтая, по вещам, оно довольно хорошо датируется VIII в. н. э.» [9].

Думается, для своего времени это был довольно скрупулезный анализ, соответствующий современному уровню представлений о хронологии средневековых памятников Южной Сибири. Напомним, что еще не была опубликована классификация средневековых могил Алтая, проведенная на основе анализа могильника Кудыргэ А. А. Гавриловой [10], не изданы классификации древнетюркских комплексов Тувы С. И. Вайнштейном [11] и Л. Р. Кызласовым [12]. Близкое Бичикту-Бом погребение Хушот-Худжиртэ было отнесено Л. А. Евтюховой к IX в. н. э. [13]. Более того, некоторые наблюдения Е. М. Берс, например оценка обряда захоронения с частью коня, намного опередили представления археологов 60-х годов. Важно подчеркнуть, что подобный обряд погребения по обряду труположения с частью (шкурой) коня, действительно,

получает широкое распространение в Центральной Азии и Саяно-Алтае с VIII в. н. э. [14].

Однако детали погребальной обрядности и облик инвентаря не позволяют согласиться с датировкой, предложенной Е. М. Берс. Уточнение хронологии погребения затрудняется плохой сохранностью железных вещей, прежде всего, деталей сбруи. В настоящее время трудно сказать что-либо определенное о форме стремян и удила, сохранившихся в незначительных обломках. Ясно только, что у стремени была довольно широкая подножка. В то же время в могиле, на уровне захоронения головы и ног коня, обнаружены, помимо сильно коррозированных удила, многочисленные железные накладки. Они сильно корродированы, но сохранились целиком. Однако и в таком виде они напоминают длинные узкие накладки, крепившиеся к седельным и уздечным ремням с помощью шпеньков (рис. 2). Эти предметы относятся ко времени не ранее первой половины II тыс. н. э. [15]. Хронологический диапазон бытования роговых пряжек, аналогичных бичикту-бомской, значительно шире, чем представлялось Е. М. Берс. В настоящее время очевидно, что они продолжали употребляться в Южной Сибири вплоть до середины II тыс. н. э. (рис. 3). Массивные височные кольца, как справедливо отмечала Е. М. Берс, бытуют очень длительное время. Однако период их распространения не ограничивается IX в. н. э. Они встречаются и в памятниках начала II тыс. н. э. на очень широкой территории от Восточной Европы [17] до Дальнего Востока [18]. То же самое относится к биконическим бусам из халцедона, которые продолжали употребляться в монгольское время. Наиболее характерными вещами в наборе украшений из погребения Бичикту-Бом являются подвески из ляпис-лазури и перламутра (рис. 4). Как справедливо отмечала сама Е. М. Берс, наиболее точную аналогию им составляют подвески из могильника Саркела-Белой Вежи [19]. В могилах, относящих к X–XII вв. н. э., найдены подвески, близкие по конфигурации и орнаментации. В некоторых могилах они встречаются в сходных наборах украшений, включающих серебряные височные кольца, ожерелья из биконических бус с перламутровыми и ляпис-лазуревыми подвесками, ожерелья из двойчатых бус. Наличие геометрического циркульного орнамента характерно и для украшений первой половины II тыс. н. э. Характерно, что на могильнике Саркела зафиксирован сходный обряд захоронения со шкурой коня [20].

Распшитый бисером головной убор встречается в женских погребениях монгольского времени на Алтае [21].

Исходя из приведенных аналогий, предложенную ранее датировку погребения из Бичикту-Бом необходимо изменить. Памятник должен датироваться первой половиной II тыс. н. э. В это время на территории Забайкалья, Монголии, Минусы встречаются погребения со шкурой коня, оставленные потомками тюркоязычного населения, входившего в I тыс. н. э. в состав Уйгурского каганата. В IX в. н. э., после разгрома уйгуров кыргызами, часть уйгурского населения, опасаясь уничтожения, покинула центральноазиатские степи, расселившись в западном, южном и восточном направлениях, часть была переселена кыргызами в Минусу. Это население продолжало сохранять черты этнического своеобразия в течение первой половины II тыс. н. э. Погребения со шкурой коня XI–XII вв. н. э. исследованы на территории Минусинской котловины [22]. Для них характерно захоронение под кольцевыми каменными насыпями, в ямах, иногда с подбоями, отделенных каменными плитами от шкуры коня. Со шкурой помещалась сбруя, с погребенными — оружие, украшения, бытовые инструменты.

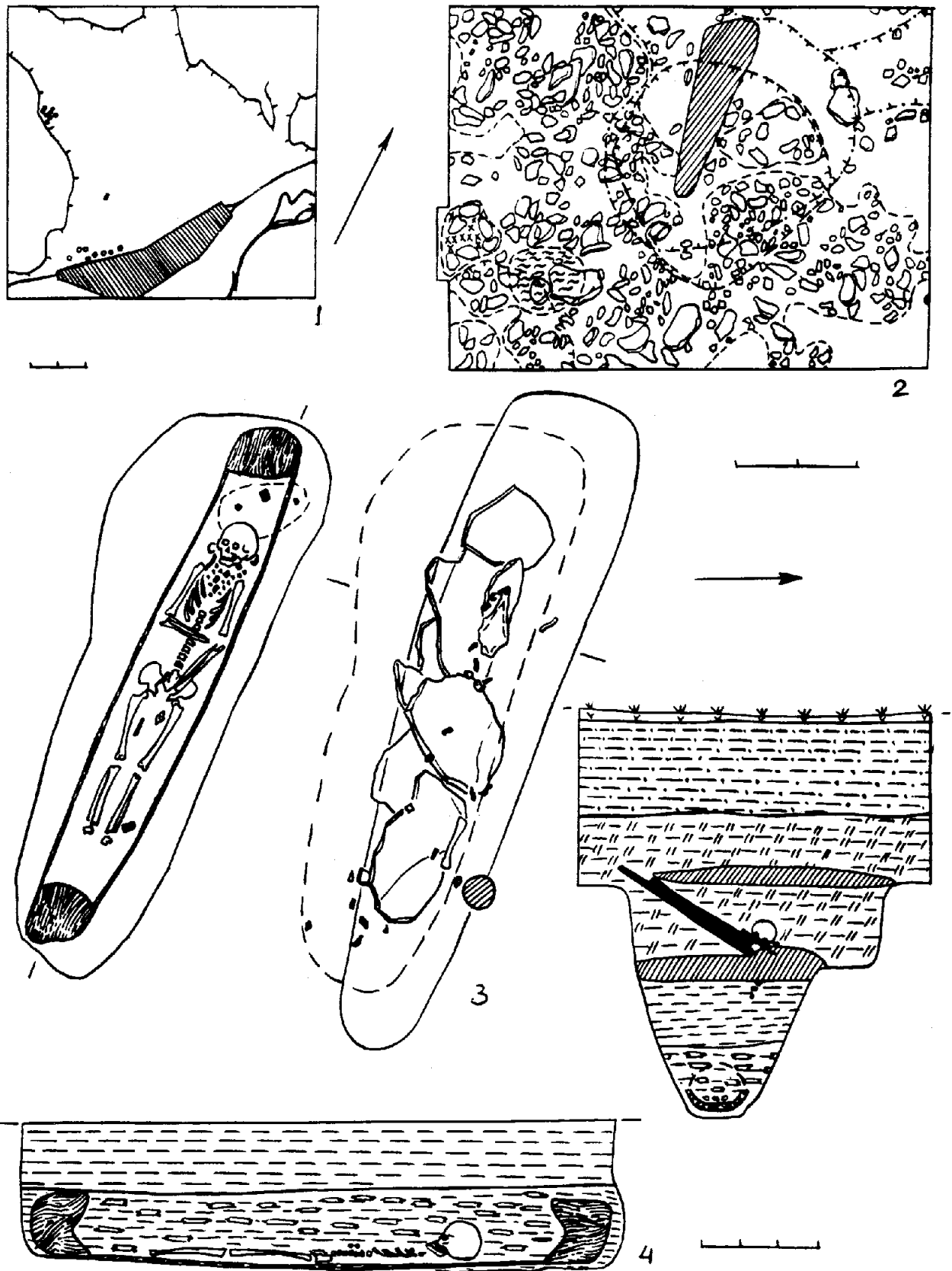

Рис. 1. 1 - план памятников у с. Бичикту-Бом; 2 - Бичикту-Бом. План раскопа № 3;
3 - раскоп № 3. Погребение. Верхняя часть могильной ямы с разделительной
стенкой, черепом и костями коня; 4 - погребение в колоде

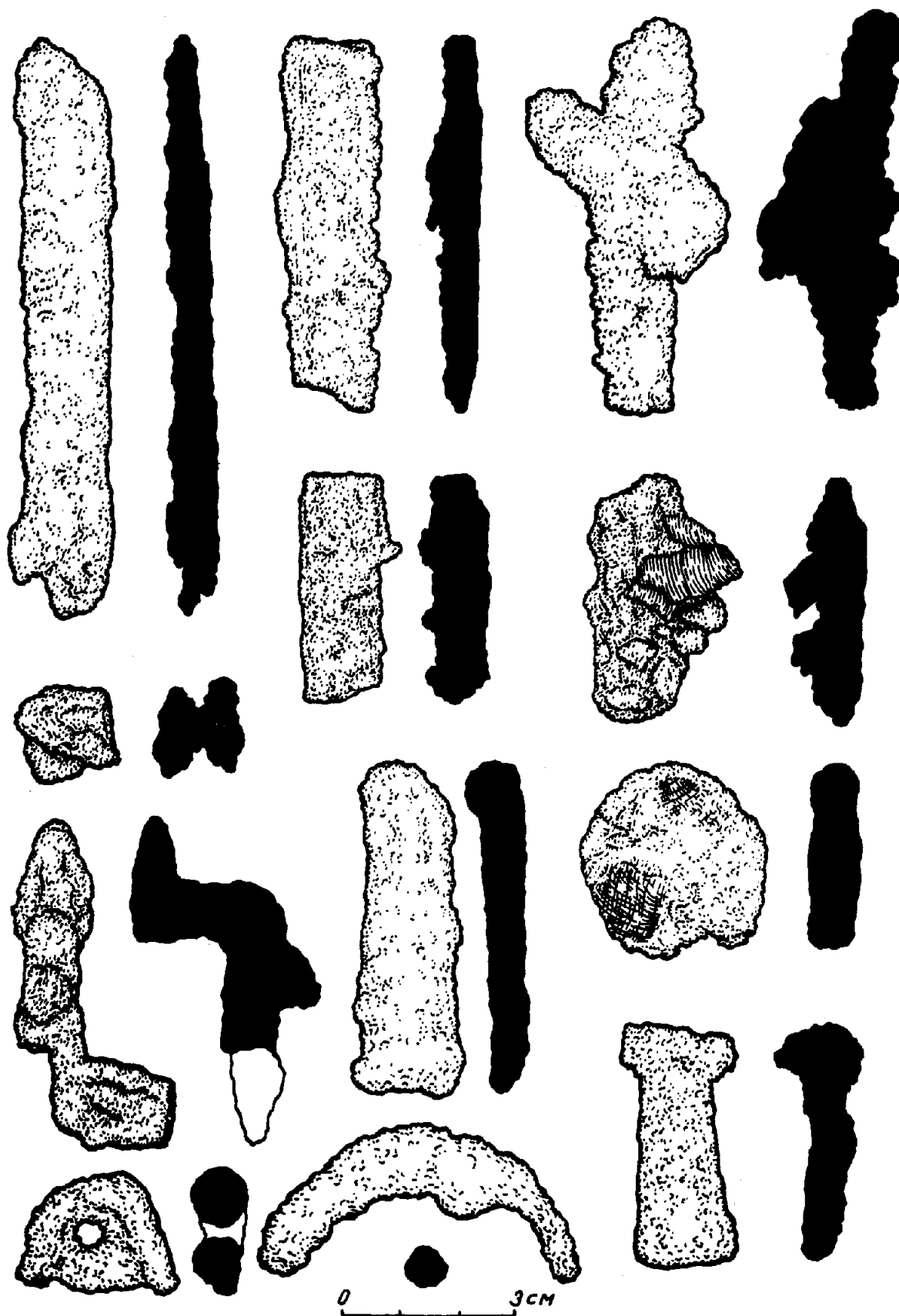

Рис. 2. Бичикту-Бом. Раскоп № 3. Погребение. Предметы из железа

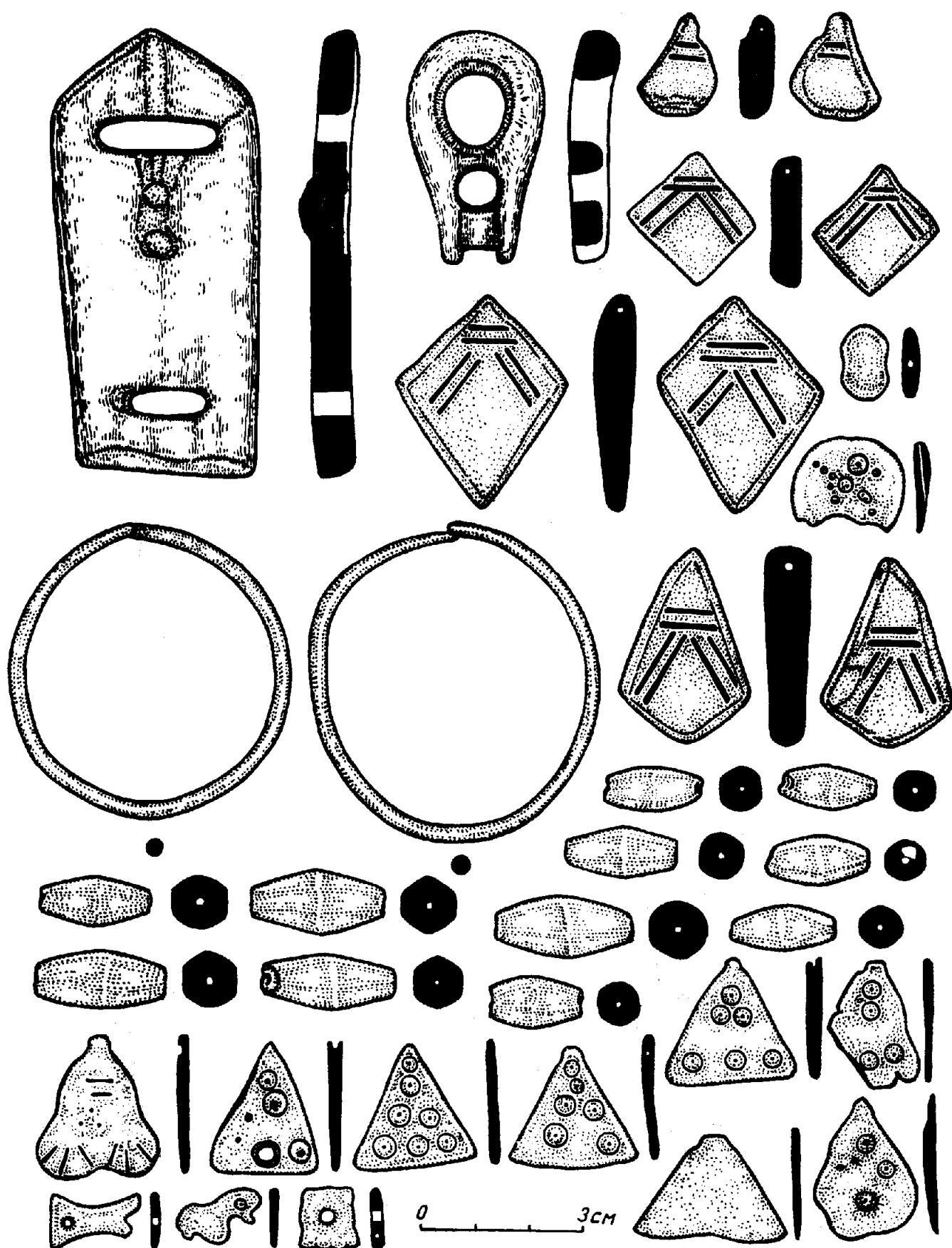

Рис. 3. Бичикту-Бом. Раскоп № 3. Погребение. Роговые пряжки. Украшения

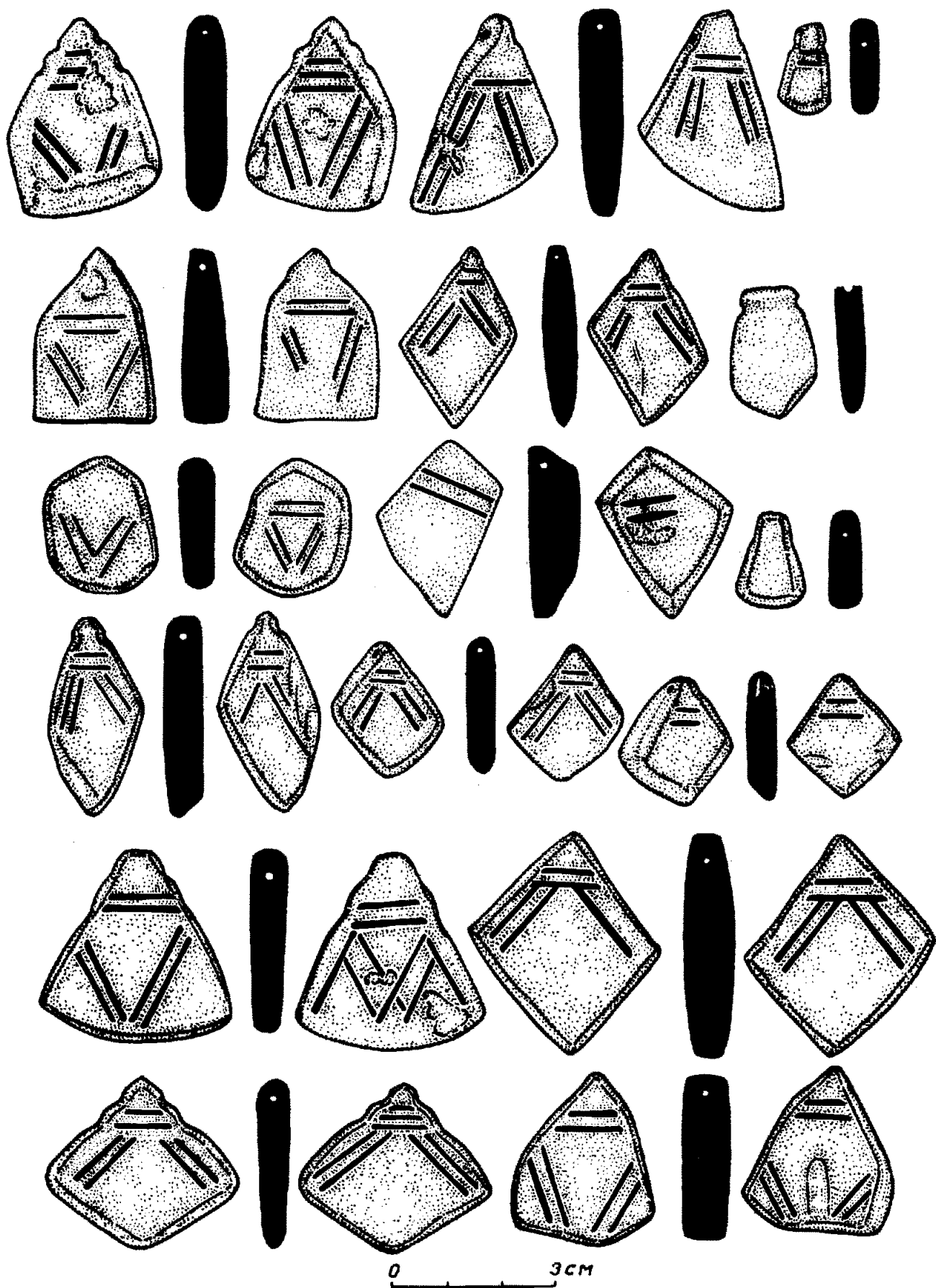

Рис. 4. Бичикту-Бом. Раскоп № 3. Погребение. Украшение

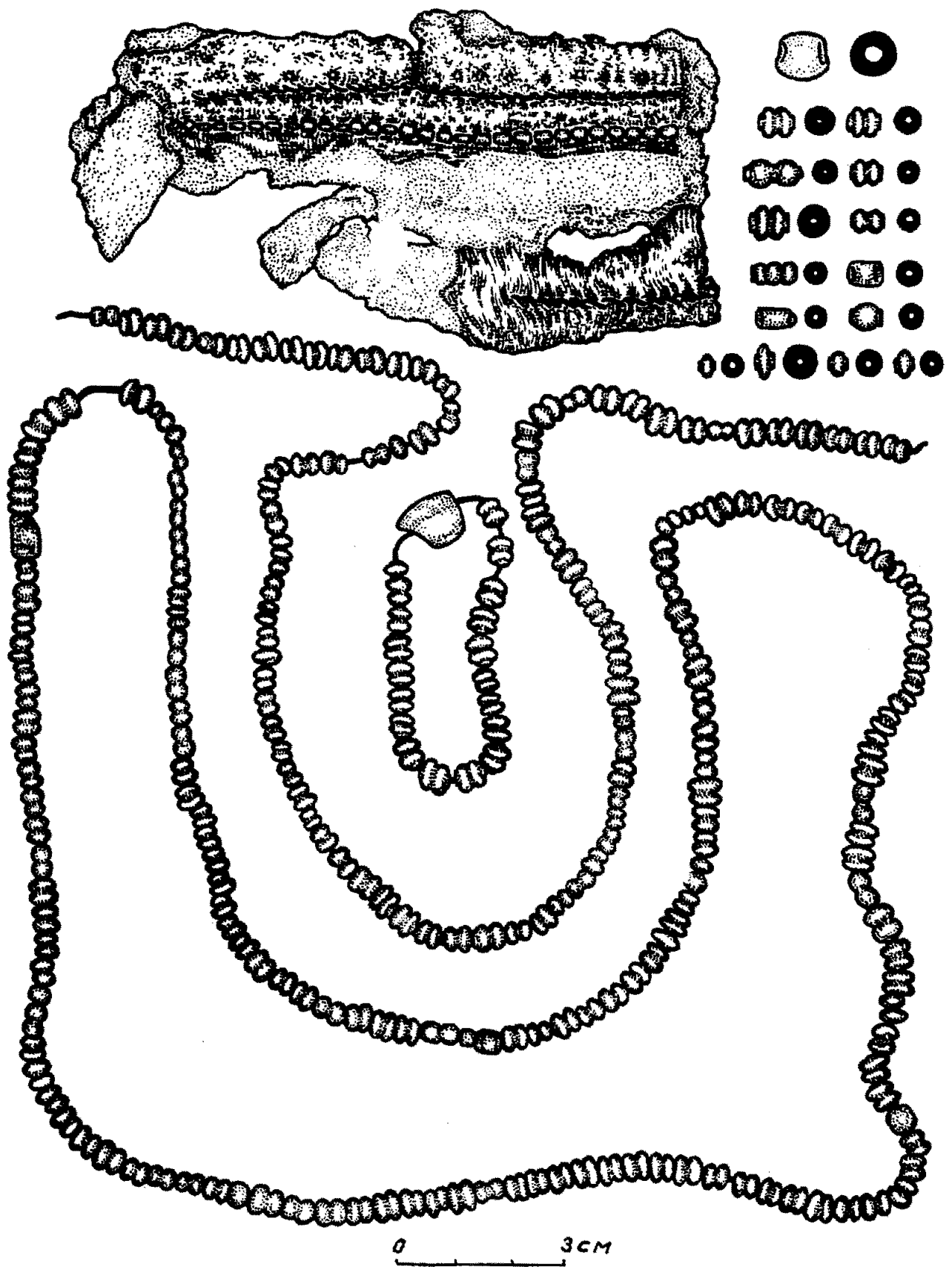

Рис. 5. Бичикту-Бом. Раскоп № 3. Погребение. Украшение

В Забайкалье и Монголии обнаружены погребения со шкурой коня XIII-XIV вв. н. э. Погребения совершались под кольцевыми каменными насыпями, в дощатых гробах, отделенных перегородкой из колев от шкуры коня. С человеком помещались лук и стрелы, украшения; со шкурой — седло и узда.

Погребение на Бичикту-Бом отличается от минусинских и монголо-забайкальских значительным своеобразием. Вполне вероятно, что оно было безурганным. Яма со шкурой коня размещена значительно выше подбоя. В могиле находилась только голова и одна нога, т. е. часть шкуры лошади. Погребение человека совершено в колоде. В составе инвентаря преобладают украшения, аналоги которым находятся в памятниках Западной Сибири и Восточной Европы. В то же время это захоронение имеет черты сходства с минусинскими и забайкальскими погребениями со шкурой коня в подбоях или гробах, у которых части лошади помещались выше могилы человека. Представляется, что погребение из Бичикту-Бом может быть включено в круг «позднеуйгурских» памятников юга Сибири и Центральной Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Убрятова Е. И. Древнетюркская руническая надпись на Бичикту-Боме/Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 158.
2. Берс В. М. Из раскопок в Горном Алтае у устья р. Куом/Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. Рис. 4.
3. Сперанский А. Л. Новые находки в Горном Алтае/Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 167-173.
4. Берс Е. М. Разведочные раскопки у деревни Бичикту-Бом (рунопись)//Архив ИИФФ СО АН СССР. - д. № 14.
5. Сперанский А. Л. Новые находки... С. 170.

6. Берс Е. М. Разведочные раскопки у деревни Бичикту-Бом...
7. Сперанский А. Л. Новые находки... С. 170.
8. Берс Е. М. Разведочные раскопки у деревни Бичикту-Бом.
9. Там же.
10. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л.: Наука, 1965.
11. Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры//Советская этнография. 1966. № 3. С. 60-81.
12. Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
13. Евтюхова Л. А. О племенах Центральной Монголии в IX в.// Советская археология. 1957. №2. С. 217-220.
14. Худяков Ю. С. Уйгуры на среднем Енисее//Известия СО АН СССР. Серия история, филология и философия. 1985. № 14. Вып. 3 С. 55-59.
15. Худяков Ю. С. Кыргызы на Табате. Новосибирск: Наука, 1982. С. 124-132.
16. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ... С. 74.
17. Артамонова О. А. Могильник Саркела-Белой Вежи//Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.-Л., 1983. Т. III. С. 55, 61.
18. Медведев В. В. Приамурье в конце I-начале II тысячелетия. Новосибирск: Наука, 1986. С. 130.
19. Артамонова А. О. Могильник Саркела... С. 63, 66.
20. Там же. С. 105.
21. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ... С. 47.
22. Худяков Ю. С. Типология и хронология средневековых памятников Табата/Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985. С. 96.
23. Евтюхова Л. А. О племенах... С. 217-220; Ковычев Е. В., Беломестнов Г. И. Погребения с конем из Поонья: хронология и этническая принадлежность//Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. Улан-Удэ, 1988. С. 142-154.

А. С. Суразаков

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПАЗЫРЫКЦЕВ

Каждый археолог совершенно ясно осознает ту информативную ценность, которую заключает в себе погребальный обряд для изучения различных сторон жизнедеятельности древнего общества. Обладая порой ярко выраженными этно- и социодифференцирующими признаками, он дает возможность исследовать проблемы этногенеза и социальной структуры древних племен, не говоря уже о целых блоках идеологических представлений, а также отдельных элементах хозяйства и быта, материальной культуры и многого другого.

В то же время каждому археологу ясно и то обстоятельство, что в отличие от этнографа, имеющего зачастую возможность наблюдать погребальный ритуал непосредственно в жизни, т. е. как основанную на определенной мировоззренческой концепции и закреплённую в традиции систему ритуальных действий живых по отношению к усопшему, он имеет дело с материализованным в археологическом памятнике результатом этой деятельности. По результатам неполным, а под сложившимся воздействием определенных факторов, порой и существенно искаженным [2, с. 54-68].

Кроме того, анализ погребального обряда осуществляется всегда по существенным, характерным

признакам при отвлечении от единичных, а оттого второстепенных. Однако выделить существенное можно лишь представляя, хотя бы в самых общих чертах, изучаемое явление как функциональную систему, в тесной взаимосвязи составляющих ее структурных элементов. Не зная этого, за существенное можно принять второстепенное, а порой и вторичное, образованное, к примеру, в результате деформации археологических памятников.

Иными словами, прежде чем анализировать погребальный обряд по поводу извлечения той или иной информации для изучения различных сторон прошлой жизни, его нужно реконструировать, т. е. попытаться представить те действия людей, которые совершались по отношению к усопшему, а через эти действия и те представления, которые побуждали человека к этим действиям.

Целью данной статьи является попытка в самых, конечно, общих чертах реконструировать погребальный обряд основного социального слоя пазырыкцев, т. е. рядовых общинников с позиций выявления совершавшихся когда-то действий, не углубляясь в основном в связанные с этими действиями идеологические представления.

Наиболее характерные черты пазырыкских погребальных сооружений уже не раз привлекали внимание различных исследователей [5; 6; 7; 8; 9; 10 и т. д.]. Последнее избавляет от необходимости вновь перечислять их в предлагаемой статье, поэтому перейдем сразу к рассуждениям реконструктивного плана.

Начнем с общего, т. е. расположения и внутренней планировки могильников. Как показали раскопки, а также разведочные работы, располагаются они в низинных более или менее обширных долинах, находящихся преимущественно в районах с малоснежными зимами. Вблизи них обычно протекает река, а по склонам гор и в поймах рек имеется необходимый как топливо и строительный материал лес, т. е., учитывая основное направление экономики пазырыкцев как скотоводческое с сезонным передвижением по крайней мере части населения со скотом по системе строго определенных в зависимости от времени года пастбищ, можно предположить, что могильники их устраивались вблизи зимников, т. е. в местах, удобных как для зимовки самого населения, так и для зимнего выпаса скота при содержании его преимущественно на подножном корму круглый год.

Во многих случаях могильники состоят из одной или нескольких небольших в количественном отношении цепочек курганов, вытянувшихся в общем направлении с севера на юг. Уже сама группировка курганов в пределах общего могильного поля в отдельно стоящие друг от друга компактные цепочки говорит о том, что в них погребены ближайшие родственники, т. е. сооружались эти группы-цепочки отдельными семьями. Кроме приведенного соображения, в пользу сделанного вывода говорит и одновременность захоронений, а также их однокультурность как по набору и формам содержащегося в них инвентаря, так и по единообразию фиксируемых в них черт погребального обряда.

Любопытно в данном случае наблюдения, проведенные автором в 1983 г. во время разведочных работ в бассейне р. Джазатор (после слияния с р. Акахала образующий р. Аргут). Разведочный маршрут проходил от высокогорного плато, с которого стекает река, вплоть до расположенного у ее слияния с р. Акалахой с. Джазатор (Беяши). На этом участке длиной в несколько десятков километров вдоль реки тянется система небольших долин, отгороженных друг от друга труднопроходимыми бomaми-перевалами. Почти в каждой долине обнаружено от одной до нескольких цепочек курганов эпохи раннего железа. Рядом с этими цепочками обычно располагается по нескольку каменных оград более позднего древнетюркского времени. Невдалеке от этих древних могильников в ряде случаев зафиксированы также немногочисленные по своему количественному составу захоронения этнографической давности.

В настоящее время все население этого района живет в с. Джазатор. Основное направление экономики села — скотоводство. Скот поделен на отдельные стада и пасут его отдельные семьи, состоящие из родителей и их детей. Такая семья может включать представителей старшего поколения по линии мужа и жены, а дети родителей могут быть женатыми и также иметь своих малолетних детей. Важно здесь то, что стадо пасет отдельная, хотя и варьирующаяся по своему количественному составу, семья. Каждая такая семья занимает удобную для жизни долину вдоль реки, живет в одной-двух войлочных юртах, а юрты стоят рядом с древними

и этнографической давности могильниками. В настоящее время чабанские семьи со своим скотом распределяются по описанной системе долин весной, чтобы начать движение по сезонным, т. е. летне-осенним пастбищам. Однако, по словам представителей старшего поколения, раньше здесь жили постоянно, иными словами, зимовали. Свидетельствуют об этом и расположенные в этих местах этнографические могильники. В общем, из приведенных данных можно сделать важный в связи с разбираемой темой вывод: в разные исторические эпохи, независимо от этнического состава, но при одинаковой экономической базе распределение населения вдоль р. Джазатор остается одним и тем же на протяжении вот уже более 2000 лет, т. е., судя по малому количеству курганов в цепочках ранних кочевников, они, скорее всего, жили в этих долинах такими же отдельными, связанными между собой родственными узами семьями.

Итак, компактная цепочка пазырыкских курганов — это место погребений отдельной семьи. Могильник из нескольких групп захоронений мог заполняться по-разному. Составив небольшую цепочку курганов, отдельная семья начинала недалеке устраивать новую группу погребений. В то же время все составляющие могильник группы захоронений могли сооружаться одновременно, если пазырыкская община состояла из нескольких родственных семей. Решать этот вопрос, естественно, надо в каждом отдельном случае особо. Порядок составления цепочек курганов еще предстоит выяснить, однако уже сейчас на этот счет имеются некоторые наблюдения. Так, проанализировав распределение инвентаря в синхронном могильнике Кызыл-Джар 1, В. А. Могильников пришел к выводу, что сооружаться он начал с севера [5, с. 25].

Для погребения усопшего с окрестных стоянок, видимо, съезжались его ближайшие родственники. Трудоемкие для сооружения силами отдельной семьи рядовые курганы пазырыкцев весьма быстро могли возводиться при участии нескольких родственных семей. Работы скорее всего начинали с рытья могильной ямы. Разрыхляя грунт деревянными кольями и колушками, деревянными же пешнями или роговыми кирками, его выбрасывали затем деревянными лопатами на прилегающую площадь. Подчетыреугольная в плане со скругленными углами могильная яма ориентировалась длинной осью в широтном направлении. Как правило, сверху она получалась несколько больше по размерам, чем внизу. В зависимости от того, предполагалось ли в данном погребении разместить сопроводительное конское захоронение, конфигурация дна ямы варьировалась. Если нет, то дно делалось ровным. Если да, то углубившись на 1,5–2 м в грунт, сородичи отступали от северной длинной стенки на 50–80 см, где должна была остаться материковая приступка для захоронения лошади, и углубляли южную часть могильной ямы, куда впоследствии устанавливали бревенчатый сруб. Глубина от верха материковой приступки до дна южной половины ямы обычно равнялась высоте погребальной камеры, так что конь укладывался на уровне ее перекрытия.

Опытные в отношении плотничьего дела сородичи подтягивали на лошадях из леса срубленные там стволы деревьев и рядом с ямой рубили погребальный сруб. Для этого в коротких, идущих на торцевые стенки бревнах делались подчетыреугольные зарубки, куда вставлялись подтесанные концы бревен длинных стенок. Срубив таким образом нижний

венцы камеры, теперь уже в бревнах длинных стенок делались подчетырехугольные зарубки, куда вставлялись подтесанные концы бревен коротких стенок. В целом камеры рядовых пазырыкцев сооружались в пределах 1–3 венцов. Стенки срубов получались с остатком, т. е. концы бревен выходили за внешние пределы камеры на 25–30 см. Где это можно проследить, последними в верхнем венце укладывались бревна длинных стенок, так что половина их толщины выступала над уровнем коротких стенок. Между этими выступающими вверх бревнами укладывалось бревенчатое же или из толстых плах перекрытие. Часто идущие на сооружение камеры бревна подтесывались с внутренней стороны на плоскость.

Соорудив таким образом погребальную камеру, ее затем разбирали и, начиная с бревен нижнего венца, опускали в яму, где собирали вновь. Не все, естественно, удавалось учесть наверху, и отдельные бревна приходилось подтесывать на дне могильной ямы. Поэтому там изредка находят редкий слой щепы. Щепы и обрубки дерева, обнаруживаемые в засыпке ямы, представляют собой строительные остатки от сооружения камеры, попавшие на выкид из ямы, которым ее и засыпали. Установив бревенчатую камеру, сородичи выстилали внутри нее пол из заранее приготовленных плах или лиственничной корой. Однако часто пол в срубе оставался грунтовым, особенно тогда, когда в камере сооружалась лежанка.

Внутренне пространство сруба делилось как бы на две части — северную, куда устанавливалась погребальная пища, и южную, предназначенную для размещения усопшего. Лежанки, на которые укладывали погребальных, по конструктивной сложности можно подразделить на три типа — подстилка (1 тип), лежанка (2 тип) и погребальное ложе (3 тип). Простейшее из этих сооружений — подстилка устанавливалась из слоя хвороста или лиственничной коры (в одном случае бересты — Курту 5, кург. 5), поверх которого скорее всего стелился кошма. При наличии в срубе дощатого пола, видимо, ограничивались преимущественно подстилкой из кошмы. В головах усопшего укладывалась каменная, деревянная или кожаная подушка. Каменные и деревянные подушки накрывались, по-видимому, краем кошмы или другим мягким материалом.

Лежанки устраивались на грунтовой дне погребальной камеры, т. е. при отсутствии в ней дощатого пола. В южной половине сруба для этого выкладывался слой из плоских камней, поверх которого укладывалось 2–3 доски. В рядовых курганах найдено одно погребальное ложе в виде деревянной, имеющей четыре ножки и застеленной в свою очередь досками рамы. Происходит оно из раскопок В. Д. Кубарева у с. Ташанта. Два погребальных ложа обнаружены в большом Катандинском кургане с захоронением представителей племенной верхушки [7, с. 8]. Изготовлены они в виде «столов» на четырех ножках, т. е., в отличие от лежанок, ложа представляют собой как бы конструктивно целое сооружение. В нескольких случаях в рядовых пазырыкских курганах встречены деревянные колоды, однако это уже не погребальные ложа, а саркофаги, т. е. предметы иной категории. Захоронения эти еще мало изучены, поэтому объяснить их связь с рядовыми погребениями пока затруднительно.

Соорудив лежанку, на нее укладывали усопшего сородича, придав ему, как правило, позу на правом боку с подогнутыми ногами и сориентировав головой на

восток. Западная ориентировка у пазырыкцев встречается в единичных случаях. Чаще всего в пазырыкских курганах встречается по одному погребенному, реже — по два и совсем уж редко — по три, т. е. предназначались они для одноразового использования, в отличие, к примеру, от соседней Тувы, где характерны камеры-склепы с последовательными подхоронениями.

Укладывали усопшего общинника в погребение в одежде. Судя по фрагментам, одежда эта была повседневной. В данном случае обращает на себя внимание присутствие в курганах деревянных и бронзовых обтянутых золотом гривн, а также деревянных, часто также обтянутых золотом фигурок животных от головных уборов, которые явно в повседневной жизни не использовались. Все эти украшения скорее всего одевались или крепились к одежде во время каких-то общественно значимых церемоний, которыми так полна религиозная практика древних социальных организмов. После смерти, естественно, все они крепились к одежде их обладателя и должны были служить ему в потустороннем мире.

Если погребали мужчину, то к поясу его крепили оружие, т. е. чекан, колчан со стрелами, лук, кинжал. Во многих случаях кинжалы, видимо, привязывались к правому бедру. Как в женских, так и в мужских погребениях у пояса часто встречается бронзовое зеркало. Обращает на себя внимание стремление сородичей заменить ряд категорий вещей на уменьшенные их копии или же имитации из другого материала. Так, крайне редко в захоронениях встречаются настоящие кинжалы, чеканы, зеркала. В подавляющем большинстве они отлиты в виде уменьшенных миниатюр настоящих предметов, в единичных случаях встречены их деревянные заменители. Заменяли деревянными имитациями в некоторых случаях металлические ножи. Наконечники стрел в подавляющем большинстве встречаются костяные, хотя в жизни, как показывают случайные находки, широко употреблялись металлические. В данном случае следует подчеркнуть то обстоятельство, что миниатюрными изготавливались обычно металлоемкие предметы, т. е. практической целью, вызвавшей к жизни этот обычай, было стремление к экономии металла. Другое дело — идеологическое освещение этой традиции, которое требует еще всестороннего анализа, точно так же, как и раскраска многих предметов красной краской. Делалось ли это специально в процессе погребального ритуала или же широко использовалось в жизни. Неясен пока и вопрос: какие идеологические представления стоят за этой традицией.

Уложив на лежанку усопшего, сородичи начинали заполнять северную половину погребальной камеры. У северной стенки сруба ставился глиняный кувшин с жидкой пищей, деревянное блюдо с куском баранины и металлическим ножом для его разрезания. Изредка встречается здесь деревянный ковш. На блюдо предпочитали класть курдючную часть туши барана, которая была у них, как и у более поздних скотоводов этого региона, излюбленной пищей. В кургане 2 могильника Уландрык 1 на деревянном блюде лежали небольшие просынные «хлебцы» [3, с. 47].

Отдельные наблюдения наводят на мысль, что не вся погребальная пища предназначалась усопшему. Так, на некоторых кувшинах имеются нанесенные черной минеральной краской изображения змей, которые едва ли могли играть в жизни широко распространенную орнаментальную роль и наносились, видимо, в процессе отправления погребального ритуала. «Змеиное царство»

могло быть одним из препятствий на пути в загробный мир, и жидкая пища в кувшинах скорее всего предназначалась для задабривания хтонических существ [11].

Оформив погребение в камере, сородичи перекрывали сруб продольно укладываемыми бревнами. Щели между ним иногда закладывались лиственничной корой или промазывались глиной. Закончив с погребальной камерой, у ямы ударом чекана в теменную часть забивали оседланную и взнузданную лошадь (иногда две-три в зависимости от достатка усопшего) и опускали ее на материковую приступку вдоль северной стенки, уложив на брюхо с поджатыми под него ногами, головой в ту же, что и человек, сторону.

Закончив действия, связанные с погребальной камерой, перекрытие сруба иногда поджигали. Однако случаи эти единичны и для пазырыкцев нехарактерны. Яму засыпали выкинутой из нее ранее землей. В засыпи часто встречаются угли, реже кости животных. Последние являются, видимо, предоставлявшейся усопшему частью тризн, проводившихся строителями кургана. С углями сложнее. Они могли представлять собой остатки горевших у края ямы, т. е. на выкиде, ритуальных костров или же появились в результате оттаивания грунта, если захоронение совершалось зимой.

Заполнив яму, из оставшегося грунта над ней возводили небольшой холмик. После возведения земляного холма часто с южной его стороны разводили костер. Рядом иногда находятся кости животных и керамика, т. е. здесь проводили очередную тризну. После совершения необходимых действий над погребением сооружали каменную полусферическую и округлую в плане насыпь диаметром 5–12 м, изредка обводя ее каменным кольцом. В отдельных случаях к востоку от насыпи вкапывали вертикально установленные камни, образующие небольшую цепь балбалов. Через определенное после возведения кургана время родственники устраивали поминки, для чего с западной его стороны сооружали небольшое каменное кольцо. В кольцах иногда находятся остатки кострищ и кости животных. Понять эту часть погребального обряда пазырыкцев в какой-то мере помогают материалы, собранные этнографами у народов Саяно-Алтая. По их представлениям душа усопшего после погребения не сразу отправлялась в потусторонний мир, а какое-то время находилась вблизи селения [1, с. 59–68]. До переселения ее в мир иной родственники при участии шамана несколько раз с ней общались. Для ограждения родственников от души усопшего шаман проводил на земле одну-три магические линии, через которые она не могла перейти. В процессе общения душу кормили. Кормление осуществлялось через огонь, куда шаман бросал предназначенную ей пищу.

По аналогии с этими типологически близкими представлениями мы можем предположить, что каменные кольца пазырыкцев служили для ограждения того пространства, куда вызывалась душа усопшего. В кольцах же разводили костер, в который бросалась пища для ее кормления. Кстати, обычай кормления душ усопших был известен у синхронных пазырыкцам скифов Причерноморья [6, с. 332]. Судя по количеству колец, поминки у рядовых общинников осуществлялись до трех раз.

Существовал у пазырыкцев и обычай сооружения кенотафов. Судя по исследованному В.Д.Кубаревым кургану 2 могильника Уландрык1, возводились они по типу настоящих погребений с каменной насыпью, могильной ямой, деревянным

срубом [3, с. 46–47]. В описываемом кенотафе на дощатой лежанке был положен детский кожаный костюм. В головах располагалась погребальная пища.

Итак, в самых общих чертах мы остановились на проблеме реконструкции тех действий, которые совершали рядовые пазырыкцы в процессе отправления погребального обряда по отношению к усопшему сородичу. По известным причинам реконструкция ограничивается той частью ритуала, которая была связана с возведением погребального сооружения и непосредственным захоронением усопшего, т. е. все то, что происходило до этого, из поля зрения археологов, к сожалению, выпадает. Да и то, что можно осмыслить, реконструируется с известной долей вероятности. В то же время разработки эти необходимы, поскольку позволяют полнее понять взаимосвязь и значимость отдельных элементов совершавшегося некогда ритуала. Расширение и уточнение в будущем предложенной схемы ритуальных действий, надо полагать, позволит вплотную подойти к реконструкции тех идеологических представлений пазырыкцев, которые лежали в основе их погребального обряда.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975. 163 с.
2. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. 410 с.
3. Кубарев В. Д. Новые находки эпохи ранних кочевников в Горном Алтае//Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. (Сборник трудов, написанных на материалах научной конференции Института истории, филологии и философии СО АН СССР 1972 г.). Часть 1. Новосибирск, 1972. С. 45–59.
4. Кубарев В. Д., Гребенщиков А. В. Курганы Чуйской степи (по материалам работ Восточноалтайского отряда в полевой сезон 1975 г.)//Сибирь в древности. Новосибирск, 1979. С. 61–75.
5. Могильников В. А. Курганы Кызыл-Джар 1, 8 — памятник пазырыкской культуры Алтая//Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983. С. 3–39.
6. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953. 361 с.
7. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960. 341 с.
8. Сорокин С. С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-Су. АСТЭ, вып. 16. Л., 1974. С. 62–91.
9. Суразаков А. С. О погребальных сооружениях пазырыкцев// Барнаулу 250 лет: Тезисы докладов и сообщений к научной конференции. (1–2 июля 1980 г.). Барнаул, 1980. С. 71–73.
10. Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в конце IV–начале II вв. до н. э.: Автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 1985. 22 с.
11. Суразаков А. С. К вопросу о семантике некоторых образов пазырыкского искусства//Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 3–34.

А. П. Бородавский

ИССЛЕДОВАНИЕ ОДНОГО ИЗ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ НА СРЕДНЕЙ КАТУНИ

Погребально-поминальный комплекс Чобурак 1 расположен в Шебалинском районе Горно-Алтайской автономной области на правом остепненном берегу реки Катунь, недалеко от ее притока ручья Чобурак (рис. 1–1). Памятник занимает небольшой плоский ложок у подошвы Куминского хребта, ограниченный с двух сторон хорошо задернованными конусами выноса из скальных расщелин (рис. 1–2). Основные сооружения этого археологического комплекса представлены объектами трех типов — оградками (7), кладками (16), курганами (18) (рис. 1–2; 2). Все перечисленные конструкции сложены из двух сортов камня — грубой рваной скальной породы и хорошо окатанного галечника. Современная поверхность этих сооружений достаточно хорошо задернована. Некоторые кладки и оградки имеют вкопанные в центре или сбоку каменные стелы, хорошо заметные на поверхности. Почти все оградки расположены в непосредственной близости от скальной стенки и вытянуты по линии, ориентированной параллельно горному склону, с северо-запада на юго-восток. В некоторых случаях отдельные оградки расположены в непосредственной близости от курганов (с северо-восточной и юго-западной сторон) (рис. 2). Курганы и кладки расположены, как правило, цепочками по линии север-юг с небольшими отклонениями от этого направления. Насыпи курганов от кладок отличаются большим диаметром (от 7 до 10 м), лучшей задернованностью насыпей, большей округлостью их очертаний и высотой (от 0,3 м до 1 м). В ходе полевых работ было раскопано 3 кургана, 3 кладки и 2 оградки. Курган 1 (рис. 1–2; 2) представляет собой каменную куполообразную насыпь диаметром до 7 м и высотой 0,14 м, сложенную из грубого скального камня и крупного галечника. Основу конструкции составляет грубый рваный камень, из которого состоит насыпь на 76% от общего количества породы для возведения сооружения. За пределами каменной конструкции обнаружено несколько фрагментов колотых костей (часть конской челюсти, фрагменты костей ног лошади, а также конские и бараньи зубы) и два фрагмента керамики с накольчатый орнаментом по венчику баночного сосуда (рис. 4–2). С южной стороны у края каменной насыпи кургана зафиксировано скопление древесных углей. Такие же находки обнаружены среди каменного заполнения насыпи кургана по всей ее площади. Основу курганной конструкции составляла кольцевая каменная крепида размером 4,4 м в диаметре, сложенная из крупных блоков, уложенных в два ряда один на другой (рис. 3–1, 3, 6). В центре этого кольца располагалась могильная яма, ориентированная длинной осью по линии север-запад—юг-восток. Ее размеры составляли 2,4 м в длину и 1,3 м в ширину, а глубина от материковой поверхности была равна 0,5 м. Погребение подверглось ограблению в древности. Камни перекрытия были сдвинуты со своих мест и вместе с грубообломочным материалом из насыпи просели в яму. Между камнями и на дне могилы в беспорядке были расположены человеческие, конские и бараньи кости. Только у западной стенки могильной ямы в анатомическом порядке были зафиксированы обломки конской кости от одной из

передних конечностей, расположенные в подогнутом состоянии. У северного края могилы среди камней обнаружен сильно раздавленный конский череп. Человеческие кости, несмотря на разбросанность по дну погребения, имели определенные закономерности расположения. Так, ориентация длинных костей совпадала с осью могилы север-запад—юг-восток. Из сопроводительного инвентаря в центральной части могилы обнаружена железная обувная пряжка (рис. 4–4), роговая застежка для пут (рис. 4–8), фрагменты подпружной пряжки из рога (рис. 4–10) и железная подпрямоугольная скоба от уздечного крепления удила (рис. 4–3), а также детали поясной гарнитуры из рога (пряжка, две сердцевидные накладки с железными стержнями крепления и концевая накладка рис. 4–5, 6, 7, 9).

Курган 2 — насыпь округлой формы диаметром более 5 м и высотой 0,45 м, сложенная также по преимуществу из грубого скального камня с небольшим включением крупного галечника. После расчистки каменной насыпи была выделена кольцевая крепида диаметром около 4 м, составляющая конструктивную основу сооружения. Каменное кольцо образовывали крупные подпрямоугольные блоки, уложенные на грунт в один ряд (рис. 3–4, 5). Часть из них в южной стороне сооружения с течением времени и в ходе естественного разрушения изменила свое первоначальное месторасположение. В центре кольца располагалась неглубокая могильная яма, ориентированная длинной осью по линии север-запад—юг-восток-восток. Ее размеры составляли 1,5 м в длину и 1 м в ширину, а глубина от материковой поверхности была равна 0,25 м. В могильной яме головой на север-запад-запад на правом боку с подогнутыми ногами, плотно уложенными друг к другу, располагался костяк лошади (рис. 5–1). Шея ее была сильно изогнута, а голова уложена на внешний край могилы так, что сильно выступала над расположением всех остальных частей скелета. В области крупа с левой стороны на костяке лошади зафиксировано скопление предметов, в которое входили два проушных топора (рис. 5–4, 5), оковка рабочего края лопаты (рис. 5–2) и тесло с плечиками (рис. 5–3). Все изделия были изготовлены из железа очень хорошей сохранности. Предметы конского снаряжения на костяке лошади отсутствовали.

Курган 3, размеры насыпи в диаметре составляли 4 м, высота 0,6 м. Конструктивную основу сооружения составляла каменная кольцевая крепида диаметром около 2,5 м, сложенная из крупных блоков в один ряд. В центре каменного кольца располагалась могильная яма, размеры которой составляли 1,2 м в длину, 0,8 м в ширину, а глубина от материковой поверхности была равна 0,3 м. Длинная ось могильной ямы ориентирована по линии юг-запад-запад—север-восток-восток. Погребения и сопроводительного инвентаря в могильной яме не обнаружено. Вероятнее всего, это сооружение представляет разновидность кенотафа.

Кладка 1 (рис. 2) представляет собой округлое сооружение из камня диаметром около 4,5 м, высотой до 0,25 м. С северной стороны кладки зафиксирован прокол размером 0,6х0,4 м, мощностью до 0,1 м. Среди каменной наброски кладки из грубой скальной породы и

галечника встречены фрагменты колотых трубчатых костей, часть бараньей челюсти, зубы барана и лошади. На северо-западном и южном краю кладки обнаружено скопление древесных углей.

Кладка 2 имеет 5 м в диаметре, а ее высота составляет 0,45 м. На периферии сооружения в северной части обнаружены две блоковидные кости сустава лошади, а в восточной стороне — часть кости блоковидного сустава барана.

Кладка 3 имеет диаметр около 5 м и высоту 0,6 м. В центральной части кладки при зачистке каменной конструкции обнаружен сильно разложившийся зуб лошади.

Оградка 1 (рис. 2; рис. 6–2, 4, 5) является сооружением подквадратной формы с размером сторон 2,4 м, сложенным из скальной породы (плитняка) и продолговатого валунника, поставленного на ребро. Оградка расположена в непосредственной близости от кургана 1 (с его северной стороны). Внутреннее пространство оградки забутовано несколькими крупными блоками рваного камня и мелкой аллювиальной галькой. В центре сооружения расположена каменная стела общей высотой до 0,8 м, выступающая над задернованной поверхностью на 0,5 м. Углы оградки достаточно точно ориентированы по сторонам света. Восточным углом оградка примыкает к крупному скальному валуну, к которому это сооружение было, очевидно, пристроено. На восточной стенке оградки по одной линии со стелой расположен «вход» шириной до 0,6 м. Он оформлен с внешней стороны двумя камнями, пристроенными к стенкам оградки. У одного из них, внутри оградки, зафиксировано несколько фрагментов костей животных, часть их располагалась и за пределами оградки с северной стороны. В состав этого скопления входили конские и бараньи кости и их зубы.

Оградка 2 (рис. 6–1, 3) расположена у юго-западной подошвы насыпи одного из нераскопанных курганов (рис. 1–2). Сооружение представляет собой подквадратную конструкцию с размером сторон 1,2 м, сложенную из рваного плитняка и продолговатого галечника, поставленного на ребро. Внутреннее пространство оградки было полностью забутовано камнем. Причем в начале было уложено несколько крупных блоков камня, а затем между ними засыпана щебенка и галька. Углы оградки ориентированы по сторонам света. Никаких находок в заполнении оградки не обнаружено.

Конструктивной особенностью курганных сооружений исследованного комплекса является кольцевая каменная крепида. Это имеет аналогии с тувинскими надмогильными сооружениями VII–VIII вв. [8, с. 34]. Под такими конструкциями производились захоронения человека с конем (курган 1), погребения одного костяка лошади (курган 2) и сооружение пустых могил — кенотафов (курган 3).

Захоронение целой туши лошади во втором кургане относится к варианту погребения коня с вещами человека [5, с. 77], что тоже является разновидностью кенотафа. Хронологически этот тип погребений укладывается в VI–IX вв. Однако следует обратить внимание на одну особенность: в отличие от других ранее известных погребений коня с вещами человека погребение из 2 кургана Чобурака 1 отличается тем, что предметы, относящиеся к человеку (топоры, оковка лопаты, тесло), уложены не на особое место (где предполагалось разместить человека), а лежат прямо на костяке лошади. Она к тому же, исходя из отсутствия предметов снаряжения, не взнуздана и не оседлана. Расположение костяка лошади на боку (правом) также отражает опре-

деленные отличия от общепринятой позы расположения лошади на животе. Для Алтая это далеко не единичный случай. Частичным объяснением такого положения лошади для кургана 2 может быть небольшая глубина могильной ямы, что, как и ее значительная углубленность [5, с. 81], приводило к преимущественно боковому расположению костяка. Ориентация конского скелета головой на запад относится к числу наиболее распространенных. Это, по мнению ряда специалистов, соответствует направлению стороны загробного мира. Плотные сведенные кости ног лошади в погребении явно отражают тугую увязку конечностей животного перед совершением ритуала. Религиозное значение такого варианта погребения рассматривается, как правило, итогом действий родственников умершего, которые, соорудив мнимое погребение, тем самым препровождали «сунезин» умершего (погибшего) в иной мир. Для этого возводили курган и погребали коня с вещами, которые тот должен был доставить в иной мир и передать хозяину [4, с. 12]. Ближайшей аналогией погребению коня в кургане 2 Чобурака 1 является расположенный недалеко курган-кенотаф 12, Бике 3, насыпь которого, однако, не имеет кольцевой крепиды. Подобная отличительная черта погребальных сооружений выявлена среди исследованных древнетюркских погребений Средней Катуни (Бике 1, к. 9 [2, с. 54]; Усть-Эдиган, к. 15 [10, с. 128]; Верх-Еланда 1, к. 4 [1, с. 233]; Карбан 4; Усть-Чоба 2) в настоящее время только для курганов Дяляна (к. 2) и Чобурака 1.

Оградки этого погребально-поминального комплекса, как уже отмечалось, отличаются ориентацией углами по сторонам света. Подобная черта, особенно в сравнении с материалами других территорий, представлена в таких сооружениях не часто. В Туве, например, оградки, ориентированные углами по сторонам света, составляют всего 19% от общего числа иных ориентаций подобных сооружений [3, с. 26]. Наличие у оградки 1 дополнительных сооружений у «входа» позволяет отнести ее ко второму типу оградок по классификации Л. Р. Кызласова [8, с. 35]. Интересной деталью является и пристроенность оградки 1 к крупному камню на месте ее восточного угла, что соответствует определенным закономерностям конструкции таких сооружений, как это уже было отмечено у оградки из Керки-Чу на Алтае. Общие размеры двух раскопанных оградок соответствуют наиболее часто встречаемым параметрам подобных сооружений. Характерно и расположение в центре оградки 1 каменной стелы, что аналогично древнетюркской оградке из Бике 1 [2, с. 85, рис. 48], которая, правда, ориентирована стенками по сторонам света. Состав костей, связанных с оградкой 1 Чобурака 1, вполне соответствует тому остеологическому набору, который обычно располагается в таких сооружениях. Наличие всех этих стандартных признаков позволяет отнести исследованные оградки к периоду VI–VIII вв., после которого они, как правило, не сооружались.

Кладки также условно можно отнести к этому времени, а находки остеологических материалов и следов огня в составе их можно связать с действиями культового характера.

Сопроводительный инвентарь исследованного погребально-поминального комплекса, несмотря на свою малочисленность, достаточно представительен. Железные проушны топоры (рис. 5–4, 5) из кургана 2 относятся, по классификации Ю.С.Худякова, ко второму типу и, скорее всего, имеют многофункциональное назначение как орудия и предметы вооружения.

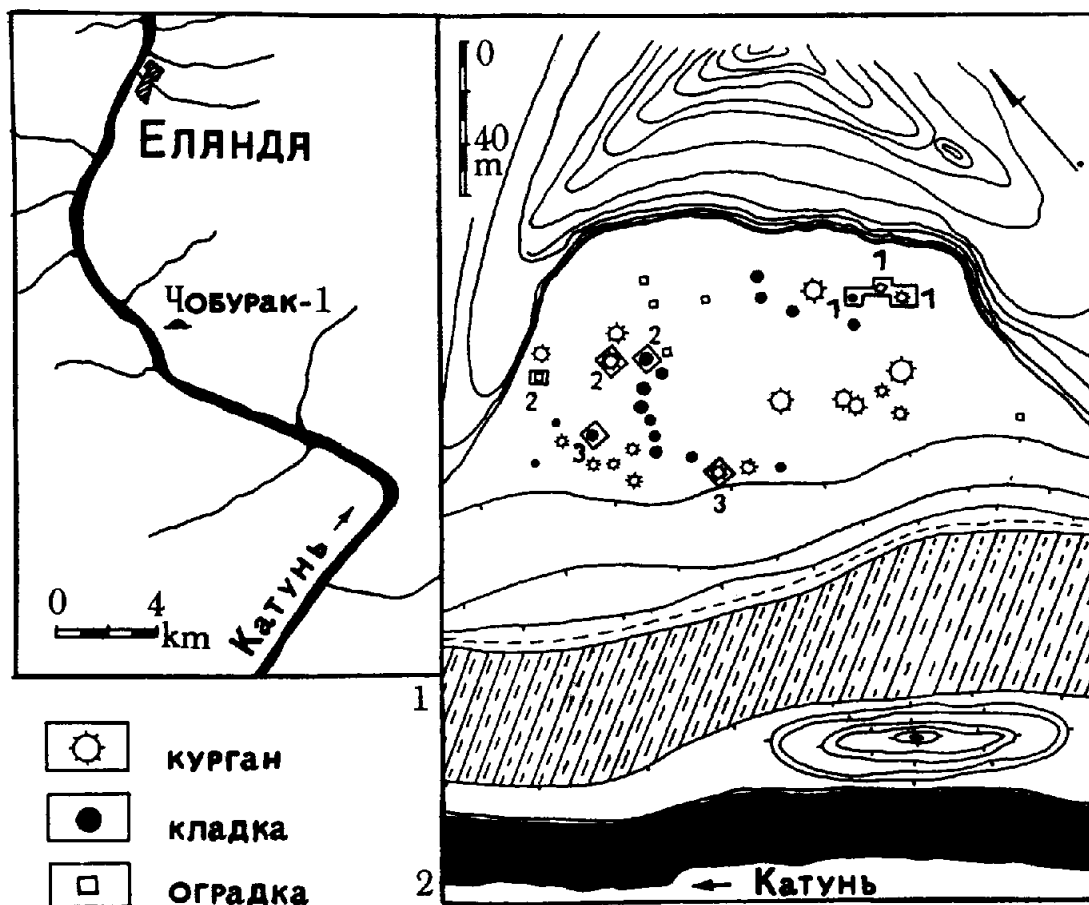

Рис. 1. Общее расположение и планиграфия памятника:
1 - расположение комплекса; 2 - его планиграфия

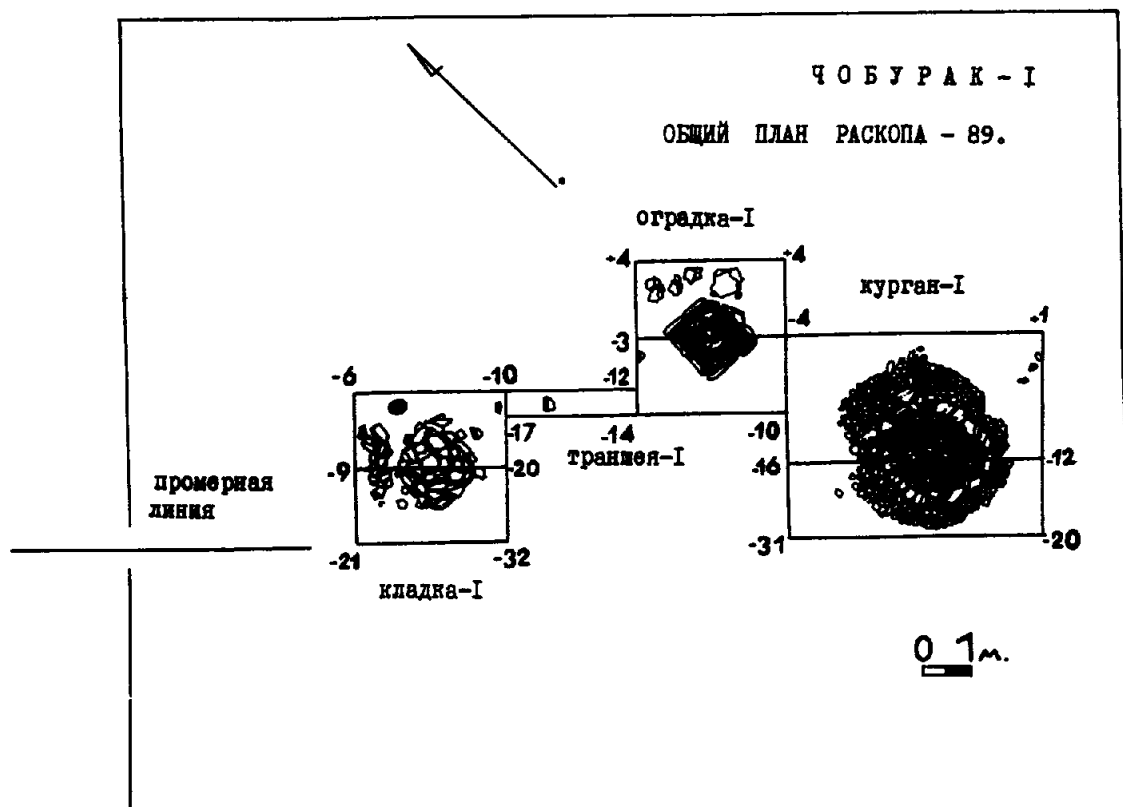

Рис. 2. Расположение основных типов сооружений памятника

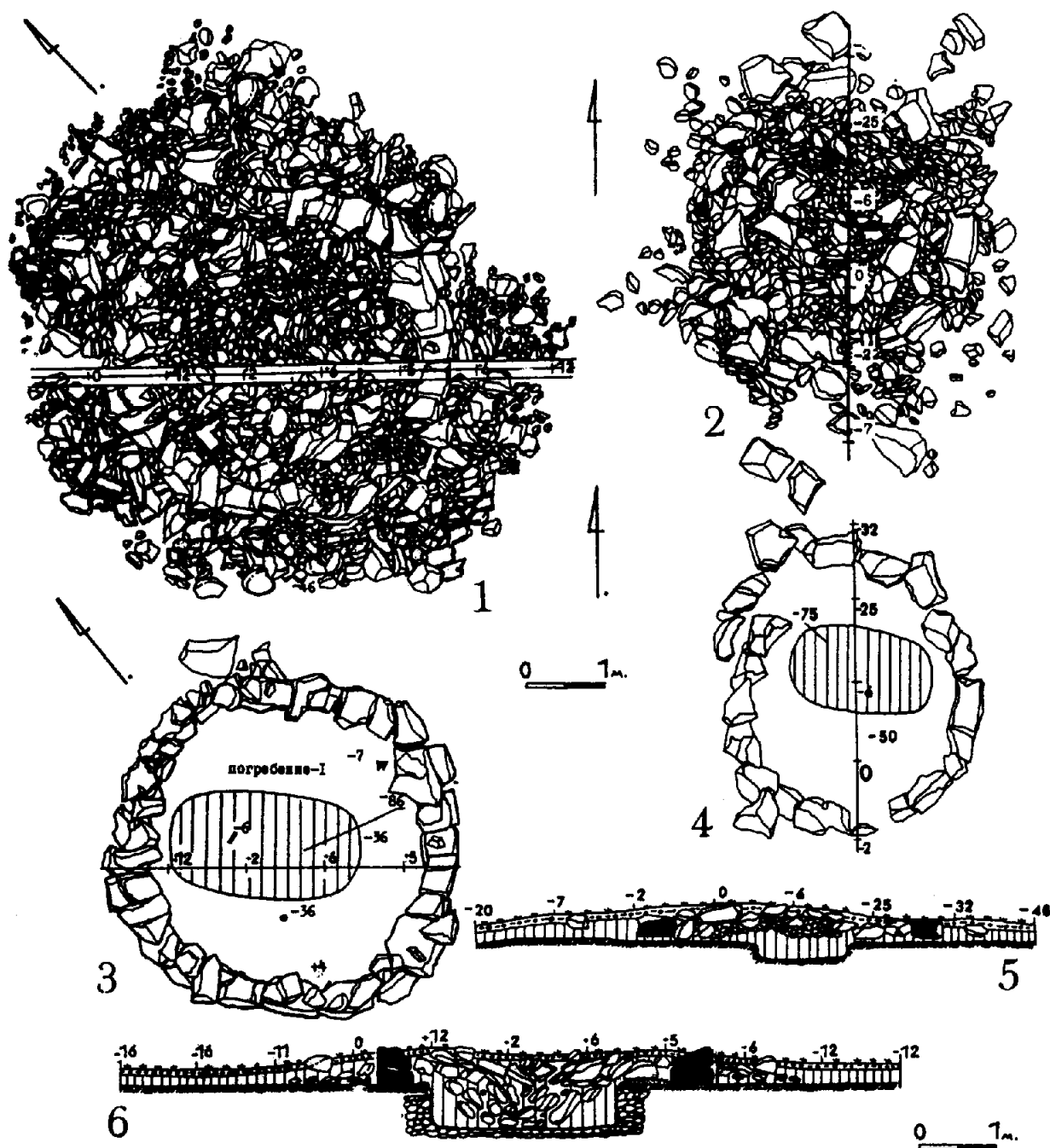

Рис. 3. Конструкция погребальных сооружений комплекса Чобурак 1:
 1 - зачистка насыпи кургана 1; 2 - зачистка насыпи кургана 2; 3 - основа каменной конструкции кургана 1; 4 - основа каменной конструкции кургана 2; 5 - стратиграфический разрез кургана 2; 6 - стратиграфический разрез кургана 1

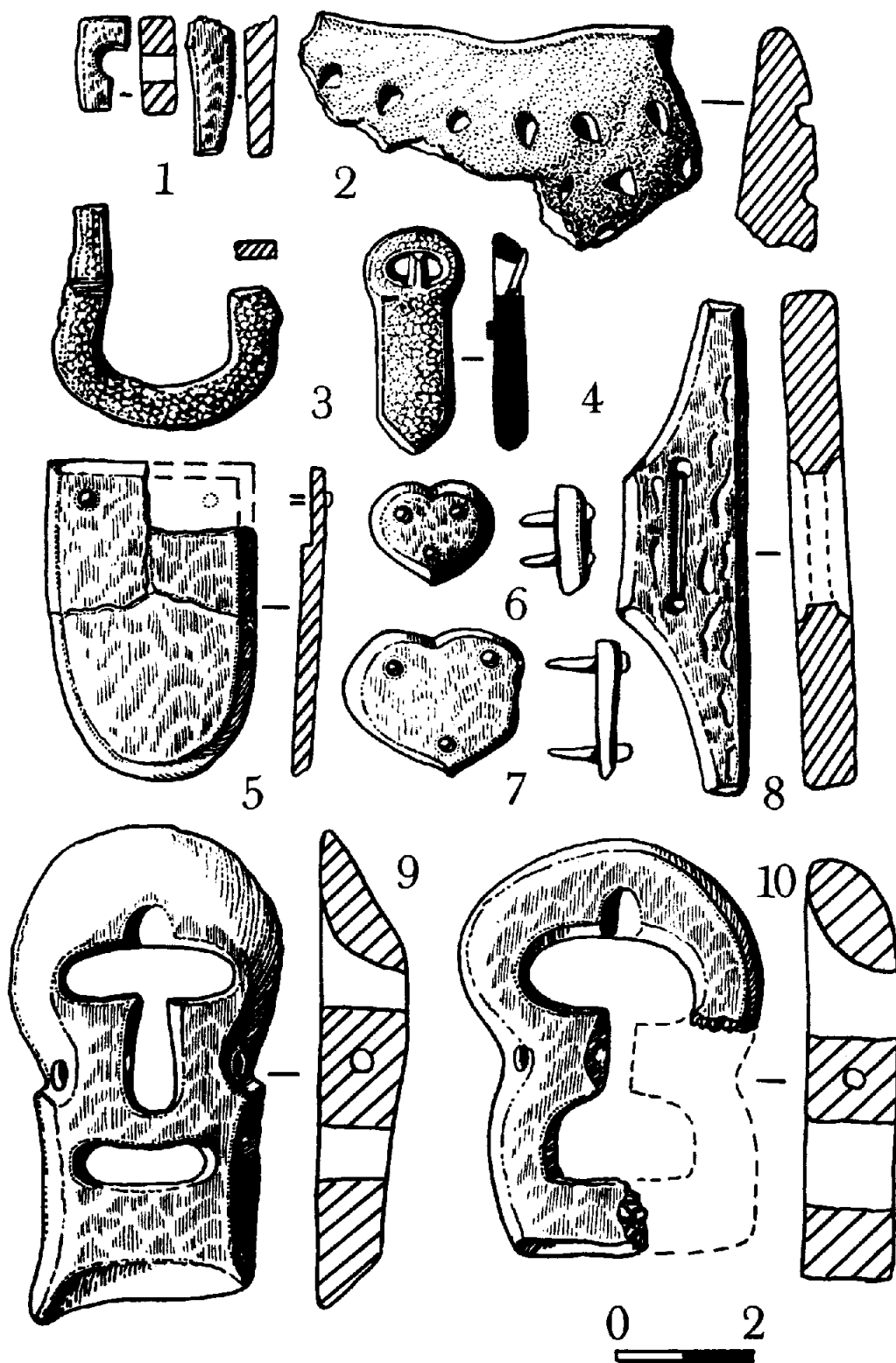

Рис. 4. Сопроводительный инвентарь погребения 1 кургана 1 Чобурака 1

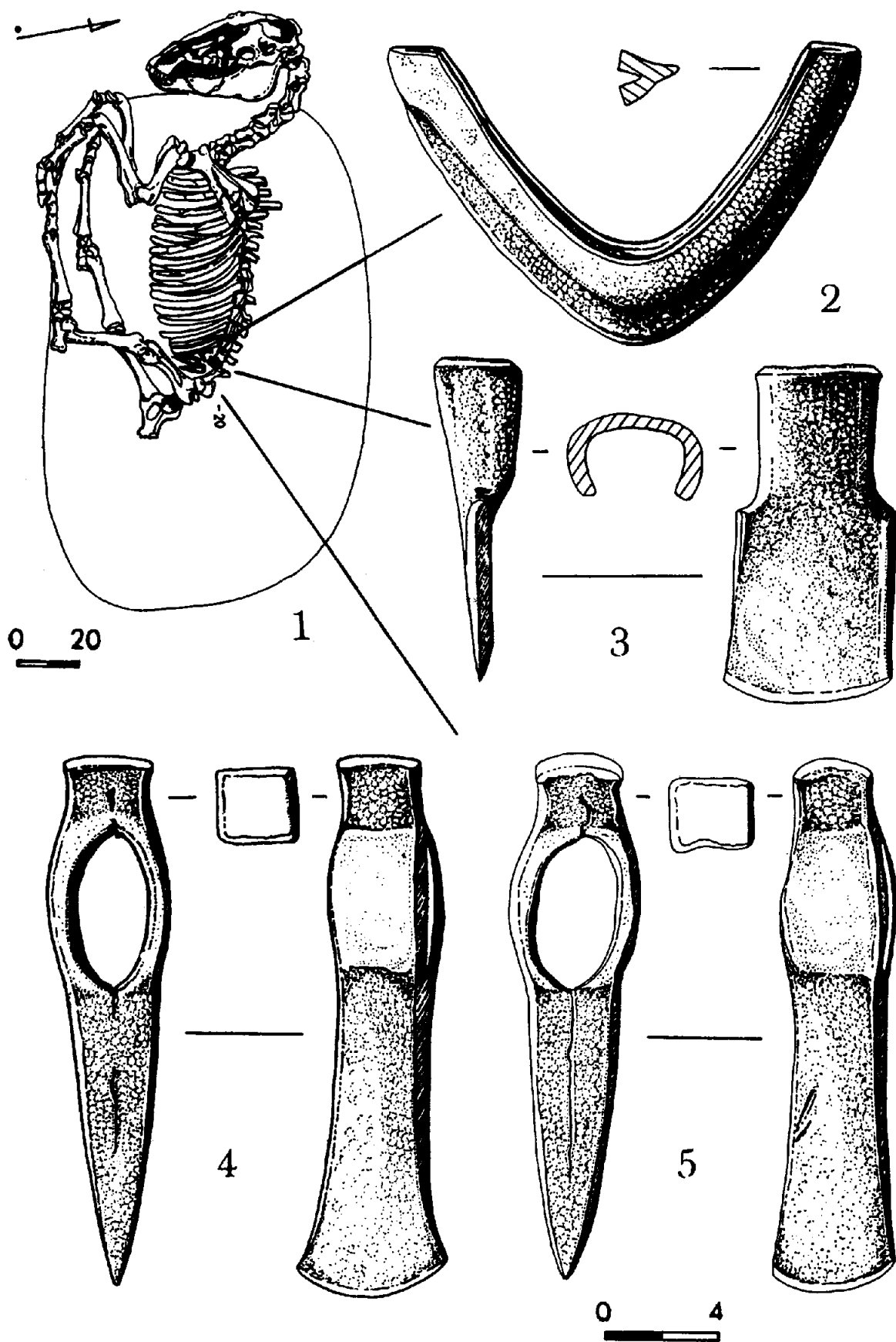

Рис. 5. Погребение лошади и сопроводительный инвентарь из погребения 1 кургана 2 Чобурака 1

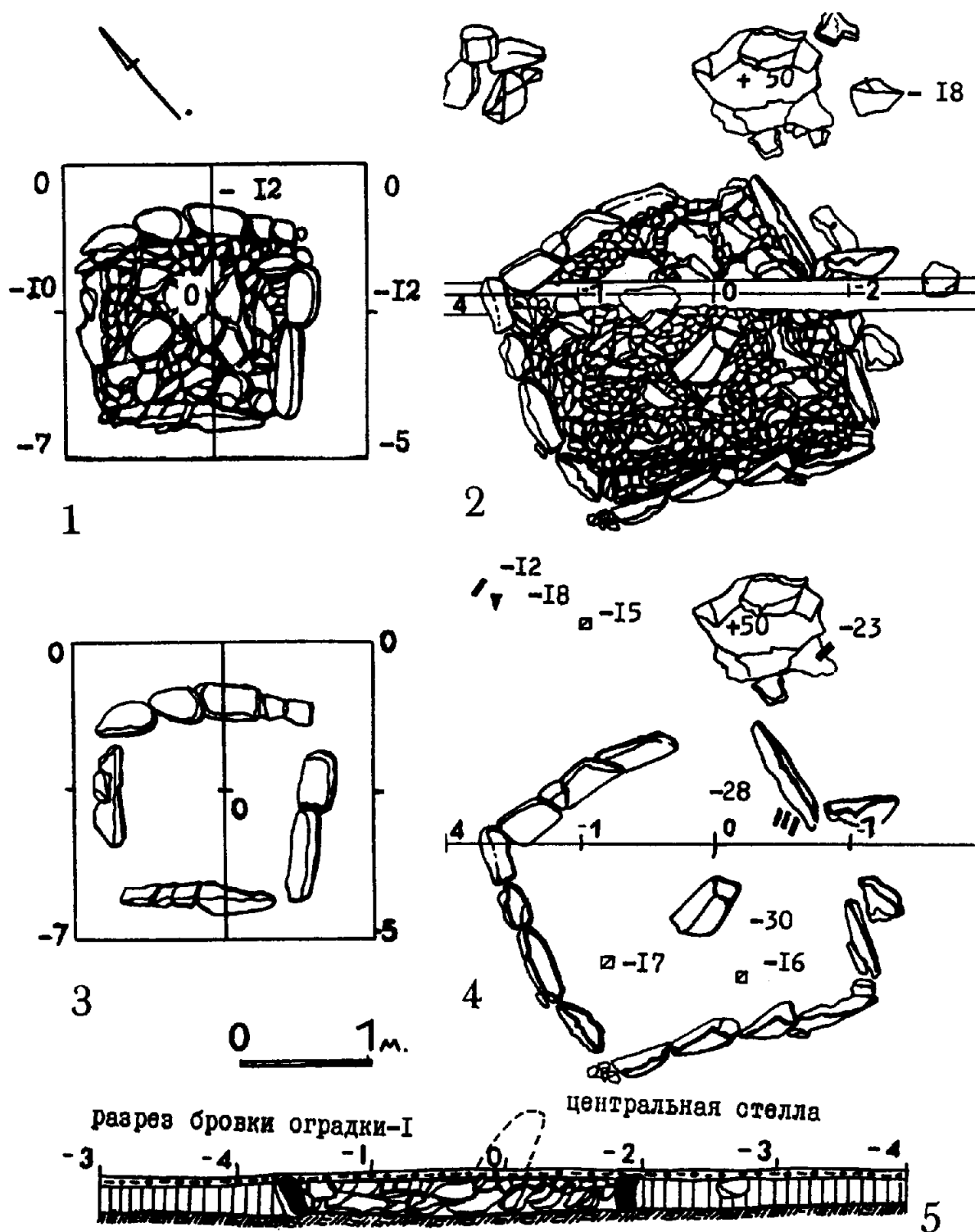

Рис. 6. Оградки погребально-поминального комплекса Чобурака 1: 1 - зачистка оградки 2; 2 - зачистка оградки 1; 3 - основа каменной конструкции оградки 2; 4 - основа каменной конструкции оградки 1; 5 - стратиграфический разрез оградки 1

Находки подобных изделий на Алтае достаточно редки, тем более, что эти два топора представляют собой различные технологические стадии изготовления такой продукции. Особенно хорошо это видно на примере заглаживания торцовых швов и расковке лезвия. На первом топоре такие признаки представлены наиболее ярко, что позволяет предполагать отсутствие окончательной завершенности обработки орудия. У второго топора швы заглажены в ходе подработки более тщательно, а самое главное, расковано лезвие в острый выгнутый наружу рабочий край, что составляет явно технологический, а не типологический признак. В общем, подобный тип инструментов датируется по материалам средневековой Евразии в пределах VII — начало X вв. [8, с. 148, рис. 36–32, 33, 34; с. 145, рис. 33 (22); с. 166, рис. 52 (17, 119); с. 178, рис. 62 (154, 155)]. На рубеже I и II тысячелетий н. э. такие топоры стали вытесняться иными типами орудий [7, с. 96]. Железное тесло с плечиками (рис. 5–3), обнаруженное в кургане 2, встречается достаточно часто в инвентарных наборах древнетюркского времени и бытует в основном в VIII–IX вв. [4, с. 171]. Находка железной оковки рабочего края лопаты (рис. 5–2), безусловно, для Алтая одна из первых. Изделия подобного типа известны на сопредельных территориях. В частности, в Хакасии среди материалов Тепсея XI [9, рис. 86–3] оковка датируется в пределах VI–VIII вв. и интерпретируется как предмет, оставленный грабителями. Однако в кургане 2 Чобурака 1 оковка лопаты, несомненно, входит в состав сопроводительного инвентаря. В материалах из Тувы (Эрлиг-Хем 3) такие предметы относятся к концу I — началу II тысячелетия [8, с. 249, рис. 74–9]. Изображения подобного типа землеобрабатывающих орудий известны в древнерусском искусстве XII–XIII вв. [6, табл. 67]. На Алтае ближайшей аналогией оковке лопаты из Чобурака 1 является случайная находка такого изделия, обнаруженная В.Т.Петриным и Ю.А.Плотниковым в районе с. Ело.

К деталям конского снаряжения относится подпрямоугольная скоба, характерная для псалиев VIII–IX вв. (рис. 4–3), роговая подпружная пряжка и застежка для пут из того же материала (рис. 4–8, 10). Из предметов поясной гарнитуры можно отметить роговую поясную пряжку, роговые сердцевидные накладки (рис. 4–5, 6, 7, 9), по форме и креплению ими-

тирующих широко распространенные металлические, и роговая концевая накладка, также имеющая аналогии в металлических изделиях древнетюркского времени. К этому же периоду относится железная обувная пряжка (рис. 4–4), датирующаяся VIII–IX вв. Фрагменты керамики (рис. 4–2), обнаруженные в материалах кургана 1 Чобурака 1, скорее всего, относятся к сопроводительному инвентарю разграбленного погребения из этого комплекса.

В целом погребально-поминальный комплекс Чобурак 1 относится к концу I тысячелетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кирюшин Ю. Ф., Неверов С. В., Степанова Н. Ф. Курганный могильник Верх-Еланда 1 в Горном Алтае//Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990.
2. Кубарев В. Д., Киреев С. М., Черемисин Д. В. Курганы урочища Бике//Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990.
3. Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969.
4. Нестеров С. П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири//Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981.
5. Нестеров С. П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990.
6. Овчинников А. И. Суздальские золотые врата. М.: Искусство, 1978.
7. Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, 1987.
8. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
9. Худяков Ю. С., Грязнов М. П. Кыргызское время//Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979.
10. Худяков Ю. С., Мороз М. В., Скобелев С. Г. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 г.//Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990.

Г. В. Кубарев

ДРЕВНЕТЮРКСКИЙ КЕНОТАФ ИЗ БИКЕ 3

В 1989 г. Восточноалтайским отрядом были продолжены охранные археологические работы на Катунь в районе урочища Бике. Еще до начала работ визуально было выявлено три больших курганных могильника.

Могильник Бике 3 находится на правом берегу р. Катунь в 5 км вверх по течению от с. Еланда. Он расположен на второй надпойменной террасе, возвышающейся над руслом реки на 18–20 м. Могильник сооружен поперек долины реки по линии север-юг и представляет собой цепочку каменных курганов скифской эпохи. С восточной стороны от нее, примерно в 20 м, устроен курган древнетюркского времени, которому присвоен номер 12.

Насыпь кургана сложена крупными каменными блоками сланцевой породы и валунами. Сильно задернована. Округлой формы, диаметром 9–10 м,

высотой 30–40 см. При зачистке в ней были найдены разрозненные кости лошади (рис. 1).

После разборки насыпи четко обозначилось могильное пятно. Яма овальной формы, длинной осью ориентирована по линии север-юг, размерами 250х230х90 см. Заполнение ямы: гумус, крупные камни и галечник. В юго-восточной части ямы на глубине 50–90 см зачищен костяк лошади без черепа (рис. 2). Ориентация костяка южная с небольшим отклонением к западу.

В области ребер лошади на глубине 75 см найден железный топор-тесло (рис. 3).

Курган 12 сооружен с восточной стороны от могильника ранних кочевников, что достаточно характерно для планиграфии курганов древнетюркской эпохи Алтая. На это же указывают как конструкция

кургана, типичный погребальный обряд, так и найденный в могиле железный топор-тесло. Отсутствие человеческого костяка позволяет отнести курган 12 к ряду ранее исследованных на Алтае древнетюркских кенотафов.

Традиция кенотафного способа захоронения, как считают многие археологи, зародилась в Центральной Азии [3, с. 77; 1, с. 39; 8, с. 30]. Как известно, кенотаф сооружался в том случае, если человек погибал в бою или умирал на чужбине и не было возможности захоронить его тело. По конструкции кенотаф практически не отличается от обычного погребения. На месте человека оставались его вещи, иногда в могилу клали «куклу» с его изображением [3, с. 77]. На Алтае кенотафы известны уже в скифскую эпоху, и этот обряд не прерывался до этнографического времени [8, с. 30; 18, с. 135].

На Алтае исследованы древнетюркские кенотафы и отдельные погребения лошадей, которые также, видимо, следует отнести к кенотафам: Боротал, курганы 6, 50, 51, 82 [7, с. 136–148]; Барбургазы 1, курган 20 [5, рис. 241]; Кудыргэ, курганы 1, 3, 8, 22 [2, с. 22–27]; Узунтал 1, курганы 1, 2 [14, с. 103]; Кок-Су 1, курган 27 [16, с. 72]; Тузкта, курган 1 (впускное); Катанда 1, курган 8; Катанда 2, курганы 1, 2, 3; Табажек, курган 5; Чарьпи, курганы 3, 4 (см. сводку: Нестеров, 1970. С. 77, 79).

Открыты кенотафные захоронения и в Туве: Даг-Аразы 2, курган 8; Даг-Аразы 3, курганы 8–14; Аргалыкты 1, курган 1, погребение 2; МТ-58-IV; МТ-58-V; а также в Минусинской котловине: Капчалы 2, курган 3 (там же, с. 77, 79). Датируются они в широких пределах (VI–IX вв.).

Существует особое мнение, что наряду с кенотафами сооружались отдельные погребения взызданных коней под самостоятельными курганами. Появление подобных погребений исследователи связывают с гибелью коня в бою или с «невозможностью захоронения его одновременно с человеком» [13, с. 80]. Не подвергая критике подобную точку зрения, следует сразу сказать, что погребение коня в кургане 12 Бике 3 не относится к таким захоронениям. Это типичный древнетюркский кенотаф, потому что предполагаемое место погребения человека было четко отделено от костяка лошади «барьером» материкового грунта. При этом отсутствие в символическом погребении каких-либо вещей, принадлежавших человеку, но соблюдение всех основных правил погребальной обрядности позволяют отнести раскопанный в Бике 3 курган к кенотафам.

У костяка лошади отсутствовал череп, что в древнетюркских захоронениях не является большой редкостью. Известно, что первостепенную роль в шаманском ритуале южных алтайцев — потомков древних тюрков, играла лошадь, а у монголов, например, череп лошади выставлялся в горах на высоком месте. Отсутствие черепа в кенотафном захоронении возможно как-то связано и с завершающим поминальным циклом, т. е. с действиями, производимыми у древнетюркских поминальных оградок [6, с. 71].

Достаточно необычно то, что костяк лошади в кургане 12 ориентирован в южном направлении, в то время как в древнетюркских захоронениях Алтая и Тувы преобладает северная и западная ориентация лошадей. В этом случае аналогии можно провести с погребениями лошадей в Кудыргэ (курганы 1, 8, 22), где ориентация коней была также южной [2, с. 22–27]. Эти погребения датируются концом VI–VII вв. Однако, основываясь только на этом сходстве, датировать кенотаф в кургане 12 тем же периодом нельзя из-за почти полного отсутствия погребального инвентаря. Вероятно, он по времени

все-таки ближе к древнетюркскому погребению кургана 9 в соседнем могильнике Бике 1, где, кстати, был обнаружен аналогичный топор-тесло. Это погребение можно датировать VII–IX вв. [9, с. 55, рис. 18; с. 92].

Железный топор-тесло является единственной находкой в погребении кургана 12. Так же, как и в других древнетюркских курганах, тесло находилось в области ребер лошади, т. е., возможно, оно приторачивалось к седлу. Железные тесла с несомкнутой втулкой для «глаголевидной» рукояти были широко распространены на территории Южной Сибири в древнетюркскую эпоху и применялись здесь вплоть до этнографического времени [18, с. 116, рис. 6].

По типологии, разработанной С. П. Нестеровым, нашу находку следует отнести ко второму типу, т. е. к теслам с «плечиками», которые датируются IX–X вв. [12, с. 169–171]. При этом топор-тесло из Бике по форме лезвия (полуклину), а также по его ассиметричности все же ближе именно к теслам, чем к топорам.

Что касается функций тесла, то здесь кажется более предпочтительным мнение о его хозяйственном использовании [4, с. 516; 10, с. 103; 11, с. 195], а не в качестве вспомогательного оружия, как полагают некоторые исследователи [19, с. 120; 12, с. 172; 15, с. 90]. К примеру, нахождение топора типа «керги» в одном погребении с боевым топором [2, с. 67, рис. 9], возможно, и свидетельствует об их различных функциях. Топор-тесло (керги) применялось в хозяйственных целях для обработки дерева, боевой топор, соответственно, являлся оружием воина. Поскольку тесло не является узко датирующим предметом, для погребения возможна лишь самая широкая датировка в пределах VII–IX вв.

Таким образом, погребение кургана 12 в Бике 3 по характерной конструкции погребального сооружения и единственной находке — железному теслу, следует отнести к типичным алтайским кенотафам древнетюркского времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вадецкая Э. Б. Мумии и погребальные куклы таштыкских могильников/КСИА. М., 1986. Вып. 186. С. 33–41.
2. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л., 1965. 113 с.
3. Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.
4. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 644 с.
5. Кубарев В. Д. Отчет об археологических исследованиях в Горно-Алтайской автономной области в 1978 г. Архив ИИФФ СО АН СССР.
6. Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. 232 с.
7. Кубарев В. Д. Древнетюркские кенотафы Боротала// Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 136–148.
8. Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 304 с.
9. Кубарев В. Д., Киреев С. М., Черемисин Д. В. Курганы урочища Бике //Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 43–95.
10. Кыласов Л. Р. История Тувы в средние века. Изд. МГУ, 1969. 210 с.
11. Могильников В. А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв./Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 194–200.

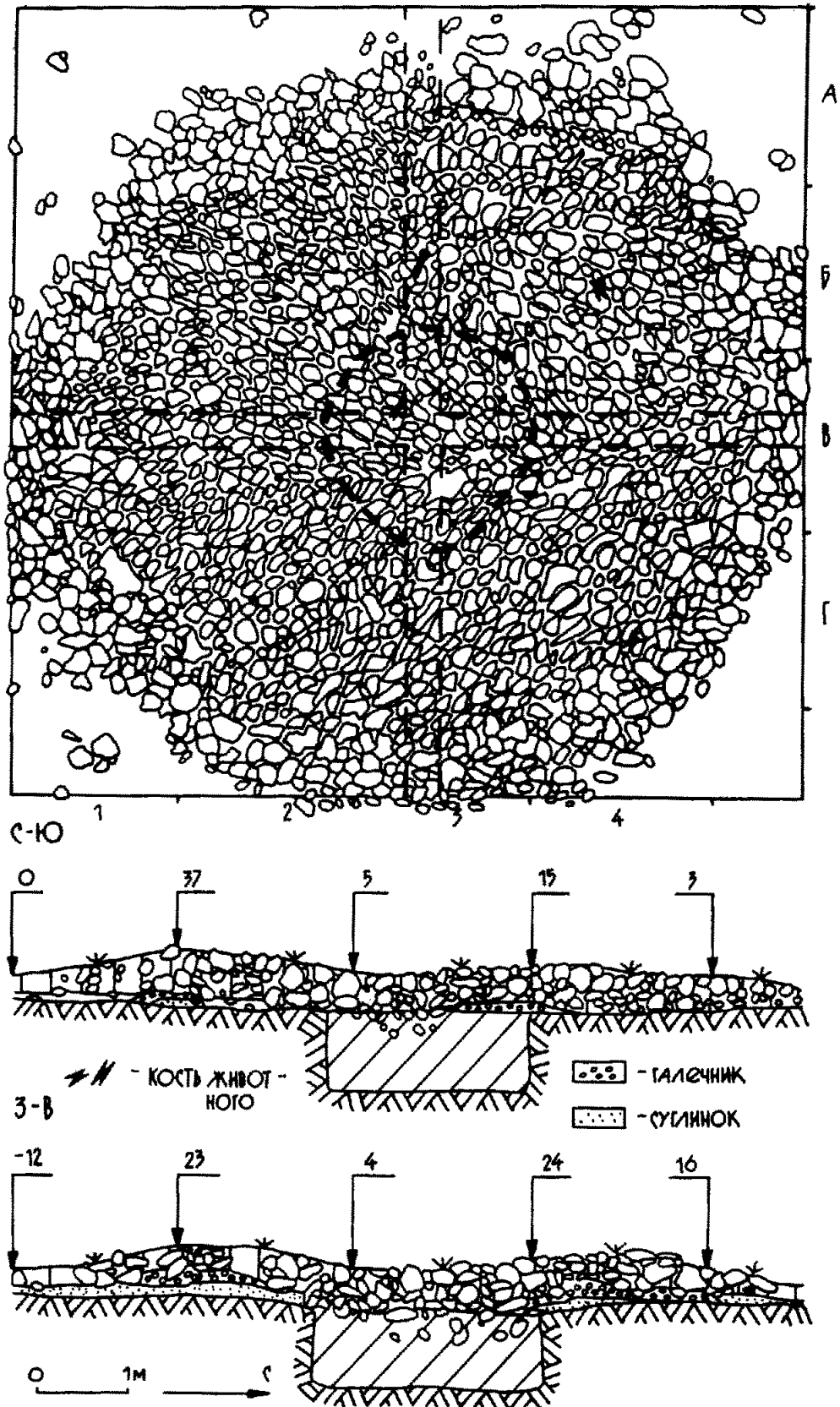
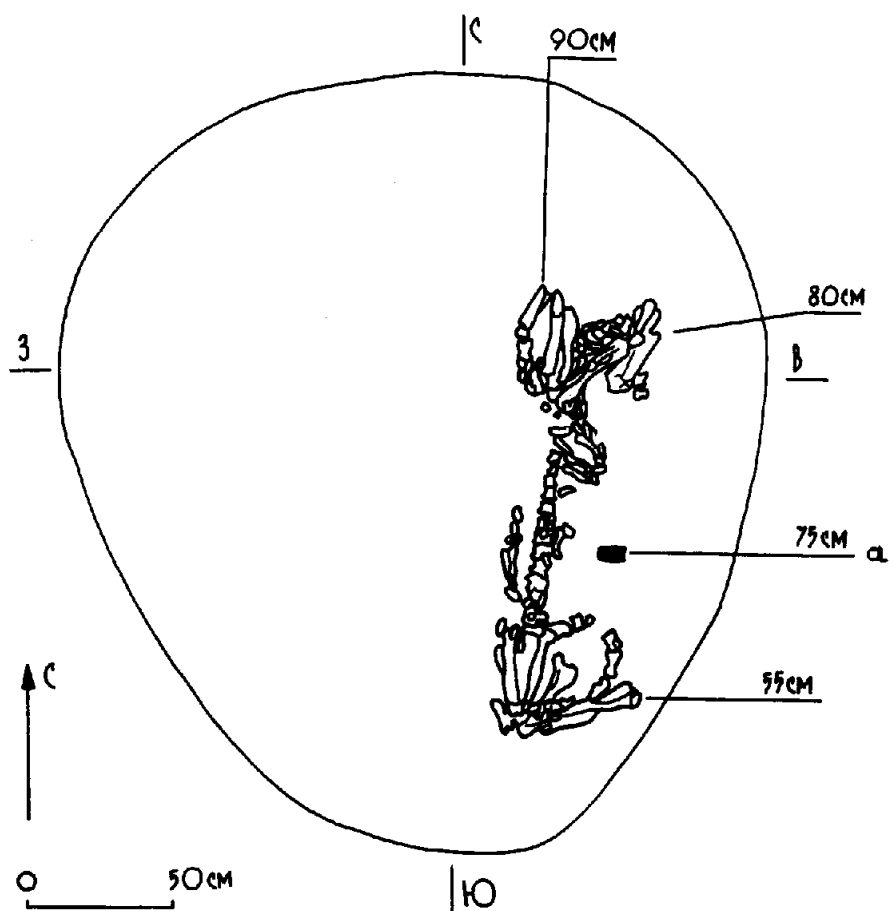

Рис. 1. Бике III. Курган 12. План насыпи

а - ЖЕЛЕЗНОЕ ТЕЛО

Рис. 2. Бике III. Курган 12. План погребения (кенатаф)

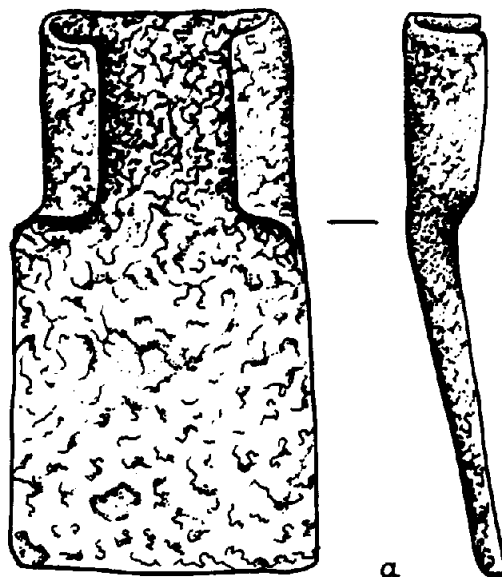

Рис. 3.

12. Нестеров С. П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири// Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 168–172.
13. Нестеров С. П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990. 144 с.
14. Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы Узунтала: К вопросу о выделении курайской культуры// Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 102–122.
15. Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Новосибирск, 1987. 192 с.
16. Сорокин С. С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-Су (Южный Алтай)// АСГЭ. Л., 1974. С. 69–91.
17. Тошчакова Е. М. Кожаная и деревянная посуда и техника ее изготовления у южных алтайцев// Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 182–197.
18. Тошчакова Е. М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX–начало XX в.). Новосибирск, 1978. 160 с.
19. Худяков Ю. С. Вооружение кочевников приалтайских степей в IX–X вв.// Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 115–132.

О. В. Ларин, А. С. Суразаков

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА ЧОБА 7

В полевой сезон 1992 г. экспедицией ГАНИИИЯЛ и Центра археологических исследований были проведены раскопки нескольких памятников в долине Чоба на правобережье Средней Катунь примерно в 15 км к юго-востоку от с. Еланда. В целом здесь разбросано несколько групп погребальных сооружений разных эпох, на одном из которых ранее С. М. Киреевым уже проводились исследования. Группа эта, состоящая из объектов пазырыкской культуры, обозначена им как Чоба 6.

В 1992 г. для изучения было выбрано несколько памятников, располагавшихся без определенного порядка в 150 км к юго-востоку от названных. Все они объединены в рамках могильника Чоба 7 и раскопаны полностью. Хотя, судя по сильной задержке отдельных курганов, в этом месте могут находиться и невыявленные еще объекты.

Курган 1 представлял собой одиночный памятник, отстоящий несколько в стороне от основной группы сооружений. После зачистки выявлена округлая в плане насыпь из беспорядочно набросанных рваных скальных камней диаметром 9,5 м, высотой 0,7 м. В центре ее прослеживалась небольшая грабительская воронка. В северном поле у самой кромки насыпи среди камней обнаружено семь фрагментов трубчатых костей от одной молодой (до 2 лет) особи лошади [1].

Под насыпью в центре кургана находилась могильная яма размерами 3х2,3 м сверху и 2,4х1,8 м внизу, глубиной от уровня древнего горизонта 1,15 м, ориентированная длинной осью по линии запад-юго-запад—восток-северо-восток. В заполнении обнаружены фрагмент берцовой кости лошади возрастом до 2 лет и остатки трубчатых костей коня от 2 до 3,5 лет. В грабительском лазе, кроме того, найдены выброшенные из человеческого погребения три железных черешковых трехлопастных наконечника стрел (рис. 5–1). Один из них с остатками рогового свистунка.

Дно ямы неровное. Вдоль северной ее стенки прорыто узкое углубление на 0,15 м. В нем помещался скелет человека, лежавший вытянуто на спине и ориентированный на восток-северо-восток (рис. 1). Верхняя часть туловища потревожена грабителями, вышедшими именно на это место. Череп, кости рук и часть грудной клетки выброшены из погребения. У правого плеча скелета лежали бесформенные фрагменты железа, у тазовых костей — остатки железных ножа (рис. 5–3) и

стамески или долота (рис. 6–2). У пяточных костей обнаружены две маленькие пряжки из белого металла от обуви (рис. 3–3).

В южной части ямы, на 0,15 м выше останков человека, лежал костяк лошади старше 12 лет (рост 136–144 см в холке) на правом боку, т. е. спиной к человеческому погребению, черепом в противоположную западно-юго-западную сторону (рис. 1). В зубах сохранились железные удила с S-видными железными же псалиями и дополнительными кольцами во внешних окончаниях (рис. 3–2). Под нижней челюстью лежала железная пряжка (рис. 3–1). В районе спины обнаружены детали седла, т. е. два железных стремена и две роговые подпружные пряжки (рис. 4). Иными словами оно было положено поверх коня. Тут же лежали три роговые застёжки от пут с вырезанными на них треугольными тамгами, а четвертая найдена ранее в грабительском ходе (рис. 5–2). В районе живота обнаружены остатки органики (рис. 6–1), железные пластинки (рис. 3–4, 6), железное тесло с несомкнутой втулкой типа этнографического керги и деревянная рукоять от него, сделанная из толстого сука с ответвлением (рис. 2).

У задней части костяка была положена шкура лошади старше 3,5 лет (рост 144–152 см) с оставленными в ней костями конечностей ног, которые и сохранились в этом месте.

Курган 2 располагался в 30 м к юго-востоку от предыдущего. После зачистки выявлена овальная в плане насыпь из беспорядочно набросанных скальных рваных камней диаметром 5,8 м, высотой 0,4 м. С северной стороны к ней примыкала сплошная каменная вымостка. У северо-западного края насыпи находилась полузавалившаяся небольшая каменная стела.

Внутри кургана на уровне древнего горизонта выявлено двойное кольцо из уложенных вплотную друг к другу в один ряд камней (рис. 7). Диаметр внутреннего кольца 2,2 м, внешнего 4,5 м. У юго-восточной стенки внутреннего кольца с внешней стороны найдены три фрагмента костей лошади возрастом не менее 4,5 лет, у северо-западной стенки лежал конский зуб.

В пределах внутреннего кольца с выходом за его северо-восточную стенку располагалась могильная яма 1,4х1,4 м, глубиной от древнего горизонта 0,45 м и ориентированная с запада на восток. На дне лежал костяк лошади старше 3,5 лет (рост 120–

128 см), без черепа, на левом боку с подогнутыми ногами и общей ориентацией на запад (рис. 7). Под вымосткой с северной стороны кургана находилось два небольших ритуальных каменных кольца (рис. 7). Они вплотную примыкали друг к другу, а восточнее еще и к внешней ограде кургана. Внутри западного кольца найден конский зуб.

Курган 3 находился в 10 м к югу от предыдущего. После зачистки выявлена уплощенная округлая в плане насыпь из беспорядочно набросанных камней диаметром 8,5 м, высотой 0,5 м. В процессе разборки по периферии кургана обнаружено однослойное кольцо из уложенных вплотную друг к другу массивных каменных блоков внутренним диаметром 8 м (рис. 8).

Внутри кольца на уровне древнего горизонта стояла сложенная из таких же блоков камера, вытянутая длинной осью с запада на восток. Внутренней перемычкой она была разделена на два отсека — восточный и западный. С внешней стороны южной стенки западного отсека найдено скопление костей лошади возрастом 3,5 года (рост 128–136 см).

Кроме описанных курганов, в нескольких десятках метров у югу от них раскопаны три небольшие овально вытянутые каменные выкладки, под которыми ничего не найдено. Подобные сооружения уже исследовались в могильнике Большой Яломан 1 и также оказались пустыми.

Итак, все памятники могильника Чоба 7, по сути, представляют собой три могильника, возникшие в разные эпохи. Первый из них появился еще в ранне-скифский период и представлен курганами 2 и 3. Зафиксированный в них погребальный обряд отличается друг от друга по отдельным параметрам.

Курган 2, видимо, кенотаф. Для совершения захоронения была вырыта неглубокая яма с широтной ориентировкой. На ее дно уложили забитую лошадь на левый бок с подогнутыми ногами, сориентировав ее на запад. Голову в каких-то ритуальных целях предварительно отчленили. Шею отогнули от общего направления туловища к югу. Никаких принадлежностей сруби здесь не обнаружено. Яму засыпали вынутой ранее при ее рытье землей. Поверх этого места выложили из камней кольцо так, что его северо-восточная стенка проходила по заполнению ямы. У внутреннего кольца были совершены ритуальные действия с использованием конского мяса и конской же головы.

Вокруг внутреннего было сооружено большое внешнее кольцо из камней, а у северо-западного края поставлена невысокая каменная стела. В процессе совершения ритуальных действий к северу от внешнего ограждения, в одном случае вплотную к нему, было выложено два кольца. В пределах западного совершены действия с использованием конской головы. По выполнении цикла традиционных ритуальных действий все сооружение кольца засыпано камнями в виде округлой насыпи и примыкающей к ней вымостки.

В кургане 3 захоронения были совершены не в яме, а в двухкамерном каменном склепе, поставленном на уровне древнего горизонта. Место вокруг погребения обведено не двойным, а одинарным кольцом. Ритуальные действия также включали момент использования конского мяса. Однако здесь нет ни дополнительных, видимо поминальных колец, ни стелы.

В общем, курганы эти оставлены разноэтничными семейно-родственными группами, хотя и в очень близкое время. Оба типа погребальных сооружений характерны для разных вариантов майэмирской

культуры [3] и могут быть датированы в пределах VIII–VI вв. до н. э. Причем устроители их могли проживать в этом месте на разных этапах указанных хронологических рамок, однако могли составлять и единую, но разноэтничную общину. О смешанном составе некоторых общинных групп того времени, к примеру, свидетельствуют раскопки расположенного несколько выше по р. Катунь могильника Кызык-Телань 1.

О скотоводческом характере хозяйства данной общины свидетельствуют включение лошади в погребальный обряд, а также использование конского мяса для отправления ритуальных действий. Судя по костным остаткам, в общинном табуне имелись низкорослые кони, относящиеся, по классификации гиппологов, к группам мелких и низесредних по росту [1].

Второй могильник, представленный одиночным курганом 1, сооруженным проживавшей здесь непродолжительное время семейно-родственной группой, возник в древнетюркскую эпоху. Особенности зафиксированного в этом памятнике погребального обряда реконструируются следующим образом.

Для совершения захоронения была вырыта яма глубиной 1 м, ориентированная в широтном направлении. Дно ее вдоль северной стенки углубили на 0,15 м. В это углубление положили усопшего в одежде вытянуто на спине, головой на восток. К поясу его были подвешаны нож и стамеска, обувь застегивалась на небольшие металлические пряжки. Здесь же уложен колчан со стрелами, расположенными наконечниками вверх.

В южную более высокую часть ямы поместили заранее забитого верхового коня на правом боку, с подогнутыми ногами, головой в противоположную западную сторону, а спиной к человеку. Конь был взнуздан, но не оседлан. Седло, путы, переметную суму, в которой имелось тесло и, видимо, какие-то еще вещи, положили поверх лошади.

В ритуал был включен второй конь. Мясо его, скорее всего, пошло на погребальную тризну, тогда как шкура, с оставленными в ней костями конечностей ног, уложена поверх крупа предыдущей лошади. До засыпки ямы совершены ритуальные действия с использованием мяса третьей лошади, которая отличалась по возрасту от уложенных в яму. При засыпке фрагменты костей ее попали в заполнение.

После всего этого над погребением возведен округлый в плане полусферический курган. Причем при сооружении насыпи также совершались действия с использованием мяса уже четвертой лошади, отличавшейся по возрасту от предыдущих.

Судя по всему, хозяйство общины имело скотоводческую направленность. В табуне ее имелись кони, относящиеся к группам средних и выше средних по росту. Под верховую езду они использовались до старости. К примеру, обнаруженный в захоронении целый костяк принадлежал лошади старше 12 лет [1]. Из других интересных свидетельств мы имеем изображения в нескольких экземплярах тамги усопшего, выполненной в виде врезной треугольной фигуры (рис. 5–2).

Обращает на себя внимание и способ ограбления кургана. Даже не ограбления, как мы привыкли считать, а намеренного вторжения в захоронение, допустим, с целью нанесения оскорбления усопшему или же его родственной группе. Разрушители отлично знали план погребения и вышли туда, куда им было надо, т. е. на грудную клетку и череп усопшего.

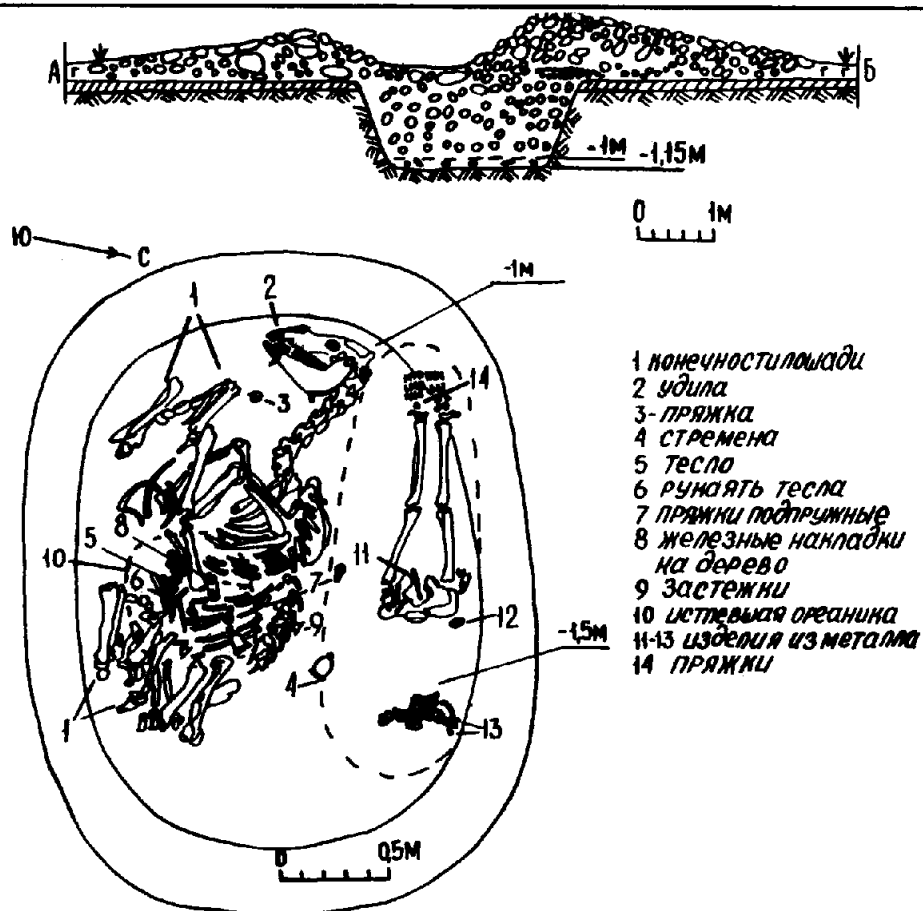

Рис. 1. Разрез и план погребения кургана 1

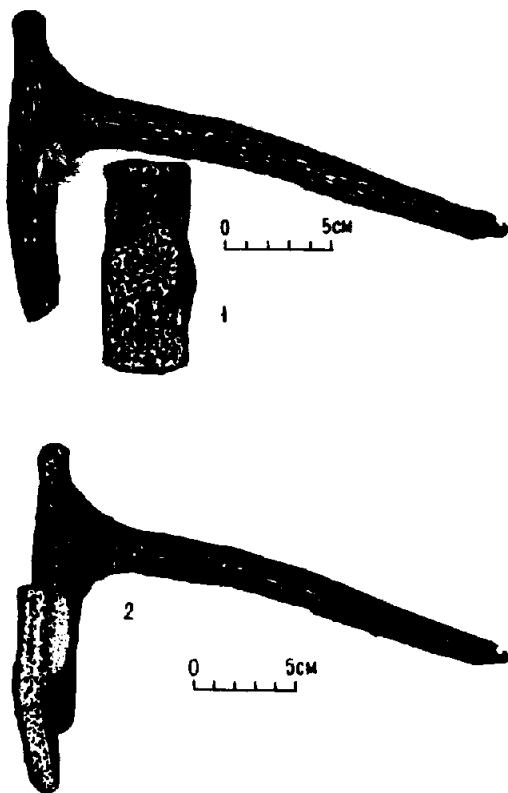

Рис. 2. Железное тесло с деревянной рукояткой из кургана 1

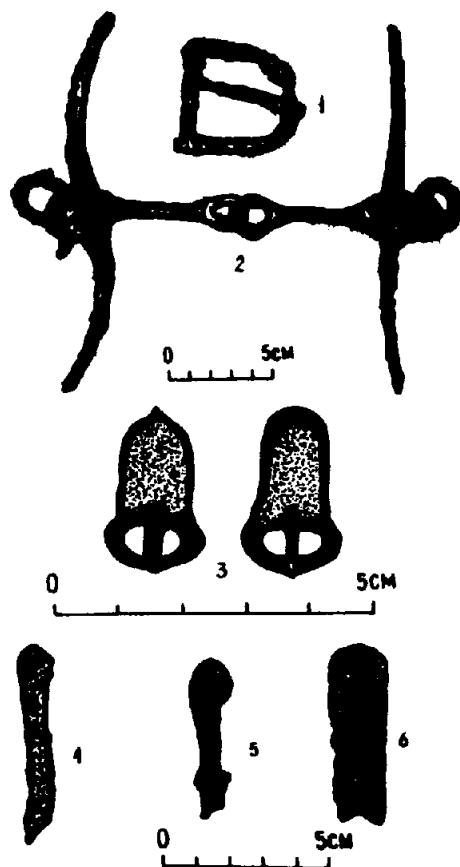

Рис. 3. Железные пряжка, удила с псалиями, пластинки и металлические пряжки из кургана 1

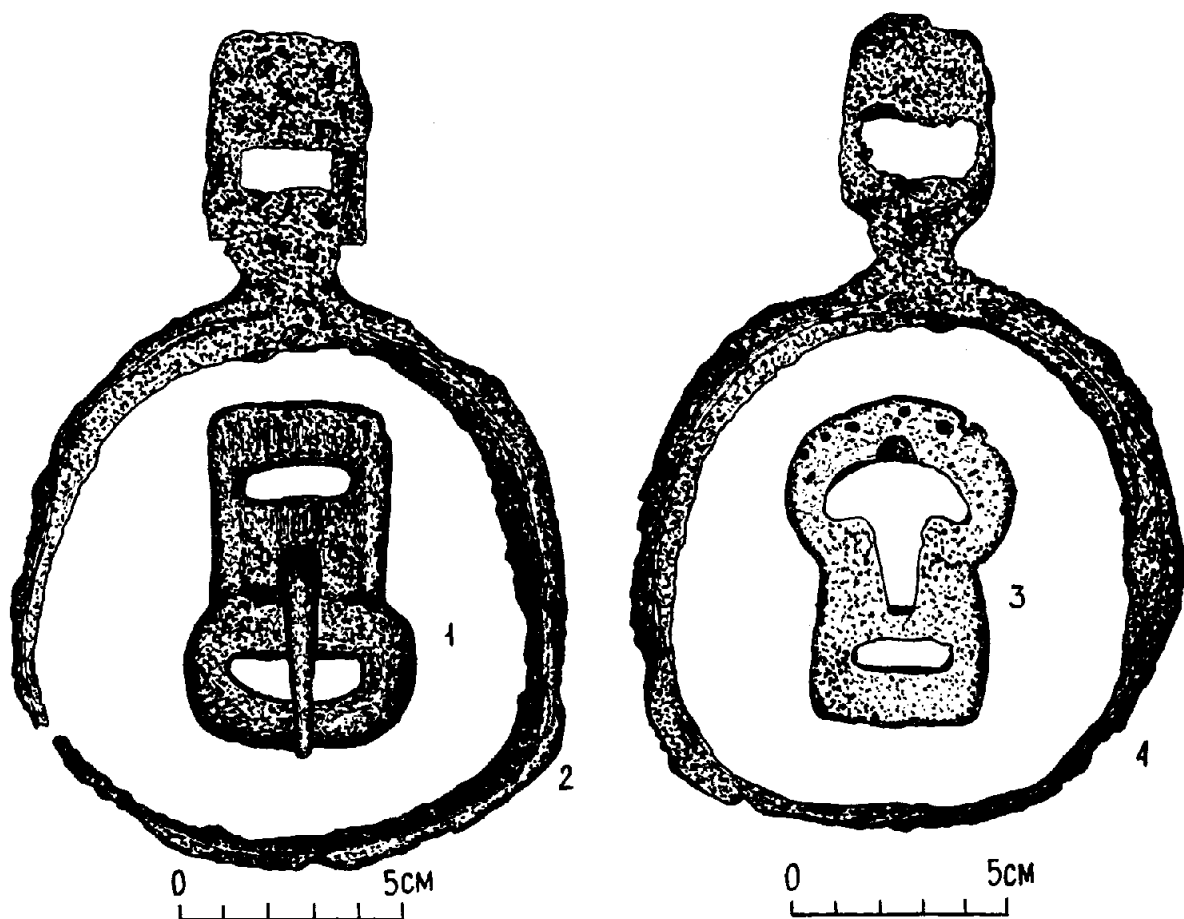

Рис. 4. Железные стремена и роговые подпружные пряжки из кургана 1

Рис. 5. Железные наконечники стрел и роговые застёжки от пут из кургана 1

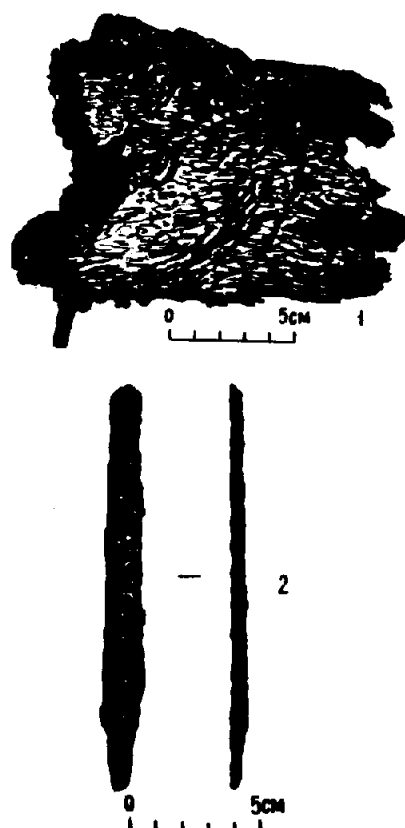

Рис. 6. Фрагмент органики и железная стамеска из кургана 1

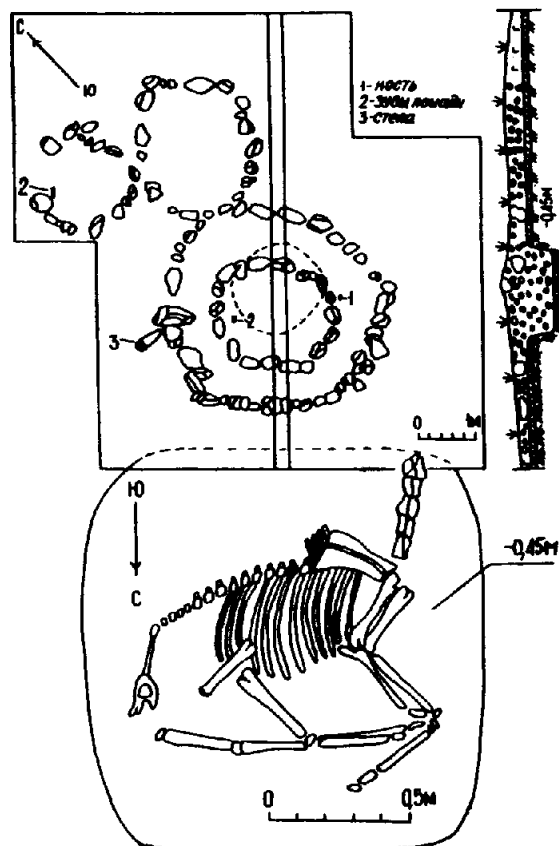

Рис. 7. План колец и погребения кургана 2

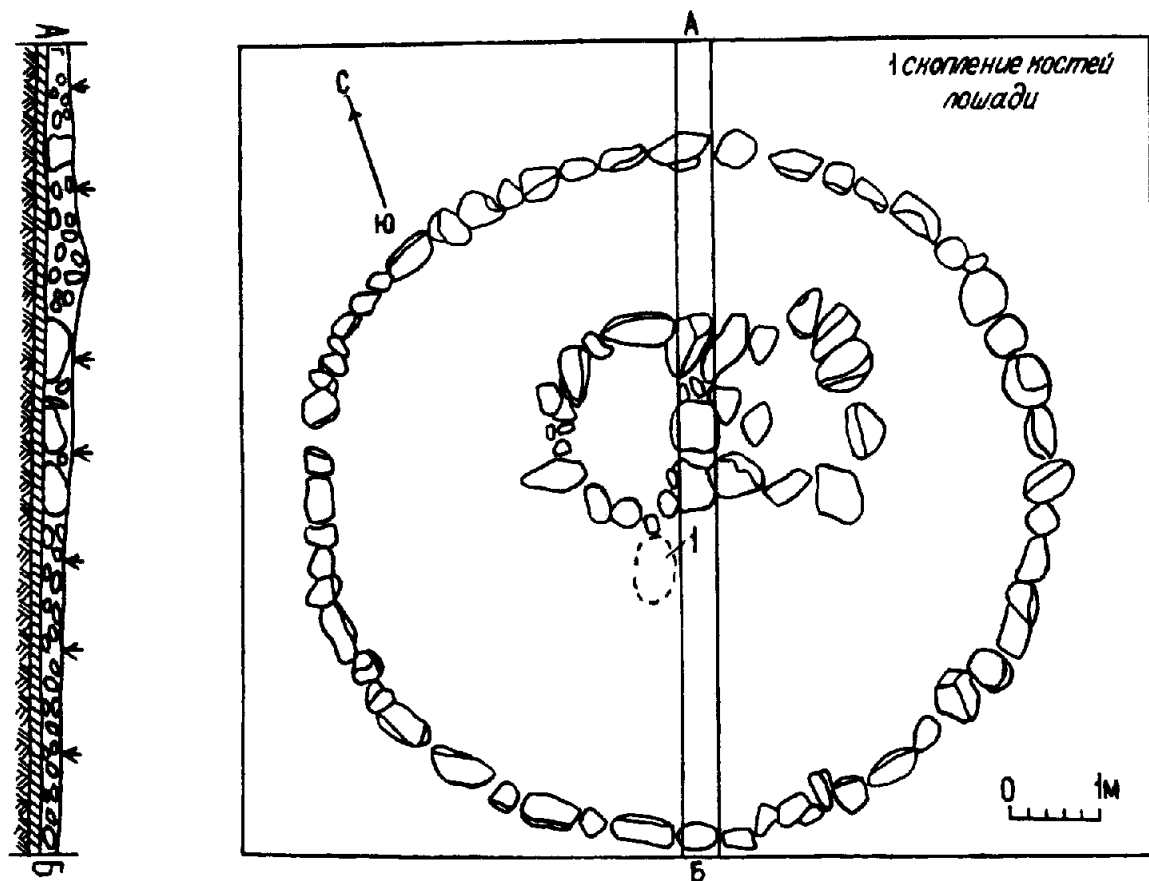

Рис. 8. План колец кургана 3

Такой способ разрушения погребений зафиксирован еще для памятников пазырыкской культуры (могильника Ябоган 3).

В целом, исходя из общего облика инвентаря, мы можем датировать данный курган в широких пределах, т. е. в рамках второй половины VII–первой половины IX вв. [2] и отнести к первым этапам выделенной Д. Г. Савиновым курайской культуры [4].

Наконец, третий могильник представлен овально-выгнутыми выкладками. Однако, в силу отсутствия в них каких-либо материалов, определить время сооружения этих памятников не представляется возможным.

Ю. С. Худяков, С. Г. Скобелев, Е. Б. Долговесова

ПЕТРОГЛИФЫ БУЗУРГАШ

В процессе исследования наскальных рисунков в среднем течении р. Катунь было зафиксировано несколько памятников. Краткие сведения о петроглифах Бельтыр-Оека приводит П. П. Хороших [1]. Петроглифы Куюса в 1960-е годы исследовала Е. М. Берс. В 1965 г. их исследовал А. П. Окладников. Результаты этих работ были опубликованы Б. А. Фроловым, А. Н. Сперанским, Е. А. Окладниковой [2]. В 1970-е годы на местонахождении петроглифов в гроте Куюс работали В. Д. Кубарев и А. П. Погожева [3]. Результаты этих работ были обобщены в монографии Е. А. Окладниковой (4). В 1978 году петроглифы долины Томыс-Кан были обследованы В. Н. Елиным [5].

В связи с развертыванием крупномасштабных археологических работ в зоне затопления Катунской ГЭС был возобновлен поиск новых местонахождений петроглифов. Были заново скопированы известные рисунки на местонахождениях Карбан и Куюс [6]. Работы по фиксации наскальных изображений проводили Д. В. Черемисин, В. Н. Елин, Е. П. Маточкин [7].

В ходе полевых работ Катунского отряда Алтайской экспедиции ИИФФ СО АН СССР, в зоне затопления Катунской ГЭС, в долинах рек Катунь, Ороктой, Эдиган в 1988–1990 гг. было обнаружено большое количество поселений, курганных могильников, одиночных курганов, поминальных сооружений, петроглифов [8]. Среди них определенный интерес представляет петроглифический памятник Бузургаш [9]. Он расположен на высокой террасе правого берега р. Катунь, западнее дороги Еланда-Куюс, в 8 км от с. Куюс, на скальном останце [10] (рис. 1).

Рисунки находятся на вертикальной плоскости гранитного останца, обращенной на юго-восток. Площадь поверхности, на которой нанесены рисунки, составляет 3,9х2 м. Останец поврежден трещинами. С южной стороны от скального монолита откололся массивный обломок. Поверхность скалы, на которой имеются рисунки, покрыта патиной. В нескольких местах отдельные участки плоскости повреждены в результате отслаивания патинизированного слоя скалы.

Рисунки занимают значительные участки по обоим краям плоскости и обломившийся фрагмент останца. Они нанесены техникой точечной выбивки с помощью тупого каменного отбойника. Выбивка местами слабая, довольно нечеткая. Степень патинизации изображений различна.

Рисунки, выбитые на вертикальной плоскости скального останца, не образуют отчетливо просматривающихся композиций. В верхней части плоскости

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Все остеологические определения сделаны А. В. Гальченко.
2. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 122–123, рис. 19.
3. Могильников В. А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке/Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск. ГАНИИИЯЛ, 1986. С. 35–53.
4. Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 61–71.

изображены горные козлы, выполненные в разной манере. Встречаются довольно схематичные изображения с непропорционально большими, круто загнутыми рогами, вздернутым или загнутым хвостом, расставленными ногами. У некоторых фигур изображены согнутые задние ноги и утолщенный круп. В этой же группе рисунков изображены собака-лайка с поднятым хвостом и незаконченная фигура.

Ниже расположены фигура человека с округлой головой, в одной руке лук со стрелой, другая опущена, ноги изображены в ходьбе, вокруг фигуры горных козлов с загнутыми рогами, вздернутым хвостом, расставленными ногами, фигуры копытных животных, возможно, лошадей, на одной из них изображен всадник, фигуры волков и собак, не вполне ясные, вероятно, незаконченные изображения. В нижней части камня выбиты три фигуры горных козлов, фигура копытного животного и неясные изображения. На другом краю вертикальной плоскости изображена фигура человека с округлой головой и широко расставленными ногами. В одной руке персонаж держит лук со стрелой, другая рука отведена в сторону. Рядом выбиты схематичная фигура горного козла с круто загнутыми рогами и два неясных рисунка животных. Еще ниже изображены ряд горных козлов с круто загнутыми рогами, собака, овца, неясные и незаконченные фигуры человека и животного.

На обломившейся части скального останца изображены три ряда горных козлов с круто загнутыми рогами и вздернутыми хвостами, широко расставленными ногами (рис. 2).

Несмотря на сходство стилистических канонов изображения человека и животных, между отдельными фигурами просматривается определенная разница.

Фигуры людей даны в характерной позе, в момент стрельбы из лука, когда стрелок как бы держит одной рукой кибить лука с натянутой тетивой и вставленной стрелой. Подобная манера изображения лука характерна для центральноазиатских петроглифов бронзового и раннего железного века [11]. Округлая голова, отведенная в сторону и согнутая в локте рука, широко расставленные ноги характерны для антропоморфных изображений бронзового и раннего железного веков Южной Сибири и Центральной Азии.

Среди диких животных преобладают фигуры горных козлов в профиль, идущих или стоящих. У всех козлов имеются массивные, непропорциональные, дугообразные рога. Чаще всего они даны одной, реже двумя линиями. У некоторых фигур рога ребристые. Голова, морда и шея изображались по-разному.

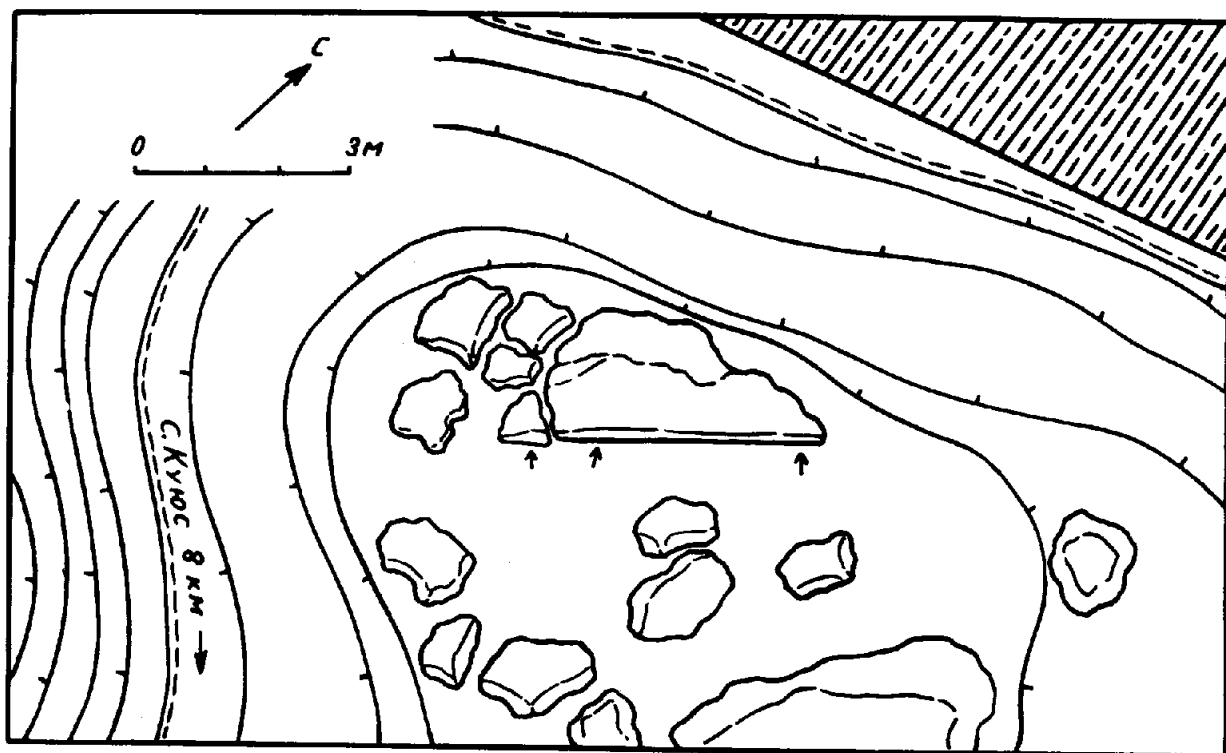

Рис. 1. План местонахождения Бузургаш

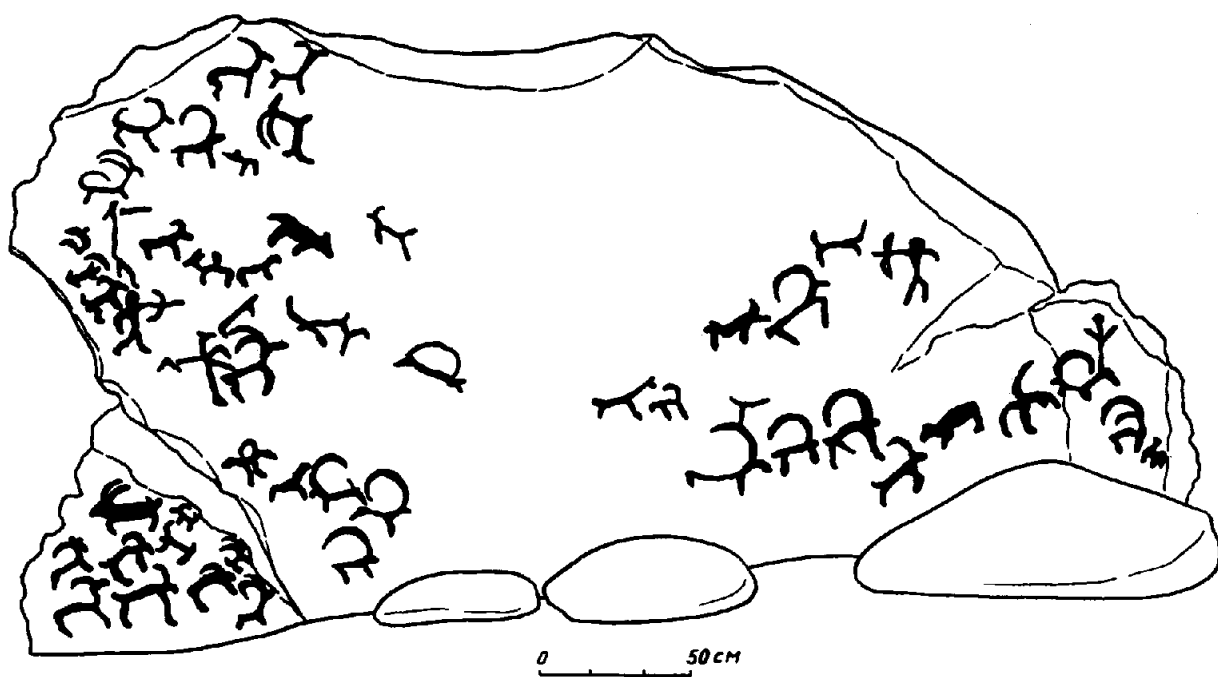

Рис. 2. Рисунки на скальном останце

Иногда довольно большими штрихами, реже почти незаметными. Туловище – порой довольно массивное, чаще всего дано одной линией, ноги в статичной позе. Реже выделен круп и согнутые передние и задние ноги. У некоторых козлов показаны задранные, иногда довольно длинные хвосты, однако нередко они бесхвостые. Собак или волков изображали с вытянутой мордой, стоящими ушами, длинной шеей, поджарым или массивным туловищем, длинными или короткими ногами.

Реже встречаются овцы с массивной головой и туловищем, короткими ногами. Отдельные фигуры напоминают лошадей с длинной мордой и ушами, короткой шеей, узким туловищем, прямыми ногами. На одной из лошадей изображен всадник. Некоторые рисунки не вполне ясны. Часть из них, вероятно, не закончена.

Большинство рисунков не образуют отчетливых композиций. Нередко фигуры животных нанесены в разных проекциях горизонтально и вертикально. Лишь отдельные группы рисунков с лучниками, собаками и горными козлами могут быть отнесены к традиционным для петроглифов «сценам охоты». Однако большая часть рисунков выбивалась вне связи с ними, обособленно.

Отсутствие характерных реалий затрудняет датировку памятника Бузургаш. Судя по аналогиям на других петроглифических памятниках Средней Катуни, эти рисунки могут датироваться довольно широко в пределах бронзового, раннего железного века и даже средневековья [12]. Однако наличие сложносоставного лука у одной из фигур лучников и характерная манера изображения дают основание отнести время появления памятника к эпохе раннего железа.

Назначение и семантика наскальных рисунков Бузургаша могут быть определены при сопоставлении наблюдений К. Йеттмара за элементами традиционной культуры горцев Гиндукуша [13]. Подобные рисунки горных козлов выбивались в процессе магических обрядов, посредством которых охотники стремились восстановить поголовье диких копытных, добываемых в процессе охоты.

В. П. Мыльников, Тэцу Масумото

ПОГРЕБЕНИЕ АЛТАЙЦА-ТЕЛЕНГИТА НА СРЕДНЕЙ КАТУНИ

В полевой сезон 1990 г. Семинский отряд Алтайской экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР проводил археологические изыскания в зоне предполагавшегося затопления Катунской ГЭС на правом берегу р. Катунь между ее притоками Чоба и Чобурак. Наряду с курганами раннескифского времени были проведены охранные раскопки одиночного погребения этнографического времени в могильной яме под каменной наброской.

Одиночный курган средней степени задернованности был сооружен на первой надпойменной террасе р. Катунь в 8 км выше с. Еланда вверх по течению реки, в 30 м от русла у подножия второй надпойменной террасы. Насыпь кургана была повреждена колесами автомобилей геологов и лесозаготовителей, спускавшихся к воде. На восточном склоне насыпи зияла довольно широкая нора, вырытая вначале крупным грызуном, а затем собаками. Из ямы торчали полусгнившие остатки жердей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хороших П. П. Писаницы Алтая: Предварительное сообщение //КСИИМК. 1947. Вып. XIV. С. 19.
2. Фролов Б. А., Сперанский А. Н. Исследование древних наскальных изображений в Горном Алтае//АО 1966. М., 1967. С. 158–161; Окладникова Е. А. Петроглифы Куюса (долина р. Катунь, Алтай)//Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 122–129.
3. Кубарев В. Д. История изучения археологических памятников Средней Катуни//Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 10–11.
4. Окладникова Е. А. Петроглифы Средней Катуни. Новосибирск, Наука, 1984.
5. Елин В. Н. Петроглифы долины Томыс-Кан//Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск, 1983. С. 109–115.
6. Елин В. Н., Соснов В. И. Новые археологические памятники в зоне планируемого строительства Катунской ГЭС//Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 167–176; Маточкин Е. П. Граффити Карбана//Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 150–160.
7. Кубарев В. Д. История изучения... С. 11.
8. Худяков Ю. С., Скобелев С. Г., Мороз М. В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 г.//Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 95–149.
9. Худяков Ю. С. Отчет о работе Катунского отряда Алтайской экспедиции ИИФФ СО АН СССР в долинах рек Эдиган и Ороктой в зоне затопления Катунской ГЭС в Шебалинском районе Горно-Алтайской а. о. в полевом сезоне 1990 г. Новосибирск, 1990.
10. Памятник обнаружен С. Г. Скобелевым в 1989 г.
11. Окладников А. П., Худяков Ю. С. Образ воина на писаницах Монголии//Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 28–29.
12. Окладникова Е. А. Петроглифы Куюса... С. 127; Елин В. Н. Петроглифы долины Томыс-Кан... С. 115.
13. Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М.: Наука, 1986. С. 257–261, 448–450.

После разбивки бровок, снятия верхнего дернового слоя и зачистки кладка имела форму овала 2,7х3,2 м (рис. 1), высота 0,25 м. При разборке каменной кладки, сооруженной из круглых речных валунов, на глубине 0,2 м от современной дневной поверхности было обнаружено прямоугольное перекрытие из плохо сохранившихся деревянных жердей, уложенных горизонтально в два наката. Стволы диаметром от 5 до 16 см были ориентированы по линии восток–запад. Перекрытие возвышалось над материком на подстилке из буровато-серой материковой супеси мощностью 10–12 см и достигало в длину 2,1 м и в ширину 1,3 м. В процессе зачистки перекрытия по всей длине между накатами жердей выявлен слой бересты, уложенный волокнами поперек наката. Концы жердей были заострены топором и имели разное количество затесов: от 2 до 6.

С боков перекрытия по два с каждой стороны прослежены остатки тонких жердочек, уходивших

наклонно вниз на глубину 20 см. Это обстоятельство дает основание предполагать, что над двухнакатным перекрытием после погребения покойного был сооружен легкий навес, что-то вроде шалаша или конической юрты. На северо-восточном конце перекрытия между жердями второго наката обнаружены небольшой фрагмент тонкостенной неорнаментированной керамики и фаланга человеческого пальца.

После снятия двухнакатного перекрытия четкого могильного пятна не было, и границы могильной ямы прослежены по разности плотности ее заполнения из буро-серой супеси с мелкой галькой и материка того же цвета и состава. Могильная яма ориентирована по линии запад-восток, длина 168 см, ширина 72 см. На глубине 63 см от уровня древней дневной поверхности по северной стенке могилы в заполнении встречены большая фаланга кисти руки и шейный позвонок.

Под тонким слоем голубовато-серого речного песка на глубине 89 см от древней дневной поверхности был расчищен костяк мужчины средней степени сохранности (рис. 2). Кости ребер, ключицы, фаланги кисти правой руки сдвинуты со своих анатомических мест и перевернуты, по-видимому, сурком. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад, левой щекой на деревянном седле, сохранившем остатки кожного с войлоком перекрытия (рис. 2, 3). Под седлом (после его снятия) обнаружены два деревянных стремени очень плохой сохранности, изготовленные из толстых веток дерева (береза) (рис. 3). Такая деталь погребального обряда, как седло со стремянами под головой покойного, отмечена рядом исследователей у южных алтайцев-теленгитов [2, с. 33; 4, с. 146].

Судя по стертым почти до основания коренным зубам, погребенный был глубокий старик, а по некоторым изгибам костяка — инвалид. Два шейных позвонка срослись вследствие отложения солей. На левой руке кость предплечья имеет на плечевом суставе большой костный нарост. Такой же изгиб имеет локтевая кость у кисти руки, а лучевая еще при жизни покойного сломана посередине, и изломы затянулись костными мозолями.

Погребальный инвентарь скромн и своим набором и расположением в могиле служит дополнительным подтверждением тому, что исследованное нами погребение было захоронением алтайца-теленгита (рис. 2) [1, с. 187; 2, с. 33–34; 4, с. 145–146]. С правого бока на уровне груди стоял на дне самодельный медный котелок высотой 14 см, диаметром 16 см, переделанный из старого чайника. На месте носика и на дне сохранились приклепанные овальные заплатки из железа. Котелок, по-видимому, закрывался деревянной крышкой, т. к. на дне его найдена кожаная петля с узелком (рис. 4). Рядом с медным котелком, чуть ниже его, на боку лежала деревянная чашка-пиала диаметром 14 см, высотой 8 см с поддоном толщиной 0,8 см. Справа от пиалы находилась деревянная ложка длиной 15 см, на сломанном конце ручки сохранившая небольшое отверстие (рис. 4). Все вышеперечисленное, вероятно, располагалось в кожаном мешке, следы которого местами кое-где сохранились. На поясе справа находился плохо сохранившийся кожаный мешочек длиной 12 см, высотой 6 см. Снизу к нему была прикреплена толстая (2 см) пластина-кресало. Над ней по обеим сторонам узкая (4 мм) медная пластинка и с одного бока

плоская, размером с трехкопеечную монету, неорнаментированная бляшка. Внутри кожаного мешочка помещались две неолитического облика пластины или сколы с нуклеуса (рис. 5). С левого бока у локтя левой руки лежала деревянная составная трубка с деревянным чубуком со следами использования (рис. 6). Под кистью левой руки — остатки кожного мешочка (кисет). На груди у правой руки обнаружен железный предмет, похожий на листовидный наконечник стрелы, обернутый в ткань (вероятно, талисман) (рис. 5). На дне могилы в области таза и ног погребенного прослежены остатки войлочной подстилки. Тончайшие остатки кожи сохранились на больших берцовых костях. Покойный при погребении был обут в кожаные сапоги ручной работы, остатки которых сохранились в могиле. Насколько позволяют судить останки, сапоги были сшиты целиком из выделанной кожи и имели острые загнутые вверх носки (рис. 6). По нижнему краю вдоль подошвы был нанесен тисненый орнамент в виде шести вдавленных параллельных тонких линий. Задники сапог сшиты из двух слоев кожи, между которыми проложены тонкие берестяные прокладки. Подошвы не сохранились, вероятно потому, что были сделаны из толстого войлока, остатки которого также были нами зафиксированы. У Л. П. Потапова есть сведения о том, что такая обувь в прошлом веке была характерна для кочевников-скотоводов [3, с. 74].

Таким образом, ключевые моменты погребального обряда — надмогильное сооружение, труположение и расположение сопроводительного инвентаря в могиле — дают нам все основания предполагать, что исследованное одиночное погребение относится к разряду подземных погребений алтайцев-теленгитов и датируется по аналогии с данными исследователей традиционных черт народной культуры алтайцев второй половиной — концом XIX в. [5, с. 17–18; 2, с. 32–33; 4, с. 156–158].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и Саяны, совершенное в 1881 г. Томск, 1883.
2. Луценко Е. А. Поездка к теленгитам//Землевладение. М., 1888. № 1–2. С. 32–36.
3. Потапов А. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л.: Наука, 1969. С. 74.
4. Тоцакова Е. М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX–начало XX в.) Новосибирск: Наука, 1978. С. 130–158.
5. Швецова М. Алтайские калмыки//Записки ВСОРО. Омск, 1898. Кн. 23. С. 17–18.

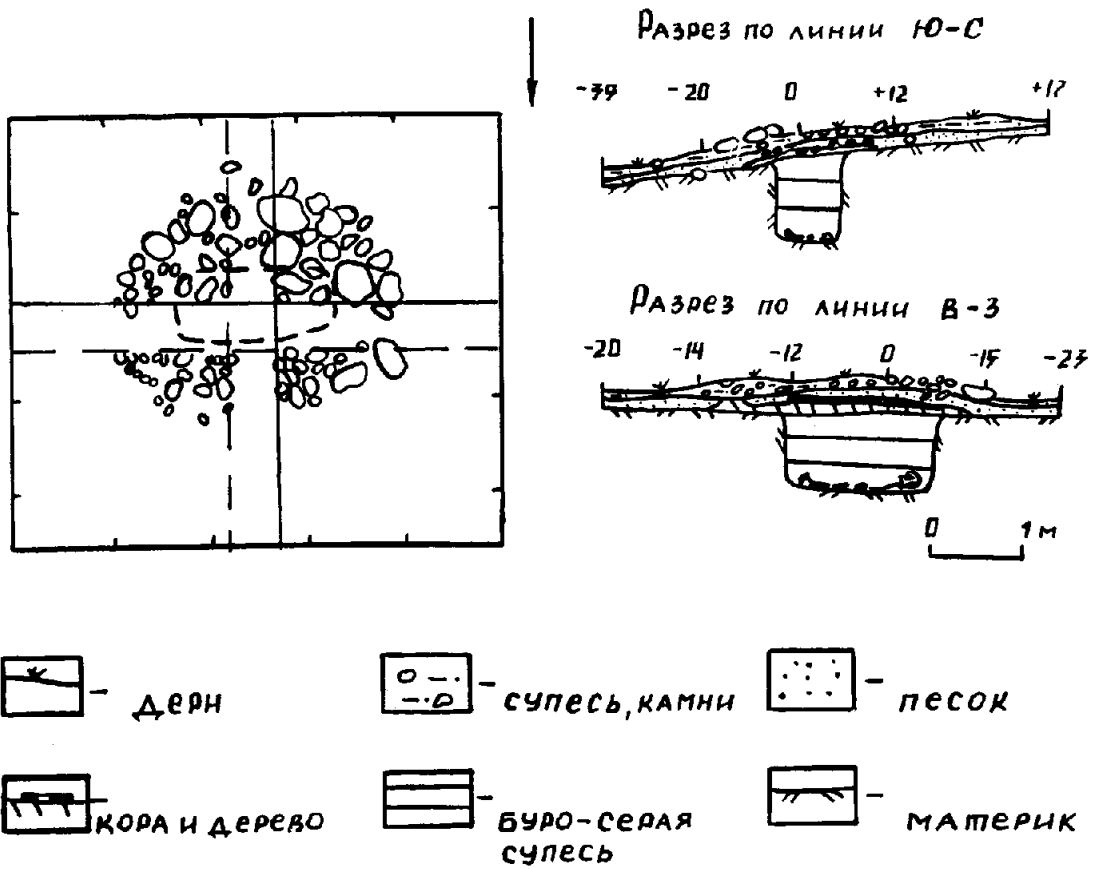

Рис. 1. План и профили бровок кургана

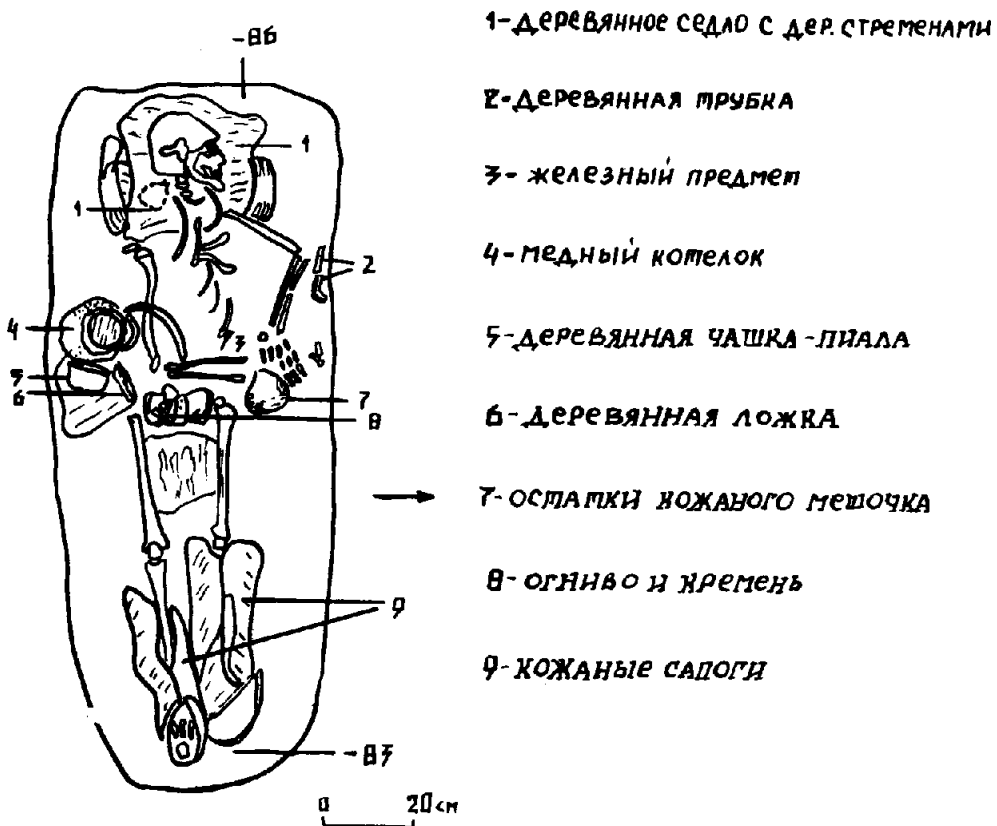

Рис. 2. План погребения

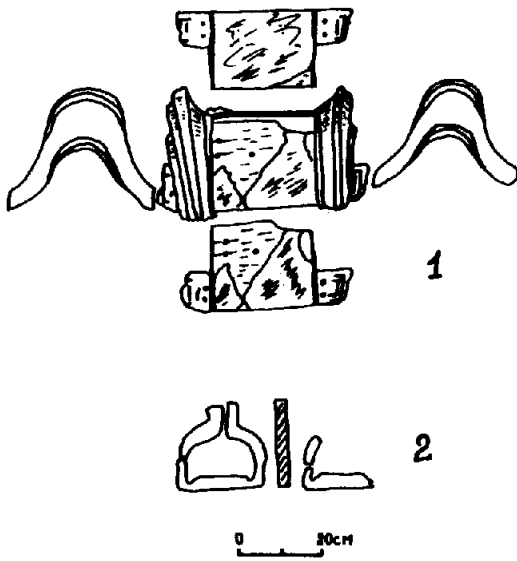

Рис. 3. 1 - деревянное седло;
2 - деревянные стремена

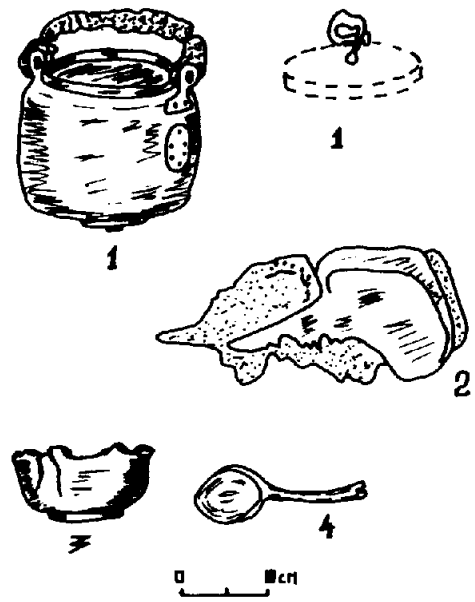

Рис. 4. 1 - медный котелок; 2 - остатки кожаного мешочка; 3 - деревянная пиала;
4 - деревянная ложка

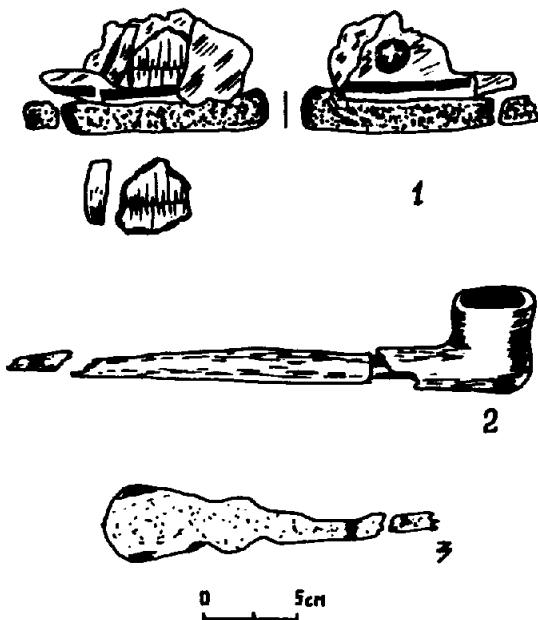

Рис. 5. 1 - кожаный мешочек с кресалом и
огнивом; 2 - деревянная трубка;
3 - желтый предмет

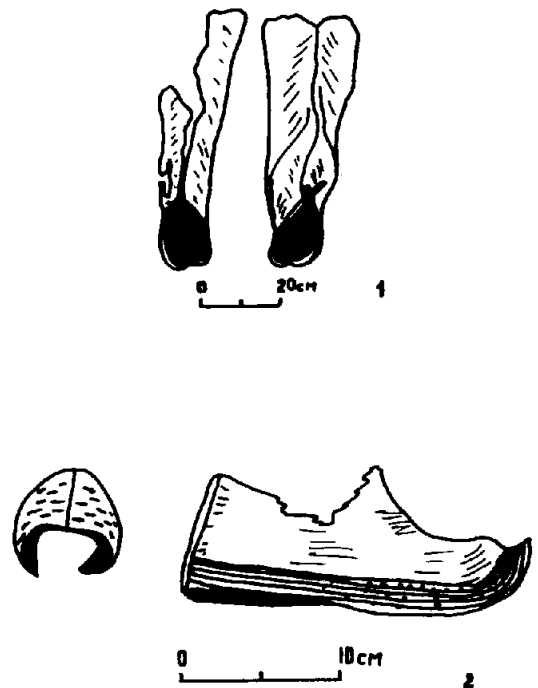

Рис. 6. 1 - кожаные сапоги;
2 - детали кожаных сапог

В. П. Семибратов

ФИНАЛЬНОМЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ТЫТКЕСКЕНЬ 3

Материалы, полученные при раскопках поселения Тыткескен 3, неоднократно привлекали к себе внимание исследователей в связи с их большой значимостью для решения проблем мезолитической эпохи на Алтае [3, 5, 12, 14].

Цель данной публикации — ввести в научный оборот материал (в данном случае комплекс каменной индустрии), отнесенный нами ко времени финального мезолита.

Поселение Тыткескен 3 было зафиксировано в 1985 г. Н. Ю. Кунгуровой. За время работ с 1988 по 1991 гг. экспедицией Алтайского государственного университета вскрыта общая площадь в 728 кв. м. Поселение расположено на левом берегу Катунь (рис. 1–1) в 300 м выше устья р. Тыткескен. Памятником занят остаток третьей надпойменной террасы р. Катунь, имеющий высоту 30–32 м над уровнем Катунь и 10–12 м над уровнем Тыткескена. Долина р. Тыткескен в нижней своей части сложена аллювиальными осадками Катунь. Осмотр рыхлых осадков, обнажаемых в срезе автодороги на левом борту долины, свидетельствует о разнообразии обломочного материала. Он представлен как чисто аллювиальным галечником хорошей анатомности, продуктами переотложения в конусах выноса, развившихся в более позднее время, так и угловатыми обломками и глыбами известняков [2, с. 24]. Площадка, занятая памятником, с востока, севера и запада ограничена правым берегом р. Тыткескен, а с южной стороны отрогами гор и вертикально стоящей известняковой скалой (рис. 1–2). Ее поверхность плавно поднимается от края террасы (северная часть) к скалам (перепад высот в раскопе более 2 м). Откос к реке занят березово-сосновым лесом, который достаточно хорошо маскирует площадку, не занятую древесной растительностью. Памятник, по данным А. Л. Кунгурова, имеет сложную стратиграфию, изменяющуюся от края террасы к скальным выходам [5, с. 15–18]:

1. 0–0,05 м — дерн;
2. 0,2–0,44 м — верхний гумусовый горизонт черного цвета с редким содержанием обломков известняка, галек и валунов. Мощность слоя увеличивается от севера (0,2 м) к югу (0,44 м). Также увеличивается и его насыщенность обломками известняка;
3. 0,1–0,5 м — нижний, более светлый, гумусовый горизонт. Мощность также возрастает к северу. В 57 м от северного края кровля слоя 3 насыщена обломками известняка, ниже (севернее) включений продуктов разрушения известнякового массива меньше. Общее увеличение гумусовой пачки объясняется смывом обогащенных перегноем частиц почвы с горы;
4. 0,05–0,3 м — серая лессовидная карбонатизированная супесь. Горизонт в южной части неоднороден (разорван погребенной почвой). Кромке террасы практически сходит на нет;
5. 0–0,1 м — темно-серая (насыщенная гумусом) супесь. Появляется в 53 м от края террасы и перекрывает слой 4;
6. 0–0,04 м — погребенная почва черного цвета с большим содержанием древесного угля. Появляется в 53 м от края террасы, подстилает слой 5;
7. 0–0,05 м — погребенная почва темно-бурого цвета, насыщенная обугленной органикой. Подстилает слой 6;
8. 0–0,1 м — погребенная почва темно-бурого цвета, содержит обугленную органику. Прослежена с 51 м от края террасы. Подстилает слой 4;
9. 0–0,2 м — погребенная почва бурого цвета. Прослежена с 57 м от края террасы, подстилает слой 8;
10. 0–0,3 м — серый золотистый песок. Фиксируется с уровня 47 м от северного края раскопа (край террасы);
11. 0–0,1 м — зеленовато-серый золотистый песок. Фиксируется с уровня 47 м от северного края раскопа;
12. 0–0,05 м — черно-коричневая погребенная почва, насыщенная органическими остатками. Является подошвой рыхлых отложений субэвального генезиса. Ниже ее фиксируются аллювиальные отложения. Прослежена с уровня 47 м от края террасы;
13. 0–0,95 м — зеленоватый крупнозернистый аллювиальный песок. Проявляется как слой на уровне 30 м от края террасы;
14. 0–0,2 м — аллювиальный гравийный горизонт, проявляется в 35 м южнее края террасы;
15. 0–0,1 м — зеленоватый мелкозернистый аллювиальный песок, проявляется в 40 м южнее края террасы;
16. Ниже 0,35–3,48 м — аллювиальный валунно-галечный конгломерат — цоколь террасы.

Падение аллювия на глубину почти 3 м объясняется тем, что в древности под скалами проходило русло Тыткескена, сместившееся позднее на свое нынешнее место. Оставшаяся старица была замята песком и гравием (слой 13–15) во время разливов Тыткескена, а затем занесена субэвральными отложениями. Первое поселение возникло на Тыткескене 3 в эпоху палеолита (слой 12), когда большая часть этой площадки представляла собой галечную гриву, огораживающую засыпанное песком и гравием старое русло реки. После перерыва, оставившего 10–15-сантиметровый слой золотистого надува (слой 11), место было заселено в раннемезолитическую эпоху (слой 10). Уже тогда поверхность террасы начала нивелироваться за счет смыва с гор. Слои 9–5 отражают периоды заселения террасы в позднем мезолите. По-видимому, большое количество тонких погребенных почв не связано с деятельностью человека, а отражает какие-то климатические сдвиги на Средней Катунь в начале голоцена. В финальномезолитическое время люди застали уже ровную площадку с незначительным подъемом к югу (к скалам), сnivelированную отложениями предыдущих эпох в старом русле Тыткескена и засыпанную мелкой золотистой лессовидной супесью (слой 4). В эпоху бронзы и железа терраса имела современный вид: постепенно нарастая, гумус полностью сгладил сложную стратификацию террасы. Финальномезолитический горизонт данного поселения (слой 4) представлен коллекцией, насчитывающей 2768 каменных артефактов (см. табл.). Сырьем для изготовления орудий служила местная сырьевая база. В основном использовались кремни черного и серого цвета из баратальской свиты среднего кембрия [2, с. 31]. Данный материал в изобилии встречается как непосредственно вблизи поселения, так и выше по долине р. Тыткескен.

Первичное расщепление. Первичная обработка данного комплекса представлена преформами, нуклеусами и предметами их подработки, пластинами, пластинчатыми отщепами и сколами.

Преформы. К ним относятся куски камня подчетырехугольной в плане формы, размер самого крупного изделия 100х61х59 мм. Они имеют разную степень подготовки, если 10 из них несут на себе только негативы нескольких бессистемных сколов, то у 7 преформ оформлены ударные площадки, перпендикулярные оси изделия и подработанные более мелкими поперечными снятиями.

Нуклеусы. Коллекция нуклеусов данного культурного горизонта насчитывает 21 экземпляр и представлена следующими типами.

Клиновидные нуклеусы (рис. 2-1, 2, 3). Один экземпляр этого типа (рис. 2-1) имеет укороченный торец и удлиненное тело. Основание и контрфронт острые, латерали обработаны продольно-поперечными сколами. Овальная по форме ударная площадка расположена перпендикулярно оси изделия и подработана мелкими продольно-поперечными сколами. Фронт скалывания выпуклый, со следами негативов снятия микропластин шириной 2-4 мм. Размеры нуклеуса 30х40х16 мм. Несколько отличаются от него два других нуклеуса этого типа. Они имеют удлиненный торец и укороченное тело (рис. 2-2, 3). Ребро нуклеусов, образованное двумя сходящимися латеральями, острое, подработанное с одной из сторон уплощающими поперечными сколами. На латерали одного из них (рис. 2-3) сохранились следы желвачной корки. Фронт скалывания у нуклеусов выпуклый, со следами негативов снятия пластин различной величины. Подтреугольные в плане ударные площадки образованы одним продольным сколом, нанесенным со стороны контрфронта, и расположены перпендикулярно оси изделия. Четвертый экземпляр этого типа нуклеусов имеет плоский, образованный одним продольным сколом контрфронт, таким же образом выполнены и обе латерали этого типа изделия. Фронт скалывания плоский, со следами негативов двух снятий. Подчетырехугольная ударная площадка подработана мелкими сколами и слегка скошена в сторону контрфронта.

Кельтовидные. Нуклеусы этого типа (рис. 2-4, 5) имеют удлиненно-овальную по форме ударную площадку, тщательно подработанную мелкими поперечными сколами. Фронт снятия и площадки у трех экземпляров расположены перпендикулярно друг другу. Снятия производились с двух противоположных торцов изделия. Фронт скалывания у всех нуклеусов этого типа выпуклый. Латерали образованы широкими продольными сколами, основание, образованное сходящимися латеральями, имеет долотовидную форму. Высота данного типа нуклеусов, как правило, меньше их длины. Исключение составляет один экземпляр данного типа (рис. 2-4), высота его равна 45 мм при длине в 30 мм. Он выполнен на кремневой плитке, латерали этого изделия несут на себе следы желвачной корки, приостренное с двух сторон основание имеет конусовидную форму.

Призматические. В коллекции присутствует один экземпляр этого типа нуклеусов (рис. 2-6). Данный нуклеус имеет округлую по форме ударную площадку, тщательно подработанную мелкими сколами. Снятия производились по всему периметру изделия, параллельно друг другу. Основание нуклеуса приострено с нескольких сторон, в результате чего оно имеет конусовидную форму.

Уплощенно-призматические. Нуклеусы этого типа наиболее стандартны (рис. 2-9). Они имеют неправильно овальную по форме тщательно подработанную мелкими продольно-поперечными сколами ударную площадку. У всех нуклеусов она расположена перпендикулярно оси изделия. Снятия производились по всему периметру изделия. Основание нуклеусов подработано с двух сторон продольными сколами и имеет долотовидную форму.

Атипично-призматические. Нуклеусы этого типа (рис. 2-10) имеют ударную площадку неправильной формы. У трех экземпляров она тщательно подработана направленными к центру мелкими сколами и расположена перпендикулярно оси изделия. У одного нуклеуса площадка образована одним снятием, направленным со стороны фронта скалывания, и слегка скошена в сторону контрфронта. Снятия производились с 2/3 части периметра изделий. Контрфронт у всех нуклеусов плоский, образован сколом, нанесенным со стороны ударной площадки.

Конусовидные нуклеусы (рис. 2-7, 8, 11) имеют округлую ударную площадку, у двух изделий она тщательно подработана мелкими сколами, направленными от края к центру. Снятия производились по всему периметру изделия, фасетки снятий пластин сходятся к нижнему концу изделия. Один нуклеус этого типа до предела сработан (рис. 2-11).

Карандашевидные. Возможно, этот тип нуклеусов (рис. 2-12, 13) получается в результате предельной сработанности нуклеусов призматического или конусовидного типа, но выделяется некоторыми исследователями как самостоятельный тип [1, с. 105]. Снятия производились по всему периметру изделий. Площадки округлой формы тщательно подработаны. У одного из нуклеусов (рис. 2-12) часть площадки утрачена в результате неудачного снятия. Основание у обоих нуклеусов отсечены и подправлены поперечными сколами.

Подработка нуклеусов представлена снятиями ударных площадок, реберчатыми сколами и сколами с фронтов нуклеусов. Снятия ударных площадок нуклеусов представлены двумя типами (разновидностями): округлой (4 экз.) и подтреугольно-вытянутой (8 экз.) формы. Площадки округлой формы подработаны серией сколов от края площадки к центру, в результате чего в центре образовались небольшие углубления. Негативы скалывания шириной 3-9 мм прослеживаются по всему периметру площадки. Толщина снятых площадок 4-10 мм.

Площадки подтреугольно-вытянутой формы подработаны значительно слабее либо вообще не подработаны. Толщина изделий уменьшается от фронта скалывания (9-16 мм) в сторону контрфронта (3-4 мм). Негативы снятий прослеживаются на 1/3 части периметра. Снятия с этих площадок, вероятнее всего, преследовали цель выравнивания скошенных в сторону контрфронта ударных площадок клиновидных нуклеусов.

Реберчатые сколы представлены снятиями с контрфронта нуклеуса (26 экз.) и снятиями с основания нуклеуса (7 экз.). Снятия с фронта нуклеуса представлены двумя типами. В первом случае производилось удаление непосредственно фронта скалывания (рис. 3-12, 15; 4-8). Мотивация такого поступка крайне сложна, удаление фронта могло производиться специально, некоторые несут на себе негативы одного и более неудачных предыдущих снятий, а могло произойти и в результате неудачного удара при скалывании очередной пластины. Во втором случае скалывание, на наш взгляд,

проводилось преднамеренно, в этом случае удалялась часть фронта скалывания и часть одной из латералей нуклеуса (рис. 2–18; 3–3, 7). Производилось это, скорее всего, в момент переоформления или переноса фронта скалывания на одну из латералей. Размеры такого типа изделий колеблются от 80 до 30 мм, два из них (рис. 3–3, 7) имеют вторичную подработку.

Определенный интерес для понимания техники расщепления данного комплекса представляют сколы подтреугольной или подчетыреугольной в плане формы. Дорсал этих изделий несет на себе негативы предыдущих снятий, чаще всего расположенных параллельно оси изделия. Ударные площадки у 19 экземпляров гладкие (рис. 5–27), у 4 экземпляров они фасетированы. Для выравнивания вентральной поверхности ударный бугорок у 6 экземпляров уплощен одним или несколькими снятиями. Некоторые экземпляры этого вида изделий типологически могут быть определены как левалуазские, но технология получения их иная. Такого типа изделия скалывались с преформ клиновидных и призматических нуклеусов в начальной стадии их использования. Дальнейшая доводка преформ нуклеусов до рабочего состояния дает нам новую категорию изделий, такую, как пластинчатые отщепы (рис. 3–8–11). Длина изделий этого типа, как правило, в два раза превышает их ширину, но маргиналы расположены не параллельно друг другу, а, как правило, веерообразно расширяются к дистальному концу. Дорсал изделий этого типа несет на себе следы предыдущей подработки преформы.

Итоговым продуктом расщепления являются ножевидные пластины. Всего в слое обнаружена 191 пластина трапецевидной или треугольной сечения. Учитывая то, что целых пластин всего 29, и поддерживая мнение некоторых исследователей о том, что «длина ножевидных пластин играет меньшую роль при определении хронологии комплекса, нежели их ширина» [10, 11], классификация их проводилась по следующим параметрам: мелкие шириной до 7 мм (рис. 4–9, 11, 12, 15–18, 21–24, 28–30, 36, 38, 46–48, 50–56, 60–62); средние от 8 до 15 мм (рис. 2–19–22; 4–7, 10, 13, 14, 19, 20, 25–27, 31–35, 37, 39, 40–45, 49, 57–59, 63); и крупные пластины шириной от 16 мм и больше (рис. 2–14–17; рис. 3–1, 2, 4–6, 13–14; рис. 4–1–4, 6). Для длины и ширины пластин был составлен график, который позволял выделить некоторые закономерности. Так, например, наиболее часто встречающимися являются пластины с шириной от 4 до 7 мм и длиной от 20 до 25 мм. Возможно, такой тип является наиболее оптимальным для данного памятника или соответствовал какому-то временному стандарту. Таким образом, техника расщепления, представленная на данном памятнике, была сориентирована на получение призматической пластины в основном мелких и средних размеров.

Орудийный набор. Из общего количества вторичной обработке подверглась 61 пластина, что составляет 31,9% от общего количества пластин и 14% от общего количества орудий. Если способ ретуширования пластин не отличается большим разнообразием, чаще всего это мелкая регулярная притупливающая, реже приостряющая ретушь, то места локализации ретуши довольно разнообразны.

1. Пластины, ретушированные с двух краев с дорсала (8 экземпляров). Ретушь выполнена на медиальных частях пластин, 4 из которых мелкие, 3 средние и 1 крупная. Ретушь на мелких и средних (рис. 4–57, 58, 59) пластинах притупливающая

регулярная. Медиальная часть крупной пластины (рис. 4–6) обработана разнофасеточной притупливающей ретушью, несколько видоизменившей первоначальные контуры изделия.

2. Пластины частично ретушированные с двух краев с дорсала — 7 экземпляров. Ретушь мелкая притупливающая (5 экземпляров), средняя приостряющая (2 экземпляра). По величине и фрагментации они распределяются следующим образом: мелкие медиальные части (4 экземпляра); мелкие проксимальные (2 экземпляра); средние проксимальные (1 экземпляр).

3. Пластина, у которой с дорсальной стороны ретушью покрыты оба края и торец изделия (1 экземпляр) (рис. 4–7). Изделие изготовлено на медиальной части средней по размерам пластины. Ретушь разнофасеточная, очень крутая.

4. Пластина с обработкой с двух краев с дорсала и обработкой торца с вентрала (1 экземпляр) представляет из себя проксимальную часть мелкой по размерам пластины, с дорсальной стороны ретушь мелкая притупливающая, торец обработан с вентральной стороны приостряющей разнофасеточной ретушью.

5. Медиальная часть мелкой по размерам пластины, оба края с дорсала покрыты мелкой регулярной притупливающей ретушью, дополнительно на одном из краев выполнен резцовый скол (1 экземпляр).

6. Пластины, обработанные с дорсала по одному краю (10 экземпляров). Обработку правого дорсала (7 экземпляров) имеют 4 проксимальных фрагмента, три из которых мелких размеров и один средних, и 3 мелких дистальных фрагмента. Проксимальный фрагмент средних размеров на свободном левом крае имеет дополнительно боковой резцовый скол. Ретушь во всех случаях притупливающая. Обработку левого дорсала имеют 3 проксимальных фрагмента мелких размеров. Примечательно здесь то, что мелкая приостряющая ретушь занимает только 1/3 часть пластин.

7. Пластины с вентральной обработкой двух краев (4 экземпляра) (рис. 4–51). Все пластины этой серии представлены медиальными фрагментами мелких пластин. Ретушь во всех случаях регулярная притупливающая, расположенная по всей длине пластины. Исключение составляет одна пластина, у которой ретушь занимает 2/3 ее длины.

8. Пластина с вентральной обработкой одного из краев (9 экз.). Пластины, имеющие обработку левого вентрала (5 экз.) (рис. 4–52, 62), представлены медиальными фрагментами мелких пластин. Один фрагмент ретуширован лишь частично. Пластины с обработкой правого вентрала (4 экз.) (рис. 4–50) выполнены на трех медиальных и одном дистальном фрагменте мелких пластин.

9. Пластины, имеющие обработку правого вентрала и одного торца (2 экз.) (рис. 4–53), представлены медиальными фрагментами мелких пластин, ретушь на краях изделий мелкая регулярная притупливающая, ретушь на концах изделий мелкая разнофасеточная, расположена почти перпендикулярно оси изделия.

10. Пластины с двусторонней ретушью (5 экземпляров). Пластина с двусторонней ретушью по двум краям (1 экземпляр) представлена проксимальным фрагментом мелкой пластины, ретушь нанесена по двум краям с вентрала, по левому дорсальному краю, на правом дорсальном крае она присутствует лишь частично (рис. 4–60). У оставшихся ретушь нанесена следующим образом: два дистальных фрагмента мелкой пластины имеют полностью обработанный правый

дорсал, на вентрале же ретушь расположена лишь частично; один проксимальный фрагмент мелкой пластины имеет обработку двух краев с дорсала и одного вентрала, и один проксимальный фрагмент мелкой пластины имеет лишь частичную обработку.

11. Обработку торца имеют пять экземпляров пластин. Три изделия выполнены на дистальных фрагментах средней и два на медиальных фрагментах мелкой пластины. Торце у всех изделий прямой, расположен перпендикулярно оси изделия. Способ ретуширования у всех изделий одинаков: мелкая ретушь нанесена с вентральной части, почти перпендикулярно оси изделия.

12. Единственным экземпляром представлена пластина с выемкой. Она расположена на одном из краев проксимального фрагмента средней по величине пластины. Края выемки с вентральной стороны покрыты притупляющей разнофасеточной ретушью.

Следы утилизации прослеживаются на 12 пластинах в виде выкрошенности и выщербленности на одном из краев пластины. При анализе пластин следует учитывать еще и тот факт, что, согласно трасологическим наблюдениям, проведенным Н. Ю. Кунгуровой, для таких памятников, как Майма и Элекмонар, территориально и хронологически близких описываемому нами комплексу, было выявлено, что мелкие пластины без дополнительной обработки очень широко использовались в качестве вкладышей для метательного оружия и мясных ножей [10, с. 42]. Аналогичным образом правильные призматические пластины мелкого и среднего размера могли использоваться и жителями описываемого нами комплекса.

На пластинках выполнено семь резцов. Все они классифицируются как боковые одинарные. Пять экземпляров этого типа орудий выполнены на проксимальных фрагментах, четырех средних и одной крупной по размерам пластины, два на медиальных фрагментах мелкой. Резцовый скол у всех изделий выполнен на одном из краев пластины, параллельно оси изделия.

Следующую группу орудий, выполненную на пластинках, представляют острия (3 экземпляров). Скошенное острие (рис. 5–15) выполнено на медиальной части средней по размерам пластины. Его диагонально скошенный рабочий край подработан приотстригающей ретушью с дорсала. Второй экземпляр этого типа изделий изготовлен на проксимальном фрагменте средней по размерам пластины, несколько видоизмененной в процессе изготовления орудия (рис. 5–16). Рабочий край образован двумя диагонально скошенными плоскостями и частично подработан с вентрала. Третье орудие изготовлено на пластине крупных размеров (рис. 4–5), оно имеет выделенное жальце, тщательно подработанное с двух краев с дорсальной стороны. Обработке также подверглись и оба края пластины, левый дорсальный край в результате тщательной обработки превращен в орудие с зубчатым рабочим краем.

Орудия на отщепках представлены 224 экземплярами. Наибольшим количеством представлены скобели. Орудия этого типа выполнены на заготовках случайной формы и различных размеров. Типологически подразделяются по форме рабочего края. Присутствуют орудия с зубчато-выемчатым (рис. 6–13, 15), выемчатым (рис. 6–7, 8; 7–16) и прямым рабочим краем (рис. 6–10). Обработке у данного типа изделий разнофасеточной притупляющей ретушью подвергся только рабочий край.

Большую группу в 34 изделия составляют резцы. Несмотря на многочисленность данного типа орудий,

резцы в данном комплексе не дают морфологически устойчивых серий, которые позволяли бы провести их детальную классификацию. В силу этого их классификация была проведена нами по расположению одного или нескольких резцовых сколов относительно длинной оси заготовки. В связи с этим нами выделены следующие типы резцов: боковые на отщепках, выполненные продольными резцовыми сколами (14 экземпляров) (рис. 6–4, 5, 9, 12), угловые на отщепках (12 экземпляров) (рис. 6–1) и срединные, выполненные скошенными резцовыми сколами (8 экземпляров) (рис. 6–2, 6, 11). Следует отметить, что, независимо от нашей классификации, выделяется группа резцов (8 экземпляров), имеющих очень широкую рабочую кромку (точку) резца (рис. 6–2, 9, 11). Скребки в данном комплексе представлены следующими типами.

Концевые на пластинчатом отщепе (рис. 5–1, 2). У всех ретушь нанесена на дистальном конце отщепки, контуры рабочей части выпуклые. Три экземпляра этого типа имеют крутой рабочий угол и один пологий.

Концевые на отщепе (рис. 5–3, 4, 8). Лезвие у всех выполнено на дистальном конце отщепки, имеет полукруглые контуры рабочей части. Рабочий край у всех крутой.

Концевые боковые (рис. 5–7, 9, 10, 12, 13). Скребки выполнены на отщепках различной конфигурации, отличительной особенностью их является то, что, помимо дистальной части отщепки, у них обработке подверглась одна, а в двух случаях и две боковые кромки отщепки. Угол рабочего края у 6 экземпляров крутой, у 2 пологий.

Полуовальные (рис. 5–5, 6, 14). Выполнены на отщепках полуовальной формы, рабочий край у них занимает почти весь периметр заготовки, за исключением ударного бугорка. Рабочий край у 2 крутой, у 1 — пологий.

Сегментовидные. Скребки этого типа выполнены на заготовках удлиненной формы, края которых веерообразно расширяются в сторону рабочей части. Рабочий край расположен на дистальной части отщепки. Рабочий угол у всех крутой.

Овальные (рис. 5–11). Скребок данного типа представлен одним экземпляром. Заготовка уплощена одним широким снятием с дорсальной стороны, ударный бугорок также подработан серией сколов. Обработан весь периметр изделия. Рабочий угол пологий.

Одним экземпляром представлен скребок случайной формы. Рабочий край выполнен на углу отщепки. Рабочий угол пологий.

В данном культурном горизонте обнаружено 10 скребел и 4 их обломка. Заготовками для них в 11 случаях служили отщепки, максимальные размеры 90х60 мм, в двух случаях первичные отщепки и в одном — кремневая плитка. Скребел с одним выпуклым продольным лезвием — 5 экземпляров (рис. 7–8, 11, 13), к этому же типу относятся и три обломка этих орудий. Три целых орудия этого типа и все обломки выполнены на отщепках, один экземпляр — на первичном отщепе и один — на кремневой плитке. Рабочий край обработан многорядной чешуйчатой разнофасеточной ретушью со стороны дорсала.

Продольно-поперечные скребла (3 экземпляров) представлены двумя целыми орудиями (рис. 7–12) и одним обломком (рис. 7–14). Оба целых орудия выполнены на отщепках, обломок — на первичном отщепе. Рабочий край у них расположен на дистальном конце

отщепы и одним из продольных краев, обработан с дорсальной стороны ступенчатой разнофасеточной ретушью. Двойное выпуклое продольное скребло (1 экземпляр) выполнено на отщепе, дорсал которого уплощен несколькими снятиями. Рабочие края расположены на двух продольных сторонах отщепы, обработаны ступенчатой среднефасеточной ретушью с дорсала.

Конвергентные скребла (2 экземпляра) (рис. 7-7, 15). Изделия этого типа имеют по два выпуклых рабочих лезвия, сходящихся под острым углом в одной точке. Лезвия обоих орудий обработаны с дорсальной стороны многоярусной разнофасеточной притупляющей ретушью. На вентрале одного из орудий (рис. 7-15) прослеживаются крупные фасетки уплощающих снятий.

Проколки. Выполнены на отщепах различной величины и формы, объединяет их то, что все они имеют небольшое выделенное жальце (рис. 5-17, 18). Края выемок и кромки жальца обработаны с дорсальной стороны притупляющей ретушью. У одного экземпляра (рис. 5-17) два таких жальца.

В описываемом нами комплексе присутствуют предметы, имеющие двустороннюю обработку. Это прежде всего ножи.

По форме можно выделить три группы этого типа орудий. Два экземпляра относятся к типу ножей, выполненных на плитках. Один выполнен на плитке кремня (рис. 7-1), другой — сланца (рис. 7-3). Они имеют овальное выпуклое лезвие, обработанное с двух сторон, в начале крупнофасеточной, а затем мелкой приотстригающей ретушью. На обеих плоскостях и частично на обухе сохранена желвачная корка.

Нож сегментовидной формы (рис. 7-4) выполнен на бифаскально обработанной заготовке, отличительной чертой которого является снятие и подработка 1/3 части обуха, в результате чего он напоминает базу наконечника. Острие образовано двумя сходящимися, обработанными с двух сторон плоскостями.

Ножи на отщепах (2 экземпляра). Один экземпляр — цельный (рис. 7-2), другой представлен обломком (рис. 7-5). Для изготовления этой группы орудий использовались отщепы. Если было необходимо, то дорсальная часть дополнительно уплощалась серией сколов (рис. 7-5), если же дополнительной обработки не требовалось (рис. 7-2), то изготовление сводилось к тому, что один из краев заготовки тщательно ретушировался с двух сторон.

Наконечники стрел. Один из наконечников имеет подтреугольную форму. Тщательно обработан с двух сторон мелкой отжимной ретушью, имеет прямое основание (рис. 5-22). Второй имеет листовидную форму, обработан с одной стороны, с другой подправлено жальце (рис. 5-24). Остальные представлены фрагментами: два фрагмента черешка с выпуклым основанием, один с вогнутым основанием (рис. 5-26), один с прямым и два с фрагментами пера без оснований (рис. 5-23, 25).

Долотовидные орудия. Выполнены на бифаскально обработанных заготовках подтреугольной формы (рис. 7-6, 8) (5 экземпляров) и одно на первичном отщепе (рис. 7-10). Все орудия имеют по одному рабочему краю, расположенному на поперечном конце заготовки. Лезвия обработаны с двух сторон, сначала разнофасеточной уплощающей, а затем мелкой притупляющей ретушью. На лезвиях трех орудий этого типа прослеживаются характерные следы смятости (рис. 7-9).

В материалах данного комплекса присутствует группа орудий, выполненных на крупных сколах и

кремневых желваках. 3 орудия этого типа имеют подтреугольное лезвие, обработка которого производилась с одной стороны крупными, почти перпендикулярными лезвием сколами (рис. 7-19), у одного орудия (рис. 7-18) оно дополнительно подработано с двух сторон. Один экземпляр этого типа орудий выполнен на крупном сколе, дорсал с проксимальной части уплощен крупным снятием, направленным параллельно длинной оси заготовки (рис. 7-17). Два продольных края, сходящихся в дистальной части под острым углом, дополнительно подработаны крутой ступенчатой разнофасеточной ретушью. Следы смятости, говорящие о том, что эти орудия использовались в качестве рубящих, не прослеживаются, зато на рабочих кромках лезвий присутствуют характерные заломы и выпщербины, указывающие на то, что эти орудия, возможно, использовались в качестве стругов.

Отщепы с ретушью. Типологически эта категория инвентаря аморфна и невыразительна. В основном дополнительной обработке подвергались отщепы крупные (18 экземпляров) и средние (11 экз), мелких подработанных отщепов только три. Ретушь наносилась со стороны дорсала в 26 случаях, со стороны вентрала в 6. Ретушь эпизодическая разнофасеточная.

Отходы производства представлены отщепами и осколками. Отщепы подразделяются на первичные (со следами желвачной корки — [15]) и обычные. По диаметру они подразделяются следующим образом: чешуйки — диаметр до 10 мм; мелкие — от 10 до 30 мм; средние — от 30 до 50 мм и свыше 50 мм — крупные. Осколки представляют собой бесформенные куски кремня без следов обработки, по величине они распределяются так же, как и отщепы.

Подведем итоги анализа каменного инвентаря. Технично-типологические параметры позволяют нам включить данный комплекс в группу памятников, относимых к усть-сеинской мезолитической культуре [7; 1, с. 60]. В рамках этой культуры выделяется группа памятников таких, как Манжерок 2 [14], Усть-Бийке 1 и 2 [6], Верх-Тельтехмень 2 и Верх-Тельтехмень 5 [12], а также описываемый нами комплекс, которые мы склонны относить к финальному этапу развития этой культуры. Не вдаваясь в подробную характеристику эволюции каменной индустрии усть-сеинской культуры и принципов выделения этапов ее развития, ибо эта тема очень объемна и несколько не соответствует целям данной публикации, отметим только общие моменты, связанные с характером индустрии финальномезолитических комплексов. Набор типологически устойчивых форм призматических нуклеусов (насчитывающих семь разновидностей) был выработан еще на раннем этапе развития данной культуры. В дальнейшем развитие шло по пути микролитизации и усовершенствования техники скалывания пластин с уже знакомых заготовок. В интересующем нас периоде происходит заметное увеличение доли мелкой прямой пластины. Более разнообразной становится локализация ретуши (увеличивается количество пластин с вентральной и двусторонней обработкой). Определенным образом маркируют данный этап бифаскально обработанные орудия, острие на скошенных пластинах, струги-макролиты и резцы с широкой рабочей частью.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Афоновская культура. Новосибирск, 1979. 127 с.

Таблица

**Тип-лист составных элементов каменной индустрии поселения Тыткескенъ 3
(4 культурный горизонт)**

№ п/п	Наименование типов изделий	Кол-во	% от общ. кол-ва	Рисунок	№ иллюстрации
Техника расщепления					
1.	Преформы нуклеусов	17	0,6		
2.	Сколы вторичные	23	0,8		
3.	Пластинчатые отщепы	69	2,4		
4.	Реберчатые сколы	33	1,1		
5.	Снятия площ. нуклеусов	12	0,4		
6.	Нуклеусы	21	0,7	2	1-13
	клиновидные	4	0,1	2	1-3
	кельтовидные	3	0,1	2	4-5
	призматические	1	0,1	2	6
	уплощенно-приматические	4	0,1	2	9
	карандашевидные	2	0,1	2	12-13
	конусовидные	3	0,1	2	7, 8, 11
	атипично-призматические	4	0,1	2	10
7.	Отщепы крупные	61	2,2		
	средние	237	8,5		
	мелкие	700	25,2		
	чешуйки	714	25,7		
8.	Первичные отщепы и сколы	74	2,6		
9.	Осколки крупные	188	6,7		
	средние	89	3,2		
	мелкие	73	2,6		
10.	Пластины крупные	20	0,7	2	14-17
				3	1, 2, 4-6, 13-14
				4	1-4, 6
	средние	70	2,5	2	19-22
				4	7, 10, 13, 14, 19, 20, 25-27, 31-35, 37, 39, 40-45, 49, 57-59, 63
	мелкие	101	3,6	4	9, 11, 12, 15-18, 21-24, 28-30, 36, 38, 46-48, 50-56, 60-62

Таблица

**Тип-лист составных элементов каменной индустрии поселения Тыткескенъ 3
(4 культурный горизонт)**

№ п/п	Наименование типов изделий	Кол-во	% от общ. кол-ва	Рисунок	№ иллюстрации
Фрагментация пластин					
1.	Полные пластины	29	1		
2.	Дистальные фрагменты	50	1,8		
3.	Проксимальные фр-ты	60	2,1		
4.	Медиальные фр-ты	38	1,3		
5.	Сечения	14	0,5		
Изделия из отщепов и галек					
1.	Скребки	30	1		
	концевые на пласт. отщепе	4	0,1	5	1, 2
	концевые на отщепе	10	0,3	5	3, 4, 8
	концевые-боковые	8	0,2	5	7, 9, 10, 12, 13
	полуовальные	3	0,1	5	5, 6, 14
	овальные	1	0	5	11
	сегментовидные	3	0,1		
	случайные	1	0		
2.	Скребла	14	0,5	7	7, 8, 11, 12, 13, 14, 15
3.	Скобели	93	3,3		
	зубчато-выемчатые	32	1,1	6	13, 15
	выемчатые	34	1,2	6 7	7, 8 16
	с прямым краем	27	0,9	6	10
4.	Струги	17	0,6	7	17, 18, 19
5.	Проколки	16	0,5	5	17, 18
6.	Резцы	34	1,2	6	1, 2, 4, 5, 6, 9, 11, 12
7.	Долотовидные орудия	16	0,5	7	6, 8, 9, 10
8.	Ножи-бифасы	5	0,1	7	1, 2, 3, 4, 5
9.	Наконечники от стрел	8	0,2	5	22, 23, 24, 25, 26
10	Отщепы с ретушью	33	1,1		
	ИТОГО	2768	100%		

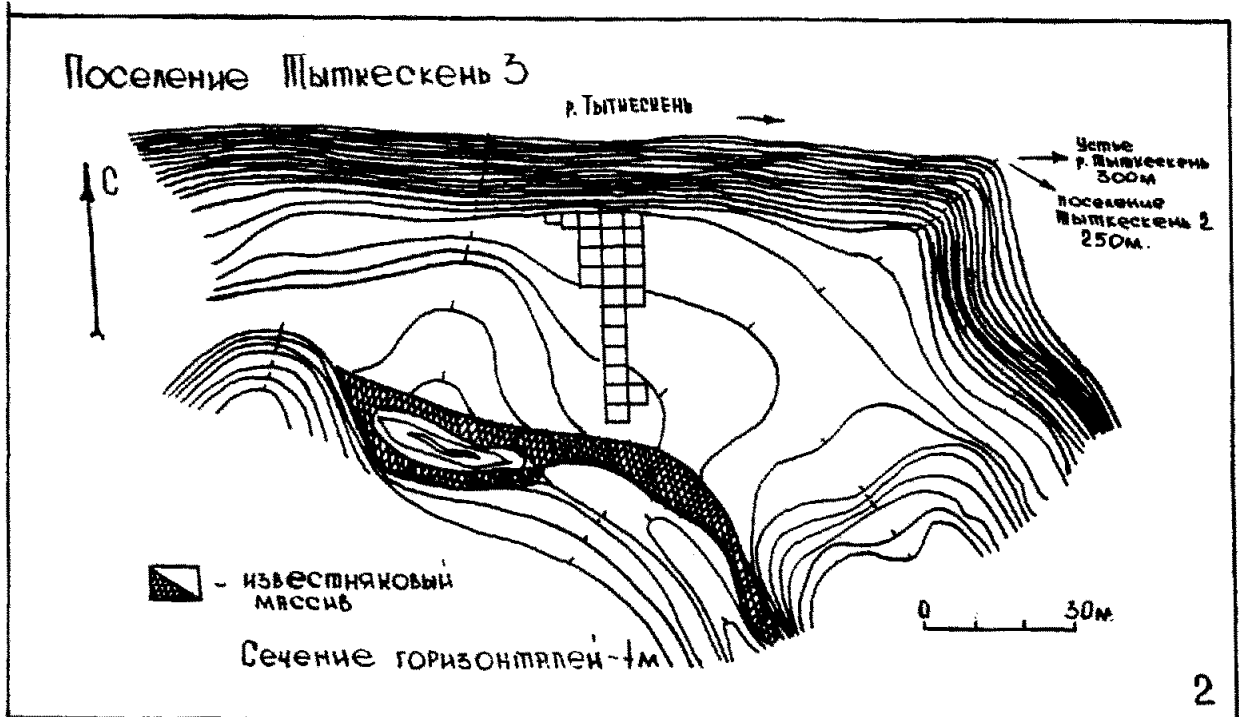
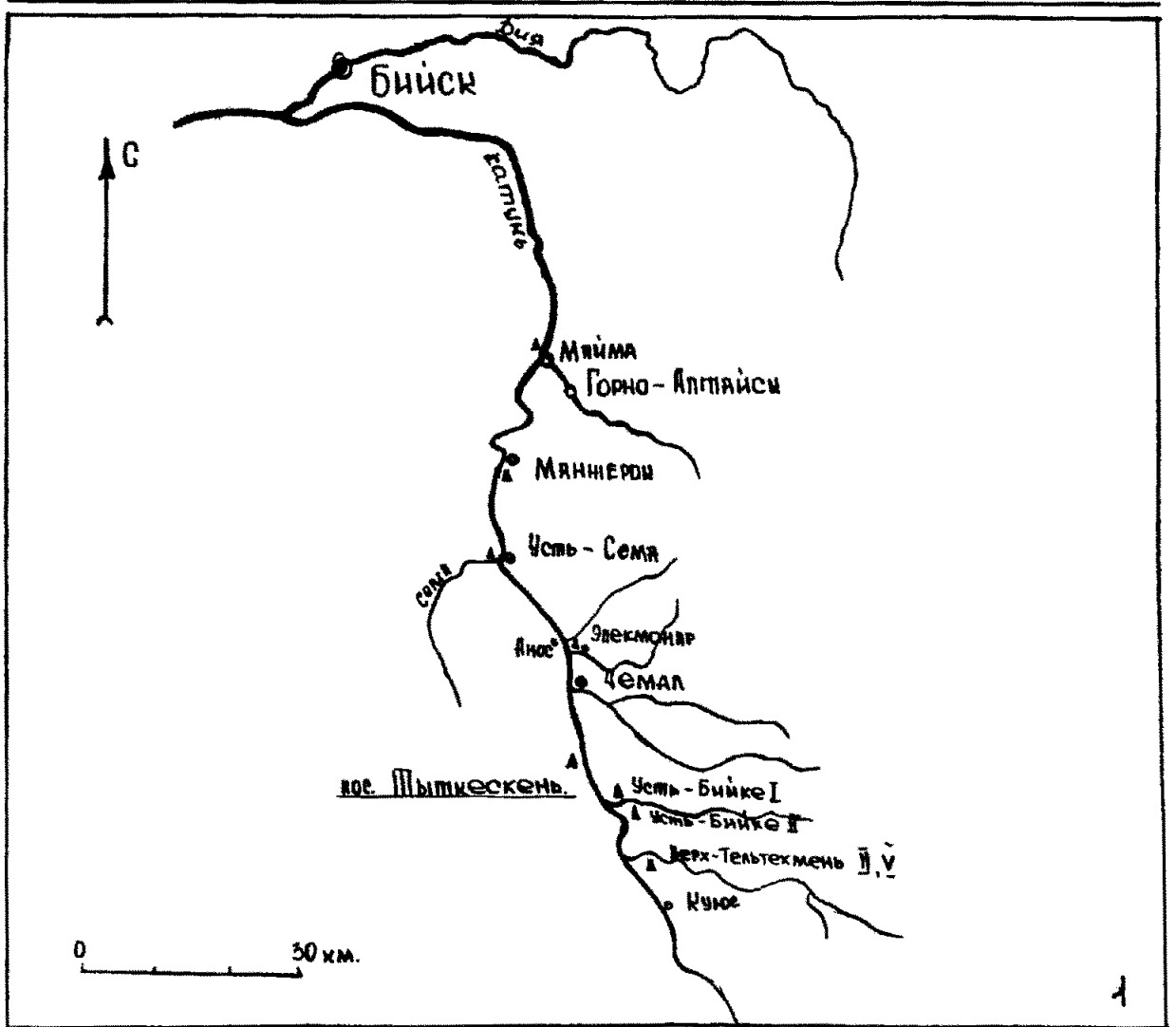

Рис. 1. Поселение Тыткескен' 3. Схема расположения и план

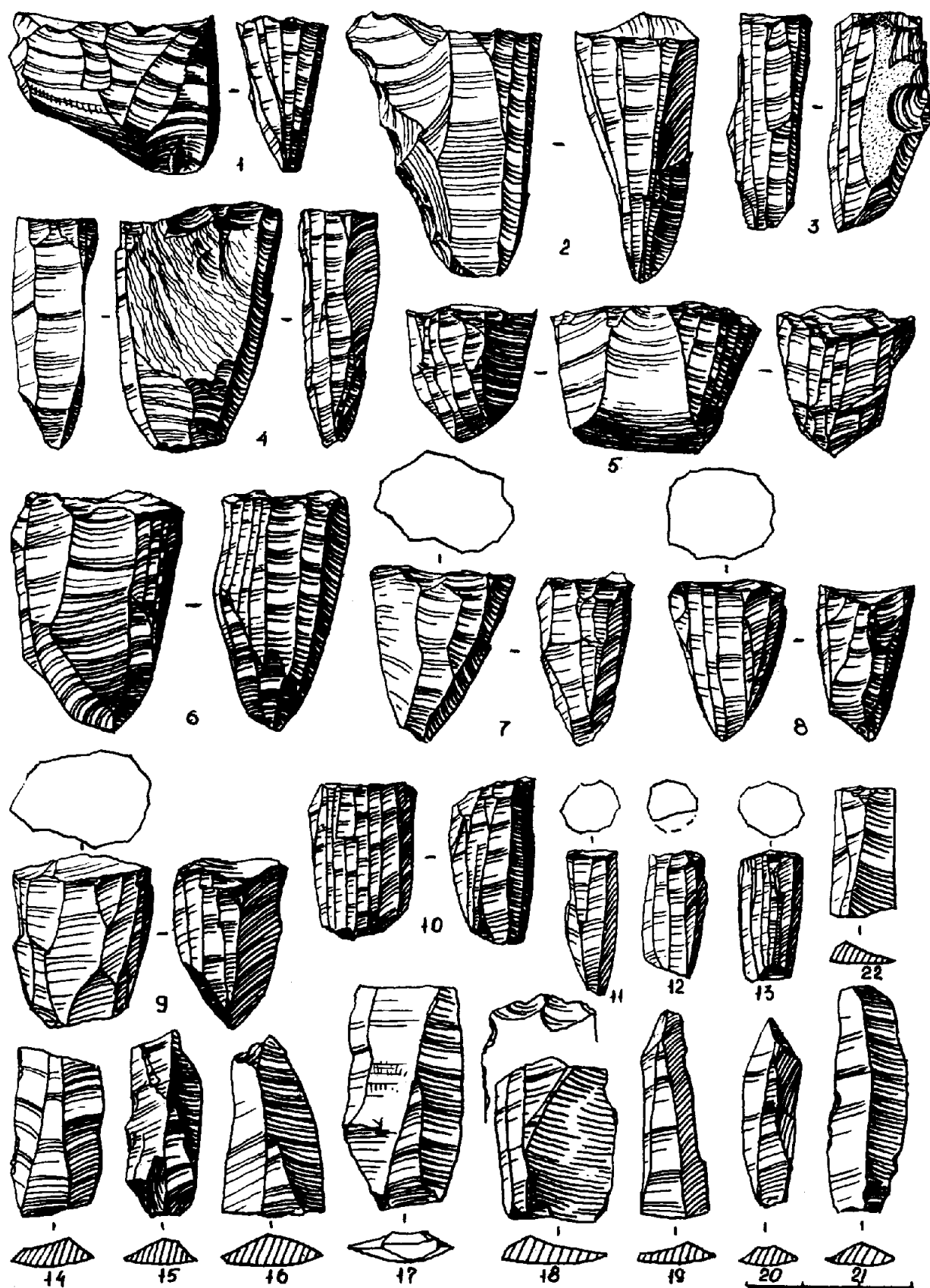

Рис. 2. Поселение Тыткескен 3 (4 культурный горизонт). Нуклеусы

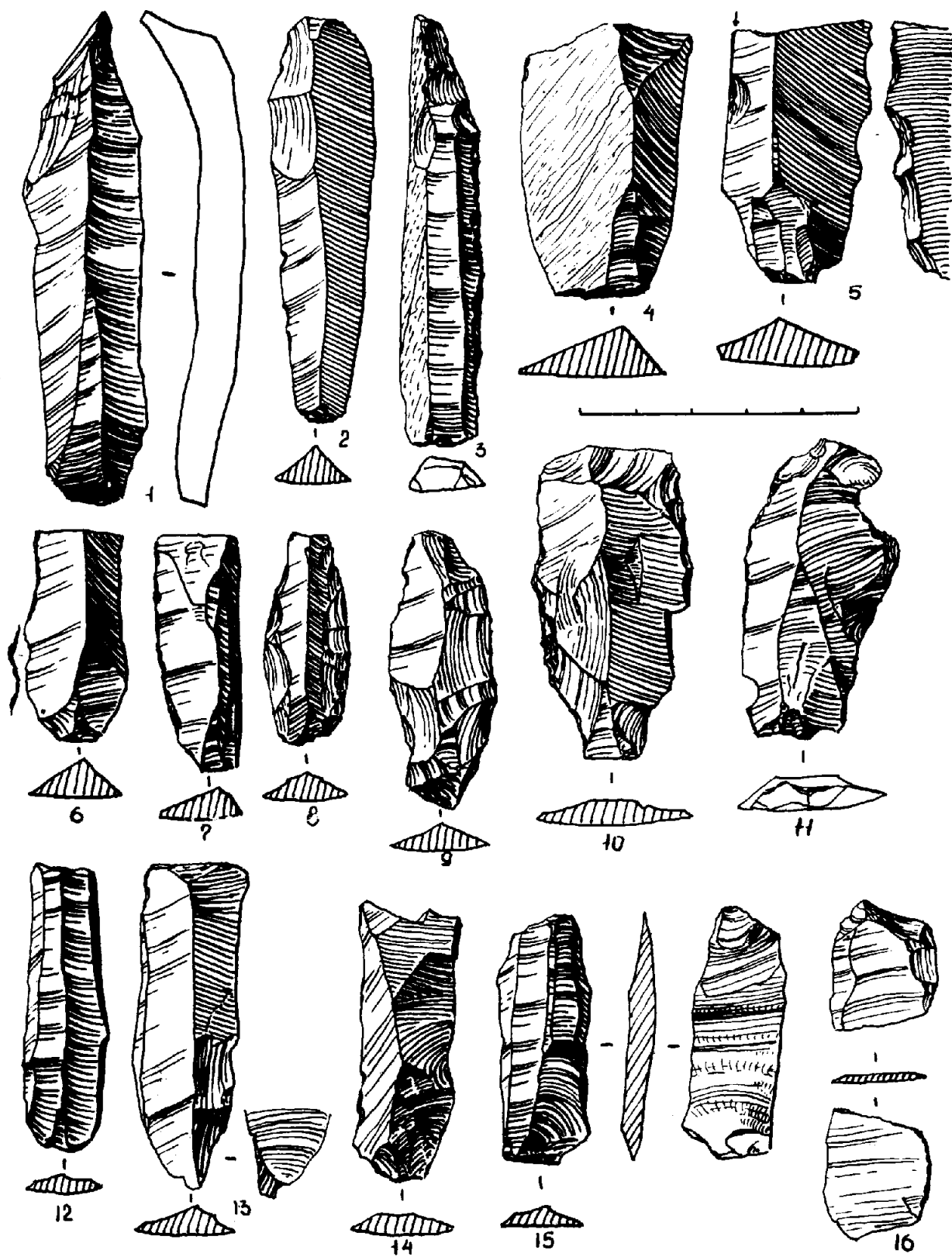

Рис. 3. Поселение Тыткескен' 3 (4 культурный горизонт). Каменные орудия

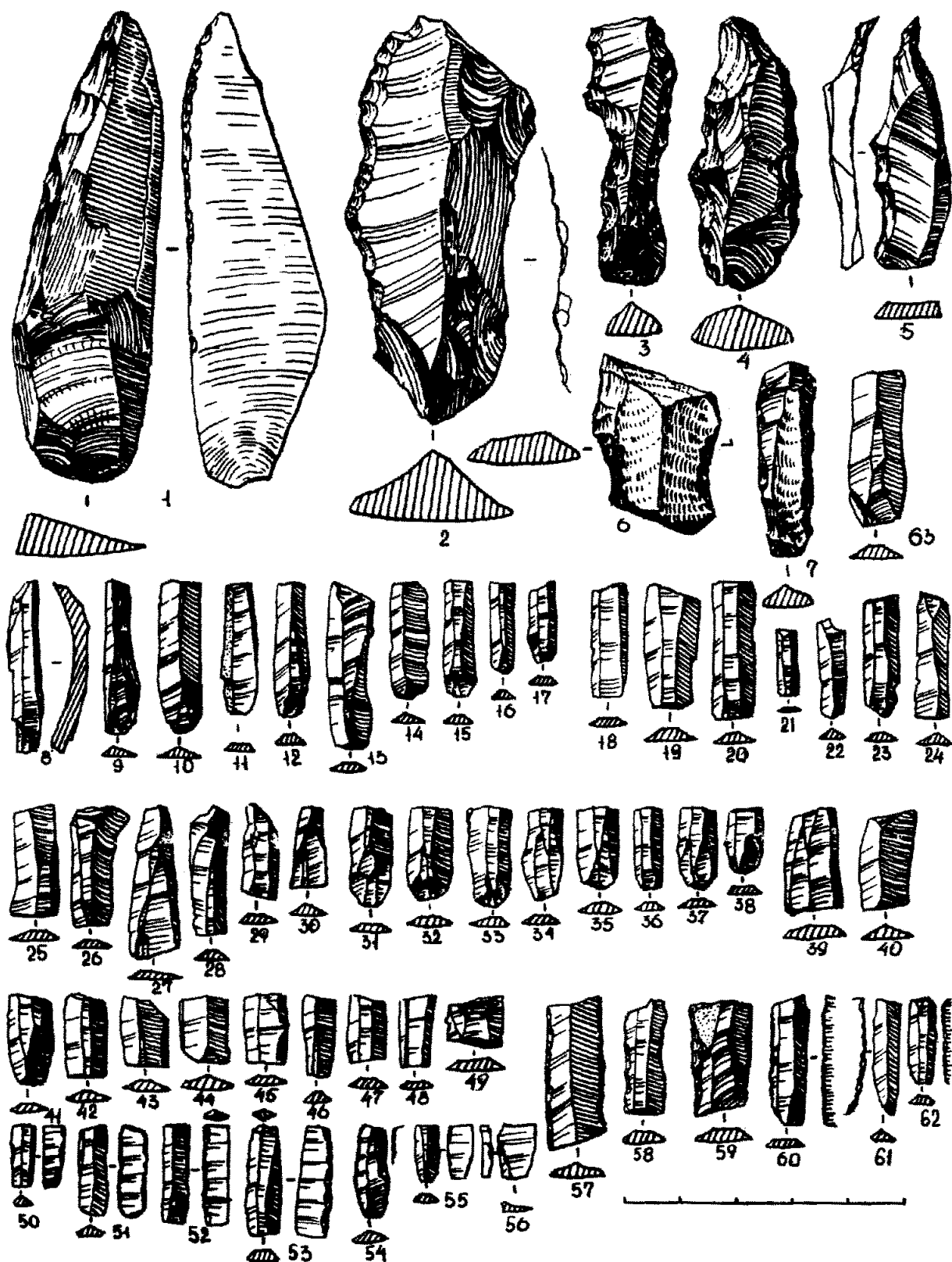

Рис. 4. Поселение Тыткескен 3 (4 культурный горизонт). Каменные орудия

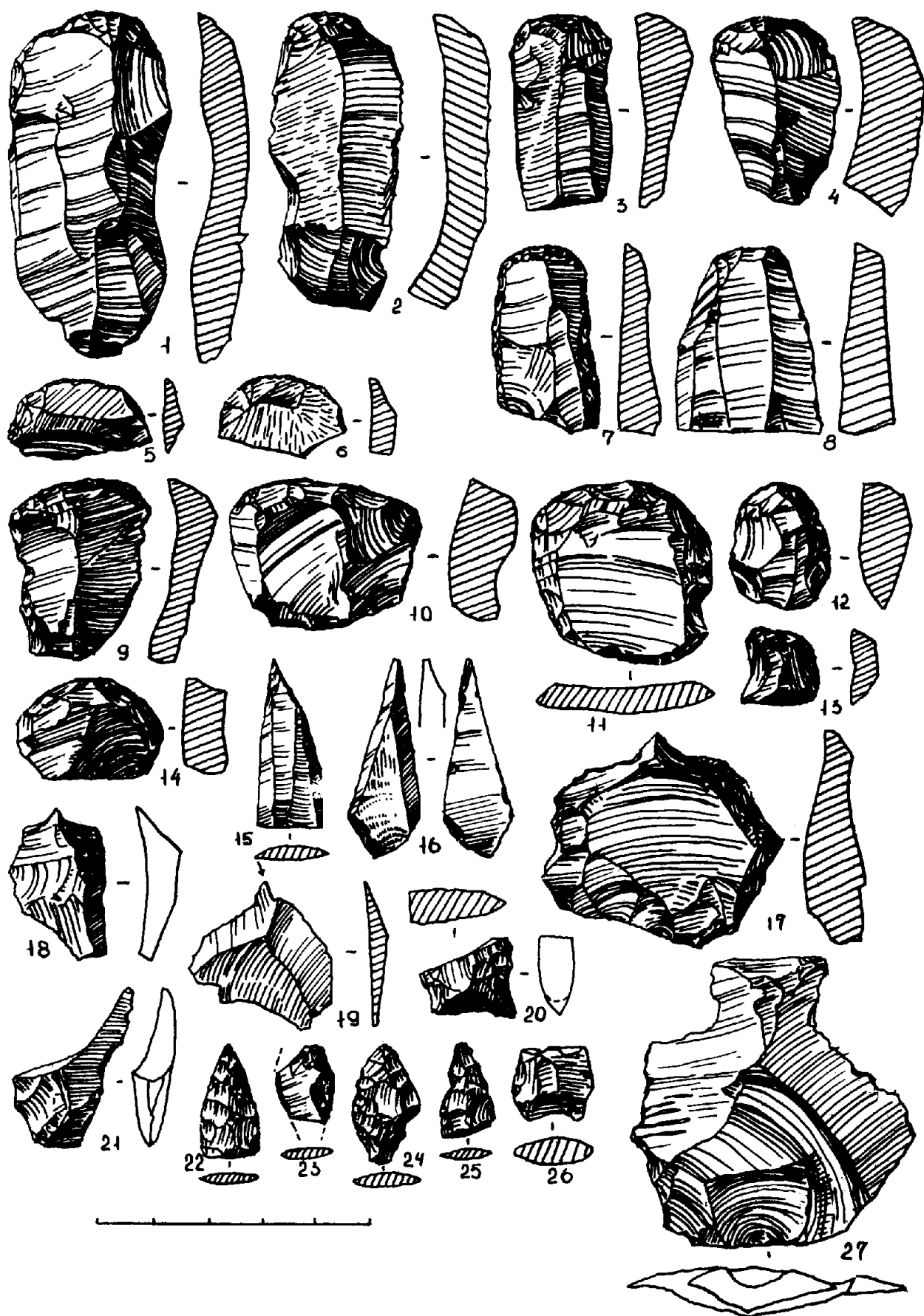

Рис. 5. Поселение Тылгескень 3 (4 культурный горизонт). Каменные орудия

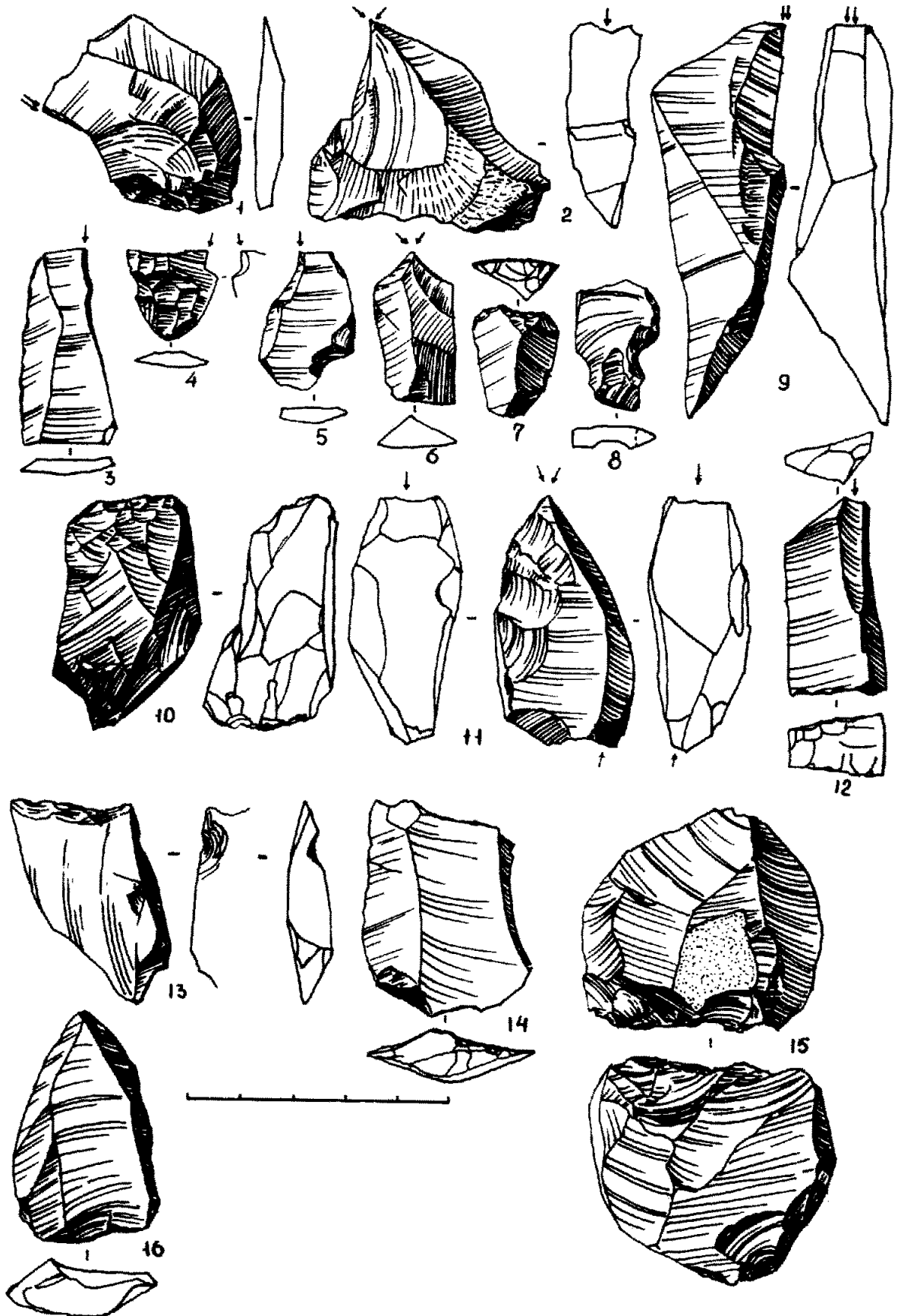

Рис. 6. Поселение Тыгкескень 3 (4 культурный горизонт). Каменные орудия

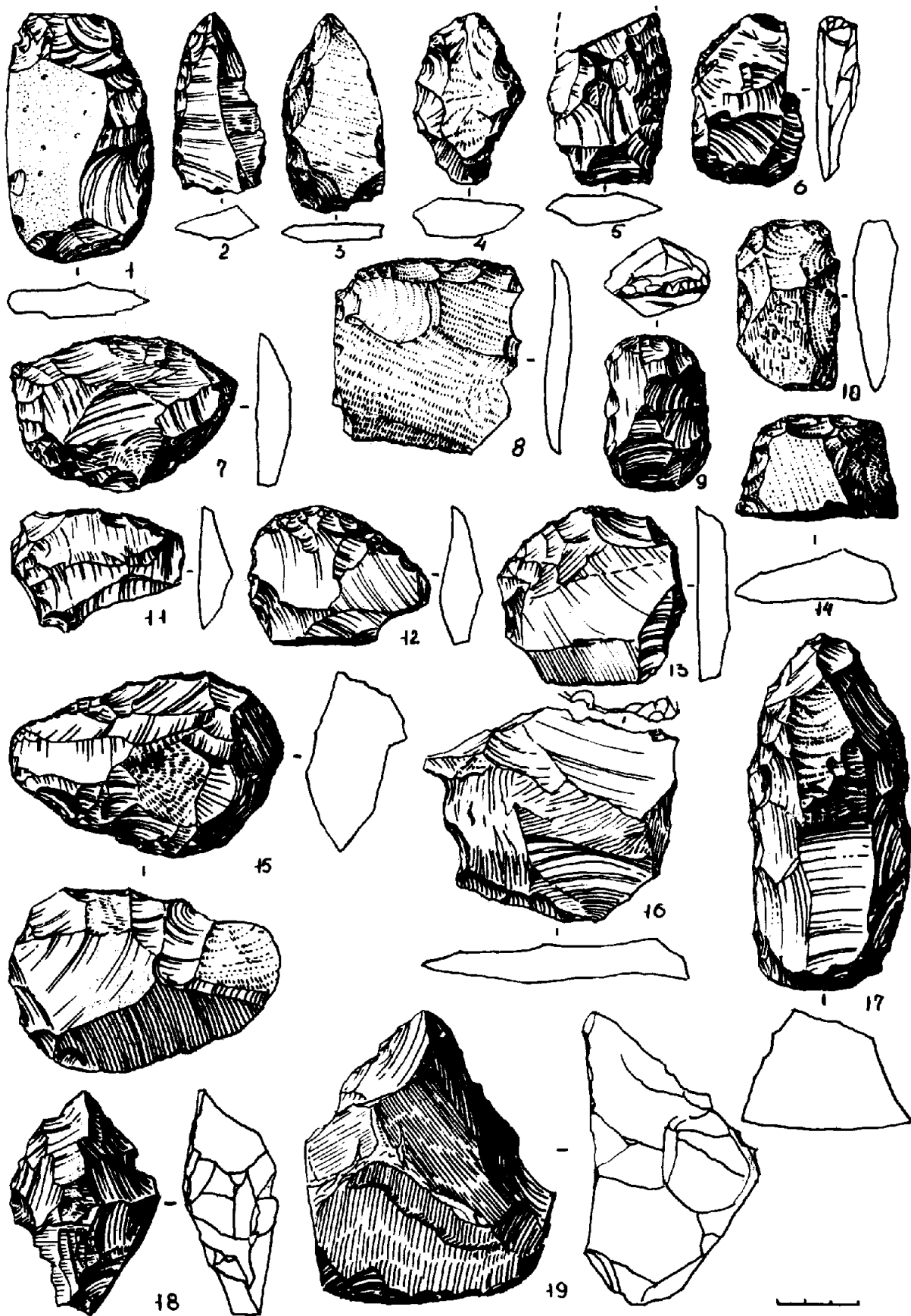

Рис. 7. Поселение Тыткескень 3 (4 культурный горизонт). Каменные орудия

2. Барышников Г. А. Отчет по выполнению хозяйственной темы 7190 «Палеогеографическое изучение археологических памятников, попадающих в зону затопления Катунской ГЭС». Бийск, 1990. Архив лаборатории АГУ. № 128.
3. Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Кирюшин К. Ю. Эволюция пластинчатой индустрии в мезолите-неолите Алтая // Способы расщепления камня в позднем каменном веке. Иркутск, 1995.
4. Кунгуров А. Л. Относительная хронология палеолитических памятников бассейна Катунь // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 50–63.
5. Кунгуров А. Л. Отчет о полевых работах экспедиции «Тыткескен» в Шебалинском районе республики Горный Алтай летом 1991 г. (раскопки в устьевой зоне р. Тыткескен). Барнаул, 1992. Архив лаборатории археологии АГУ. № 777.
6. Кунгуров А. Л., Тишкин А. А. Находки финального мезолита в устье р. Бийке (Горный Алтай) // Охрана и изучение культурного наследия Алтая: Тезисы докладов к конференции. Ч. 1. Барнаул, 1993. С. 46–51.
7. Кунгуров А. Л. Многослойное поселение Усть-Сема // В печати.
8. Коробкова Г. Ф. Культура и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии // СА. 1973. № 3. С. 12–20.
9. Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976. 310 с.
10. Кунгурова Н. Ю. Микролитические памятники Средней Катунь // Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск, 1987. С. 29–45.
11. Семибратов В. П. Мезолитический комплекс поселения Тыткескен 3 // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока: Тезисы докладов к конференции. Т. 1. Красноярск, 1991. С. 65–66.
12. Семибратов В. П., Степанова Н. Ф. Археологические исследования в устье р. Эдиган // Охрана и изучение культурного наследия Алтая: Тезисы докладов к конференции. Ч. 1. Барнаул, 1993. С. 52–59.
13. Семибратов В. П. К вопросу о нижней границе мезолита р. Катунь // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1994.
14. Молодин В. И., Петрин В. Т. Памятник с микролитическим инвентарем в Горном Алтае // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 3–18.
15. В связи с тем, что для обработки на данном памятнике наряду с галечным материалом использовались кремневые блоки, добываемые из расположенной выше по течению р. Тыткескен кремнедобывающей штольни, то в силу этого поверхность блоков нами идентифицировалась как желвачная корка.

Ю. Ф. Кирюшин, А. Л. Кунгуров

МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ТЫТКЕСКЕНЬ 6 НА КАТУНИ

Поселение Тыткескен 6 расположено в устьевой зоне одноименной реки, левого притока Катунь в 100 м выше места их слияния. Левый берег Тыткескена представляет в этом месте 15-метровую Катунскую дольковую террасу, сложенную валунно-галечниковым конгломератом, а в верхней части золотым песком и гумусовым горизонтом мощностью от 0,1 до 0,5 м. Образование прослоек песка связано с разрушением толщи террасы, при котором песок сильным ветром, дующим по долине Катунь, переносится на поверхность террасы, а галечник скатывается по склону берега как самой Катунь, так и ее притока Тыткескена. Памятник открыт в ходе раскопок южной группы курганов могильника Тыткескен 6. Могильник в целом разновременный, раскопанные сооружения относились к скифскому, гунно-сарматскому и тюркскому времени [1; 2; 3]. Южный край поселения вдоль левого берега Тыткескена разрушен старым Чуйским трактом, часть, прилегающая к скальной окантовке долины Катунь, разрушается современной дорогой на пос. Шебалино. При раскопках курганов в осыпях берега и дороги найдено значительное количество артефактов, однако в статье использованы находки, не вызывающие у нас сомнения по их датировке и культурной принадлежности.

От кромок берега р. Тыткескен до курганного поля разбит раскоп, площадь которого составляет около 200 кв. м. Зафиксированы культурные слои раннего железного века (свыше 500 обломков керамики, не менее чем от 50 сосудов), эпохи бронзы (свыше 150 обломков керамики не менее чем от 30 сосудов), большемысской культуры (2031 каменное изделие, «скульптура» из плитки кремнистого сланца, обломок браслета из камня, 2 развала сосудов и

обломки не менее чем от 4 сосудов) и раннего неолита (обломки сосуда и 957 каменных изделий). Представленная работа является предварительной публикацией этого интереснейшего памятника, исследования которого будут несомненно продолжены.

Культурный слой раннего неолита. Этот горизонт залегает непосредственно под большемысским и стратиграфически связан с кровлей толщи золотого песка. Так как вскрыто лишь 16 кв. м., никаких хозяйственных объектов не зафиксировано, но значительная насыщенность слоя, о чем можно судить по количеству находок, позволяет предположить, что в дальнейшем они будут обнаружены. Подробный анализ каменной индустрии представлен в табл. 1, техника обработки и фрагментации пластин — в табл. 2. Исходя из их анализа, можно назвать индустрию слоя микролитической. Техника расщепления и орудийный набор слоя полностью соответствуют раннеолитическим горизонтам поселения Тыткескен 2, расположенного напротив Тыткескена 6, на противоположной стороне речки [4, 5]. Наиболее выразительную часть индустрии составляют мелкие и средние пластины, ретушированные с вентрала (рис. 2-19, 21, 22, 23, 31), дорсала (рис. 2-12, 15, 16, 25, 28), имеющие притупленный торец (рис. 2-14, 30), край (рис. 2-27) и разностороннюю ретушь (рис. 2-20, 26). Все они, по-видимому, являются вкладышами составных орудий, наряду с многочисленными сегментами и усеченными пластинами. Всего зафиксировано 14 типов изделий на пластинах (табл. 2), в том числе резцы (рис. 2-17), резчики (рис. 2-24), пластины с боковыми (рис. 2-13) и «торцевыми» (рис. 2-29) выемками. На одной пластине наряду с боковыми выемками оформлено своеобразное прямое скребковое лезвие (рис. 2-11). Следует отметить, что

часть изделий находит аналогии не только в комплексах Средней Катуни [6], но и в индустриях Юго-Западного Алтая. В частности, острин на пластине, оформленное двусторонней ретушью и резцовыми сколами (по типу срединного резца), полностью соответствует изделию с Усть-Курьи (рис. 3-14). То же можно сказать и о наконечниках стрел, изготовленных из пластин и представленных, к сожалению, мелкими обломками. Отщеповые изделия полностью идентичны Тыткескеню 2 (рис. 1-2-12). Интересной находкой является стержень крупного составного рыболовного крючка с боковым пропилом для крепления жальца (рис. 2-9). В комплексах более поздней энеолитической большемысской культуры стерженьки имеют совершенно другой принцип крепления жальца: срединный пропил и боковые выступы для стягивания костяного острия и стержня [8]. По-видимому, раннеолитический крючок — наиболее раннее изделие этого типа на Алтае. Его форма пока еще не выработана до оптимальной, наиболее удобной для условия рыболовства в реках с быстрым течением.

В небольшом количестве обнаружена и керамика (рис. 1-1). Сосуды не орнаментированы, имеют горшковидную форму с плавным переходом от шейки к плечикам и прямой срез края венчика. Стенки достаточно тонкие, цвет теста красно-оранжевый. Именно такая керамика известна из раннеолитических слоев Тыткескена 2. Возможная датировка культурного слоя — VI тыс. до н. э.

Большемысский культурный слой. Он локализуется ближе к кромке берега, где частично раскопано крупное стационарное жилище полуземляночного типа. Часть его разрушена старым Чуйским трактом, поэтому точные размеры установить сложно. Скорее всего, жилой котлован, углубленный в песок на 0,4–0,5 м, имел подпрямоугольную или подквадратную форму с приблизительно размерами 25–30х30–35 м. Выход, был устроен к р. Тыткескеню. Все основные находки сделаны в заполнении жилища. Обращает на себя внимание очень большое количество каменных наконечников стрел (29 экземпляров). Все они треугольных или усеченно-ромбических очертаний с прямой или выемчатой базой-насадом (рис. 3-5; 4-1–15). Обработка, как правило, покрывает не всю поверхность наконечника, а только края. Сохраняется такой древний способ обработки как ретушировка одного фаса по краям, противоположную — по всей поверхности. Этот принцип оформления наконечников существует с мезолита. Наконечники Тыткескена 6 находят ряд аналогий с находками из могилы в Нижнетыткескенской пещере 1 (НТП-1), расположенной в 100 м выше памятника по речке на ее противоположном берегу [8]. Найдены и обломки крупных орудий — бифасов, в том числе крупного клинка кинжала (рис. 4-16). Полное описание индустрии представлено в табл. 3. Из нее следует неоспоримый вывод: каменная большемысская индустрия не является микролитической. Пластин относительно мало, как и соответствующих им призматических нуклеусов (рис. 5-1–3, 7–22). Не следует также забывать, что ниже расположен раннеолитический культурный слой и часть пластин могла переместиться в большемысский горизонт при строительстве и функционировании жилища. Из пластин изготовлены прежде всего резцы (рис. 5-11, 19, 29–33), резчики (рис. 5-13, 23), фигурные скобели (рис. 5-24–28).

Основную массу изделий составляют орудия на отщепах и крупных специальных заготовках. Кроме наконечников стрел и разнообразных бифасов,

встречены многочисленные резцы (рис. 5-36, 37, 38), режущие орудия (рис. 5-34), разнообразные скребки (рис. 4-19–21; 5-4–6), скребла (рис. 4-17, 18), скобели (рис. 3-7). Достаточно много сколов подновления шлифованных изделий (рис. 3-8). Упадок призматической техники, ранее констатированный нами в НТП-1 [8], теперь прослежен и в ярком поселенческом индустриальном комплексе. Его нельзя связывать с появлением шлифованных орудий, так как в неолитических слоях они встречены, но индустрия осталась микролитической. По-видимому, в деградации пластин основную роль сыграли появившиеся в это время медные орудия.

Характерна и керамика, найденная в заполнении жилища. Здесь встречены развалы двух тонкостенных сосудов, характерных для большемысской культуры формой. Это хорошо профилированное туловище, со слегка отогнутым венчиком и реповидное днище (рис. 7-1, 2). Сосуды украшены горизонтальными рядами отпечатков гребенчатой качалки, а по венчику один из них украшен отпечатками гребенчатого штампа, образующего две зигзаговые линии (рис. 7-1). Фрагменты еще от четырех сосудов украшены отпечатками гребенчатой качалки. Керамика рассматриваемого комплекса находит ближайшие аналогии в материалах памятников большемысской культуры предгорной и лесостепной зон Алтая [9, рис. 1; 10, рис. 1]. Подобный большемысский комплекс встречен и на поселении Тыткескен 2 [11, рис. 2, 3].

Большим своеобразием отличаются три каменных предмета большемысского комплекса: «скульптура» (рис. 6-2), утюжок-«гладилка» (рис. 6-1) и обломок каменного браслета (рис. 6-3). Изделие из плитки кремнистого сланца названо нами «скульптурой» из-за того, что ему трудно подобрать подходящее наименование. Оно представляет из себя тщательно обработанный оббивкой предмет с тремя оформленными выпуклостями, которым древний мастер пытался придать округлую форму. Назначение «скульптуры» совершенно непонятно, ясно только то, что этот предмет не функционален. То есть: он не является ни оружием, ни орудием труда. Как рукоять «скульптуру» рассматривать нет смысла. Остается не выясненным также, законченное это изделие или обломок более крупного.

Утюжок-«гладилка». Подобные изделия довольно часто встречаются в археологических памятниках Западной Сибири. Особенно часто они встречаются в памятниках Самусьской культуры. В Томском Приобье известны такие гладилки с антропоморфными или фаллическими изображениями [12, с. 23, рис. 23]. Подобные изделия найдены и на Алтае. Одно из них из с. Зеркалы Шипуновского района обработано крупными сколами, а снизу и сверху пришлифовано, а второе из коллекции Н. С. Гуляева зашлифовано по всей поверхности. До сих пор не решен окончательно вопрос о происхождении этих предметов. В этой связи хотелось бы отметить, что в Монголии подобные изделия используются до настоящего времени для разглаживания швов на кожаной одежде.

Третье изделие трактовано нами как браслет (рис. 6-3). Оно представлено обломком концевой зауживающейся части. Браслет выполнен методом пикетажа и дальнейшей шлифовкой, напоминающей обработку утяжелителей составных рыболовных крючков из погребения в НТП-1. Возможная реконструкция изделия представлена на рис. 6-4.

Культурный слой эпохи бронзы. Прослежива-

ется очень слабо. Находок этого времени, а в основном это керамика, встречено меньше всего. Залегали они равномерно, в целом на 0,2–0,3 м выше большемысского слоя (рис. 7–4–6; рис. 8–5, 6; рис. 10–13). Часть керамики этого времени была найдена при исследовании скифских курганов южной группы могильника Тьткескень 6 (рис. 8–1–4, 7, 9, 14–15). Однако эти курганы были сооружены на площади поселения и поэтому мы полагаем, что керамика, найденная при раскопках слоя эпохи бронзы поселения Тьткескень 6 и курганов, составляет единый комплекс. В последние годы на многослойных памятниках Средней Катунь встречены материалы относящиеся к широкому хронологическому диапазону от энеолита до поздней бронзы. Стратиграфически выделяются только слои энеолита и, соответственно, находки этого времени. Материалы эпохи бронзы, как правило, залегают в одном слое или стратиграфически никак не разделены [4; 13; 14]. По аналогии с материалами лесостепного и предгорного Алтая выделяется керамика ранней, развитой и поздней бронзы [14]. То же самое можно сказать и о керамике с Тьткескень 6. Здесь выделяются фрагменты ранней бронзы (рис. 7–6, 7; рис. 8–1–3–5, 7), развитой (рис. 7–4; рис. 8–2, 6, 8, 10, 12–15) и поздней бронзы (рис. 8–9, 11). Один из фрагментов относится к эпохе поздней бронзы с тремя валиками (рис. 8–9). В количественном отношении преобладают материалы развитой бронзы. Видимо, после исследования однослойных памятников различных периодов бронзового века можно будет окончательно разработать хронологическую шкалу памятников и материалов эпохи бронзы для Горного Алтая.

Культурный слой раннего железного века (северный вариант пазырыкской культуры) более представлен, чем предыдущий. Все находки встречены в верхней части почвенного горизонта. Не исключено, что часть керамики связана с поминальной обрядностью населения, оставившего многочисленные курганы могильника Тьткескень 6. К сожалению, пока достоверно связать сакральную и бытовую пазырыкскую керамику мы не можем, так как ее различия очень сильны. Керамика курганов представлена преимущественно кубышками, а в культурном слое встречены слабопрофилированные горшки (рис. 9–3) и крупные баночные сосуды (рис. 9–1, 2, 6, 7, 9). Орнаментация представлена ямками (рис. 9–1, 3, 6), ямками в сочетании с отпечатками гребенчатого (рис. 9–2, 7) и гладкого штампа (рис. 9–5), насечками (рис. 9–8, 10), оттками двузубого штампа (рис. 9–9), налетным рассеянным валиком (рис. 9–11) и прочерченными линиями (рис. 9–12). Единично встречаются отски по срезу венчика (рис. 9–10). Найдено также пряслище, выточенное из стенки сосуда (рис. 9–13). Аналогичная керамика найдена на многослойном поселении Тьткескень 3 (см. статью А. Л. Кунгурова в настоящем сборнике), расположенном напротив Тьткескень 6 чуть выше по его течению, и в верхних культурных слоях поселения Тьткескень 2. Довольно разнообразная орнаментация затрудняет более узкую датировку, чем вторая половина I тыс. до н. э.

Остается непонятным, почему в культурных комплексах поселений Тьткескень 3 и 6 отсутствуют афанасьевские находки, хотя они известны из НТП–1. Возможно, сыграла роль какая-то специализация афанасьевского хозяйства, сделавшая невыгодным освоение столь удобных для жизни площадок на катунских террасах в устье р. Тьткескень.

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что поселение Тьткескень 6 является уникальным

памятником Горного Алтая и его дальнейшие исследования позволят ответить на многие вопросы, волнующие сегодня специалистов по древней истории Сибири. Это и проблемы относительной и абсолютной хронологии, культурная принадлежность и происхождение культур, переходные эпохи и многие другие. Уже эти, по сути дела, разведочные раскопки показали, что район Средней Катунь является уникальной территорией, требующей к себе пристального внимания и тщательного полевого и камерального изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кирюшин Ю. Ф. Скифские памятники Средней Катунь // *Скифо-сибирский мир: Социальная структура и общественные отношения*. Кемерово, 1989. С. 53–63.
2. Кирюшин Ю. Ф. Археологические работы на Средней Катунь // *Катунский проект: Проблемы экспертизы. Материалы к общественной научной конференции 13–15 апреля 1990 г.* Новосибирск, 1990. С. 170–172.
3. Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., Мамадаков Ю. Т. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тьткескень 6 на Средней Катунь // *Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла*. Барнаул, 1992. С. 125–130; 222–226.
4. Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю., Кунгурова Н. Ю. Хронологические комплексы поселения Тьткескень 2 // *Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири*. Барнаул, 1991. С. 23–28.
5. Кирюшин К. Ю. Ранний комплекс поселения Тьткескень 2 // *Проблемы археологии и этнографии Сибири*. Т. 1. Красноярск, 1991. С. 67–66.
6. Кунгурова Н. Ю. Древнее поселение в устье Куяма // *Материалы к изучению прошлого Горного Алтая*. Горно-Алтайск, 1991. С. 3–22.
7. Кунгуров А. Л., Удодов В. С. Микролитические памятники Кулунды // *Культура древних народов Южной Сибири*. Барнаул, 1993. С. 4–9.
8. Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Степанова Н. Ф. Погребение из Нижнетьткескеньской пещеры // *Палеоэкология и расселение древнего человека в Средней Азии и Америке*. Красноярск, 1992. С. 282–286.
9. Кирюшин Ю. Ф. Исследование энеолитических памятников лесостепного Алтая // *Охрана и использование археологических памятников Алтая*. Барнаул, 1990. С. 35–39.
10. Кирюшин Ю. Ф., Шамшин А. Б. Итоги археологического изучения памятников энеолита и бронзового века лесостепного и степного Алтая // *Алтайский сборник*. Вып. XV. Барнаул, 1992. С. 194–222.
11. Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю. Большемысский комплекс поселения Тьткескень 2 // *Культура древних народов Южной Сибири*. Барнаул, 1993. С. 25–30.
12. Матюшенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 2. Самусьская культура // *Из истории Сибири*. Вып. 10. Томск, 1973. 208 с.
13. Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л. Находки ранней бронзы со Средней Катунь // *Охрана и исследование археологических памятников Алтая*. Барнаул, 1991. С. 67–69.
14. Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Долинин Е. В., Кирюшин К. Ю. К вопросу о бронзовом веке Средней Катунь // *Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии*. Горно-Алтайск, 1992. С. 39–40.

Таблица 1

**Типо-лист составных элементов индустрии культурного слоя раннего неолита
поселения Тьгткескень 6**

№ п/п	Наименование типов изделий	Кол-во	%	№ рисунка	№ иллюстрац.
Техника расщепления					
1.	Отщепы крупные	31	3,1		
2.	средние	98	10,2		
3.	мелкие	318	33,2		
4.	Чешуйки	53	5,5		
5.	Оббитые гальки и желваки	7	0,7		
6.	Обломки галек и желваков	7	0,7		
7.	Нуклеусы призматич.	2	0,2	2	3
8.	конусовидные	2	0,2	2	5
9.	уплощенно-призматич.	3	0,3		
10.	клиновидные	3	0,3	2	4
11.	атипично-призматич.	5	0,5		
12.	подпризматические	1	0,1		
13.	Снятие ударных площадок	5	0,5		
14.	Снятие фронта скалывания	3	0,3		
15.	Реберчатые сколы крупные	7	0,7		
16.	средние	17	1,8		
17.	мелкие	15	1,6		
18.	Пластинчатые отщепы круп.	20	2,1	2	7,8
19.	средние	44	4,6		
20.	мелкие	10	1,0		
21.	Пластины крупные	29	3,0	2	6, 10, 11
22.	средние	92	9,6	2	12-18
23.	мелкие	113	11,8	2	21-31
Орудийный набор					
24.	Бифасы	2	0,2	1	2
25.	Скребки крупные "полувальные"	3	0,3		
26.	концевые на пластине	2	0,2	1	8,9
27.	на пласт. отщепе	4	0,4	1	12
28.	концевые на отщепе	4	0,4		
29.	с ретулью по перим.	2	0,2	1	11

Таблица 1

**Типо-лист составных элементов индустрии культурного слоя раннего неолита
поселения Тыткескень 6**

№ п/п	Наименование типов изделий	Кол-во	%	№ рисунка	№ иллюстрац.
30.	бок. на пласт. отщепе	3	0,3	1	10
31.	сегментовидные	1	0,1	1	7
32.	случайных форм	3	0,3	1	6
33.	Скобели зубчатые	1	0,1		
34.	зубчато-выемчатые	6	0,6		
35.	выемчатые	1	0,1		
36.	фигурные	9	0,9		
37.	Острия	3	0,3		
38.	Долотовидное орудие	1	1,1	1	3
39.	Наконечники стрел	5	0,5		
40.	Резцы боковые	5	0,5	1	5
41.	срединные	3	0,3	1	4
42.	Отщепы с ретушью	14	1,5		
	ИТОГО:	957	100,0		

Таблица 2

**Техника фрагментации и обработки пластин ранненеолитического культурного
слоя поселения Тыткескень 6**

N п/п	Наименование типов изделий	Крупные пластины		Средние пластины		Мелкие пластины		Итого	
		кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%
Фрагментация пластин									
1.	Целые пластины	18	7,7	25	10,7	19	8,1	62	26,5
2.	Дистальные фр-ты	3	1,3	11	4,7	17	7,3	31	13,2
3.	Проксимальн. фр-ты	6	2,6	23	9,8	21	8,9	50	21,4
4.	Сечения	2	0,9	23	9,8	7	2,9	62	26,5
5.	Усеченные пласт.	-	-	10	4,3	49	21,0	59	25,2
Обработка пластины									
1.	Пластины, ретушированные по 2 краям с дорсала	1	0,4	5	2,1	1	0,4	7	2,9
2.	по 1 краю с дорсала	4	1,7	4	1,7	4	1,7	12	5,1
3.	по 1 краю с вентрат	1	0,4	4	1,7	5	2,1	10	4,5

Таблица 2

Техника фрагментации и обработки пластин ранненеолитического культурного слоя поселения Тыткескень 6

N n/n	Наименование типов изделий	Крупные пластины		Средние пластины		Мелкие пластины		Итого	
		кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%
4.	по 2 краям с вентр.	-	-	1	0,4	2	0,8	3	1,3
5.	с боковым резцовым сколом	1	0,4	4	1,7	2	0,8	7	2,9
6.	Резчики	-	-	-	-	3	1,3	3	1,3
7.	Пластины с 1 краем ретушир. двусторон.	1	0,4	2	0,8	1	0,4	4	1,7
8.	2 края ретушировано с вентрала и притуплен торец	-	-	1	0,4	3	1,3	4	1,7
9.	2 края с вентрала и диагональн. резцовой скол	-	-	1	0,4	-	-	1	0,4
10.	Пластины с выемкой	2	0,8	1	1,4	-	-	3	1,3
11.	Пластины с 2 выемками и скребковымлезвием на торце	1	0,4	-	-	-	-	1	0,4
12.	Пластины с ретушью по 1 краю с вентрала и скребковым лезвием на торце	1	0,4	-	-	-	-	1	0,4
13.	1 край обработан с вентрала, 1 с борсала	-	-	-	-	3	1,3	3	1,3
14.	Пластины с притупленной "спинкой"	-	-	-	-	1	0,4	1	0,4

Таблица 3

**Типо-лист составных элементов индустрии культурного слоя
большемысской культуры поселения Тыткескень 6**

№ n/ n	Наименование типов изделий	Кол.	%	№ рис.	№ илл.
Техника расщепления					
1.	Отщепы крупные	19	0,9		
2.	средние	114	5,6		
3.	мелкие	921	45,3		
4.	Осколки крупные	5	0,2		

№ n/ n	Наименование типов изделий	Кол.	%	№ рис.	№ илл.
5.	средние	20	0,9		
6.	мелкие	56	2,8		
7.	Чешуйки	548	27,0		
8.	Обломки галек и желваков крупные	6	0,3		
9.	Гальки со сколами крупные	2	0,1		

Таблица 3

Типо-лист составных элементов индустрии културного слоя балхашской культуры поселения Тынысский. 6

№ п/п	Наименование типов изделий	Кол.	%	№ рис.	№ илл.
10.	Опцаты первичные крупные	11	0,5		
11.	средние	7	0,34		
12.	мелкие	14	0,7		
13.	Резерватные оцаты крупные	7	0,34		
14.	средние	2	0,1		
15.	мелкие	7	0,34		
16.	Снипы ударных площадок	2	0,1		
17.	Снипы фронна скапывания	3	0,35		
18.	Пластинчатые оцаты крупные	15	0,73	5	24, 25, 30
19.	средние	23	1,3	5	26-29
20.	мелкие	32	1,6		
21.	Пластинки крупные	8	0,39	5	20-22
22.	средние	14	0,7	5	7, 8, 16-19
23.	мелкие	27	1,3	5	9-15
24.	Нуклеусы коническые	2	0,1	5	2-3
25.	подпрямит-ческие	1	0,05	5	1
26.	Нуклеидные изделия	3	0,15		
27.	Нуклеидные обломки	2	0,1		
Орудийный набор					
28.	Опцаты с рету-шью крупные	14	0,7	2	1, 2
29.	средние	30	1,47		
30.	мелкие	14	0,7		
31.	Скребила	4	0,19	4	17, 18
32.	Скребки конче-ные на пластине	2	0,1	4	19
33.	конечные на пласт. оцате	3	0,15	2, 5	3, 5
34.	"полуовальные"	3	0,15	5	4

№ п/п	Наименование типов изделий	Кол.	%	№ рис.	№ илл.
35.	посредственные	2	0,1	4	20
36.	с ретушью по периметру	1	0,05	4	21
37.	концевые на оцате	1	0,05		
38.	двойной концевой на оцате	1	0,05		
39.	случайных форм	6	0,29		
40.	Скобели зубчатые	6	0,29		
41.	высечные	4	0,19		
42.	зубчато-высечные	5	0,2		
43.	фигурные	3	0,15	3	7
44.	Резцы средние	6	0,29		
45.	угловые	2	0,1	5	32, 33, 38
46.	боковые	4	0,19	5	35, 36, 37
47.	Резчики	1	0,05	5	23
48.	Острия	2	0,1	3	6
49.	Стандартное круглое скребло	1	0,05		
50.	Бифасы: обломки конжа	2	0,1	4	16
51.	скобели	2	0,1	3	1
52.	ножи	5	0,2		
53.	обломки изделий	4	0,19	3	2, 4
54.	долото	1	0,05	3	3
55.	микродолото	3	0,15		
56.	Никон-чики стрел	29	1,4	4	1-15
57.	Сколы с микрофоновым орудий	10	0,49	3	8
	ИТОГО:	2031	100%		

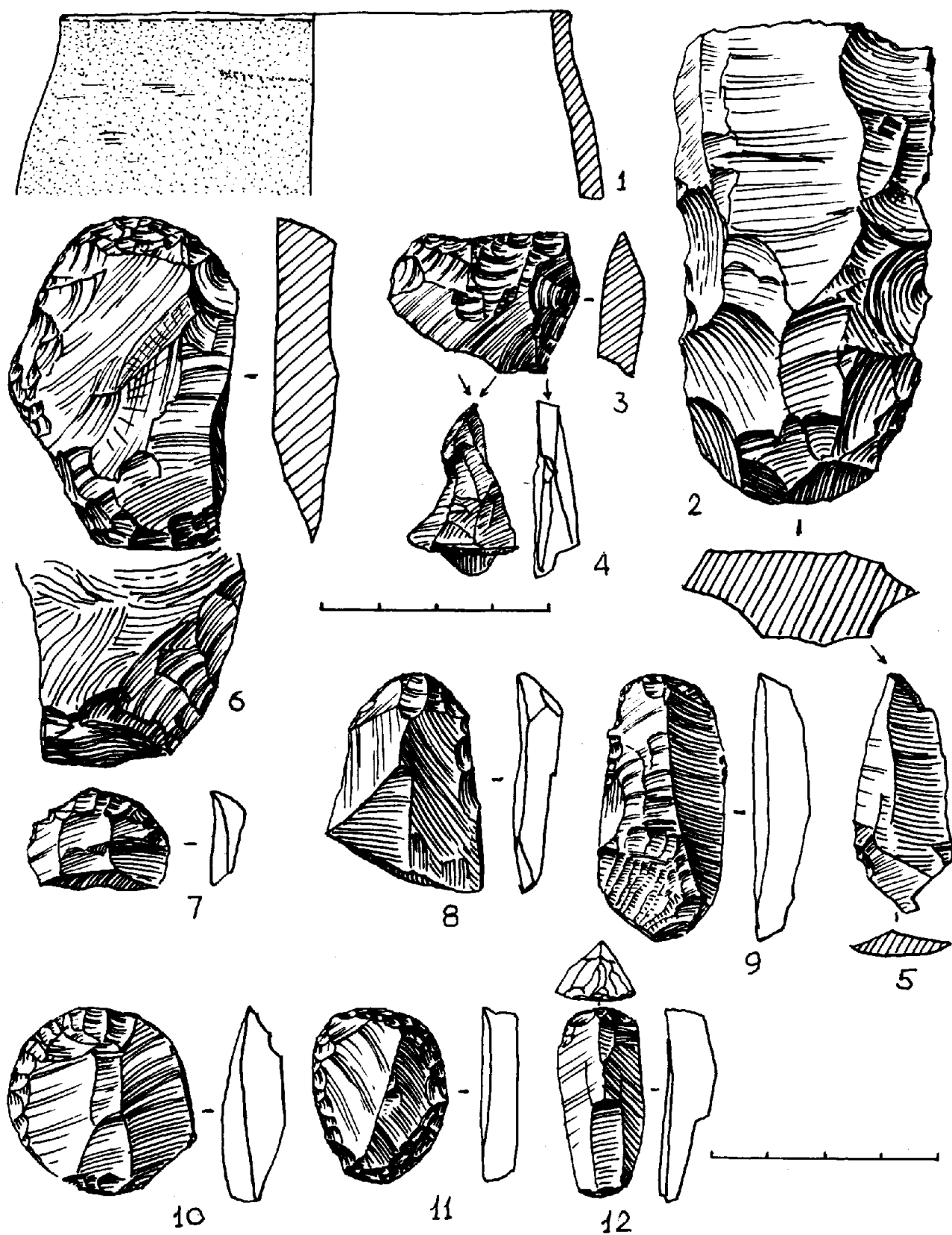

Рис. 1. Ранненеолитические находки с поселения Тыткескен' 6

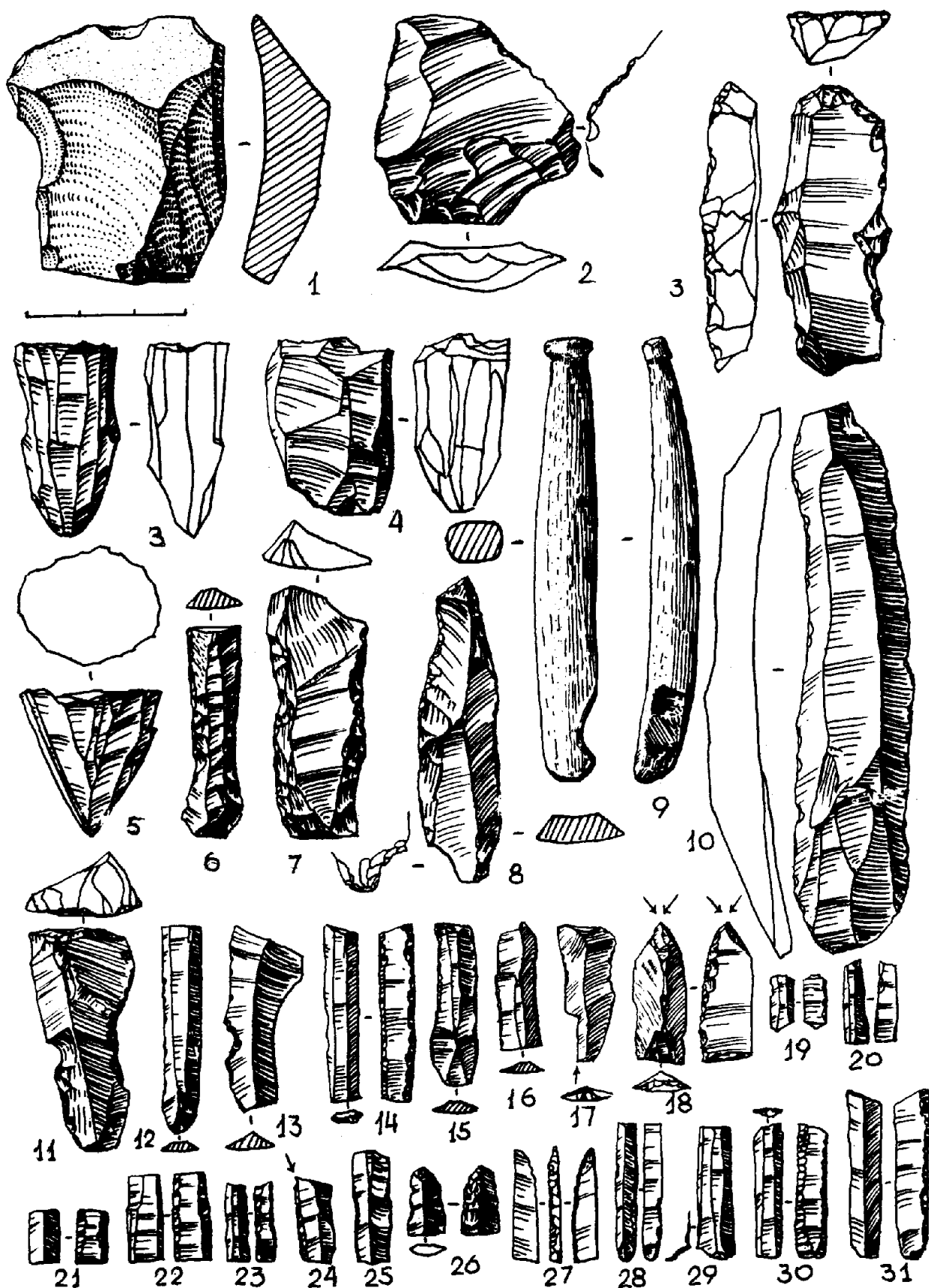

Рис. 2. Большемысские (1-3) и раннеолитические находки с поселения Тыткескень 6

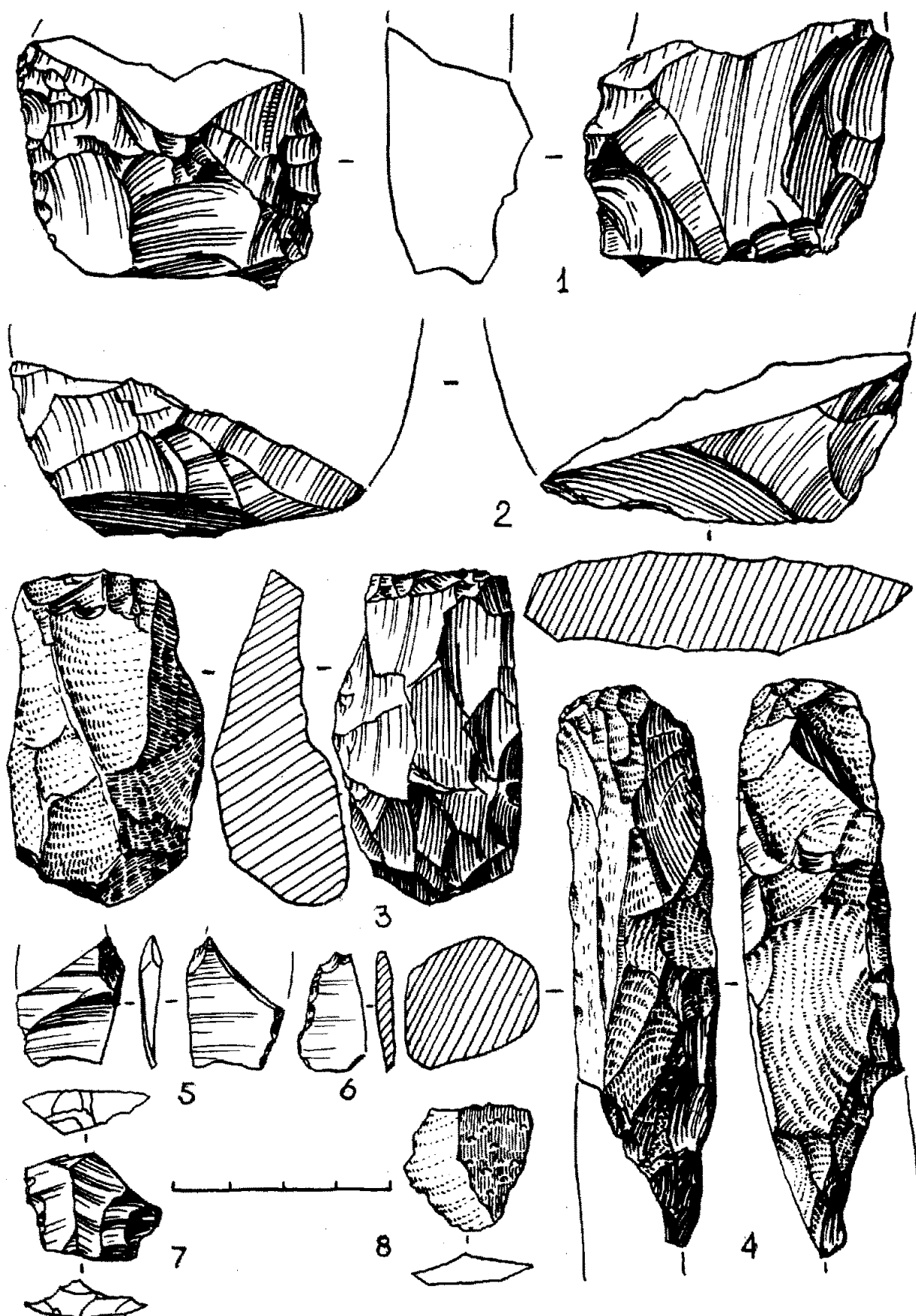

Рис. 3. Каменные орудия большемысской культуры с поселения Тыткескень 6

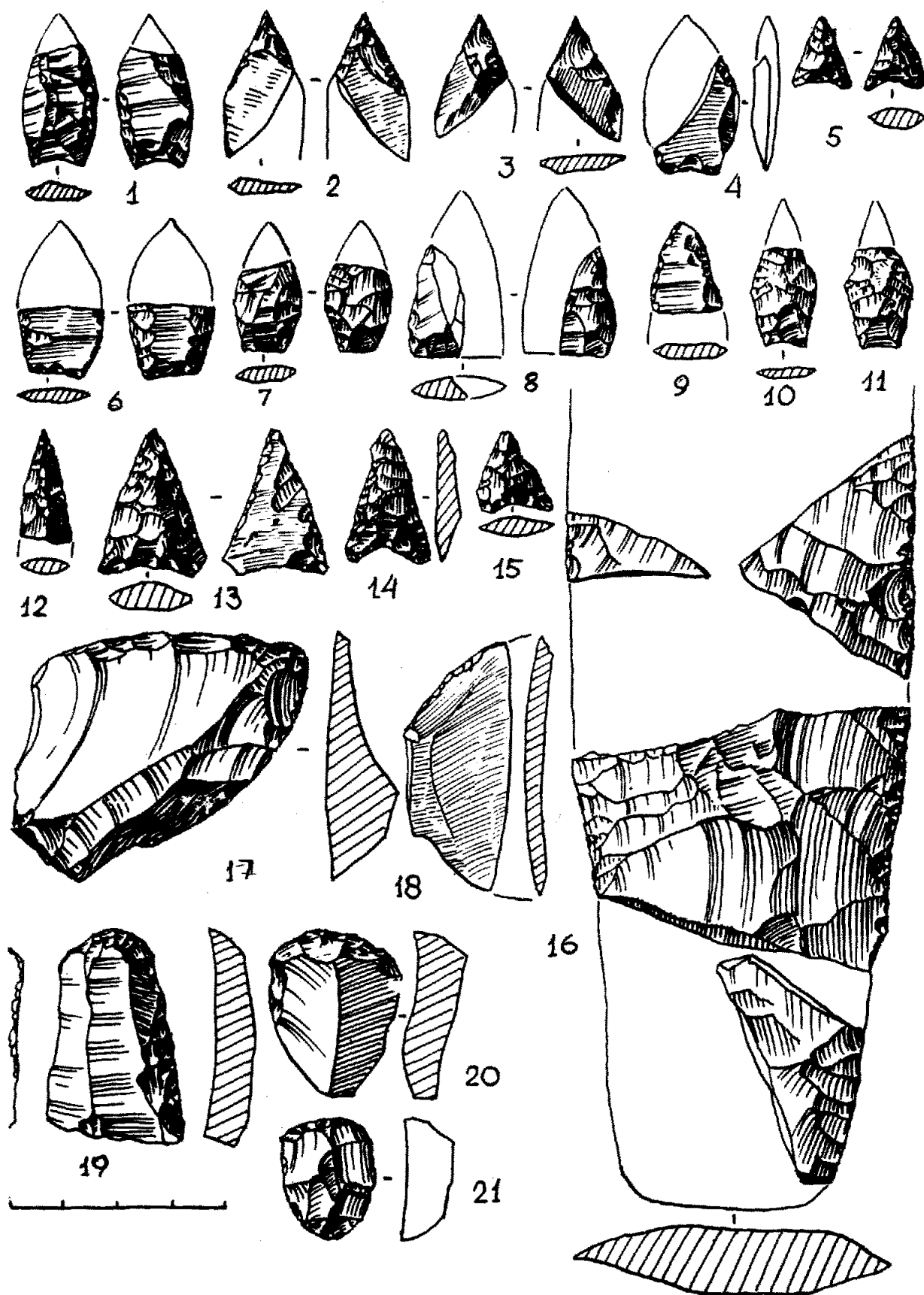

Рис. 4. Каменные орудия большемысской культуры с поселения Тыткескень 6

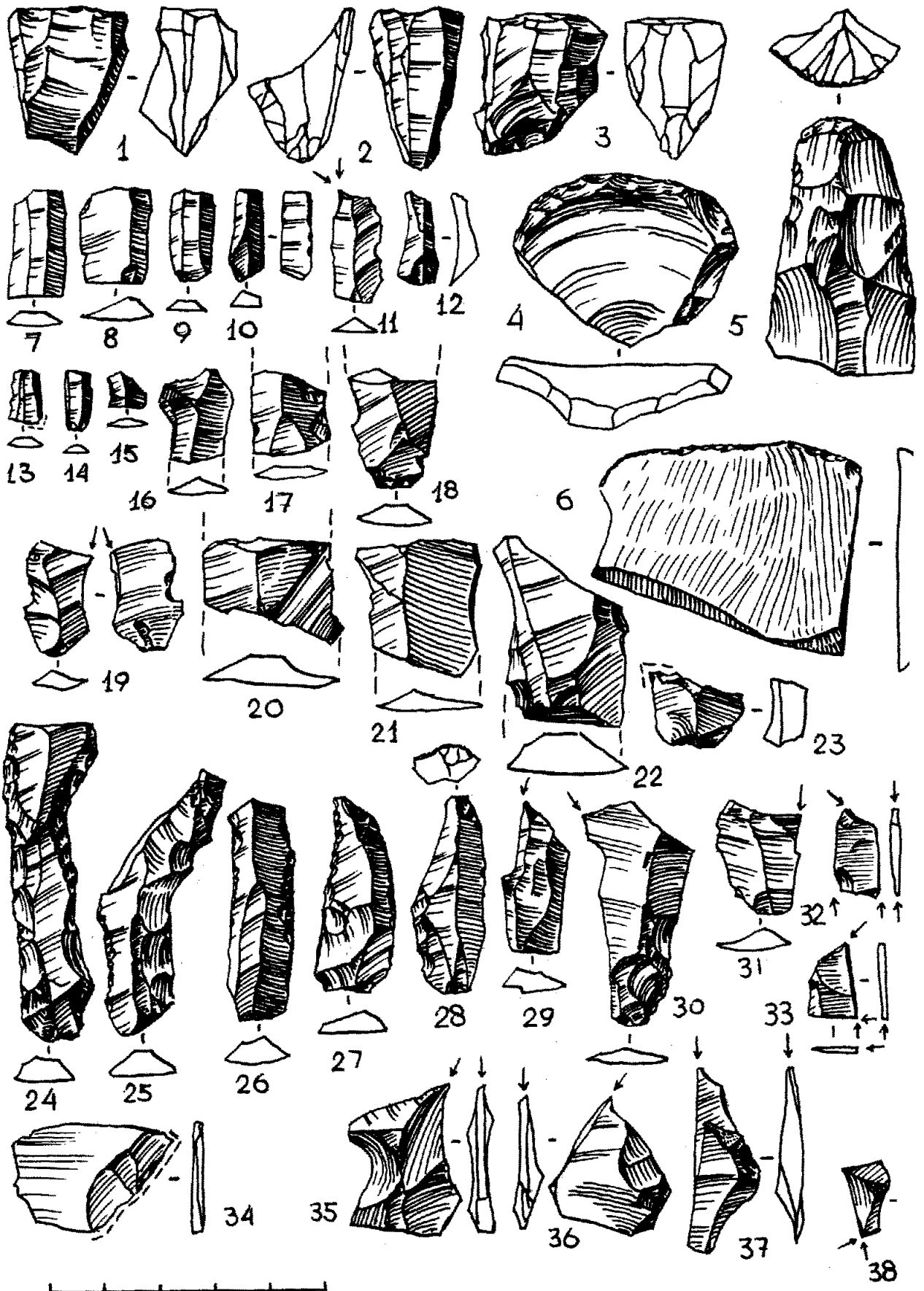

Рис. 5. Каменные орудия большемысской культуры с поселения Тыткескень 6

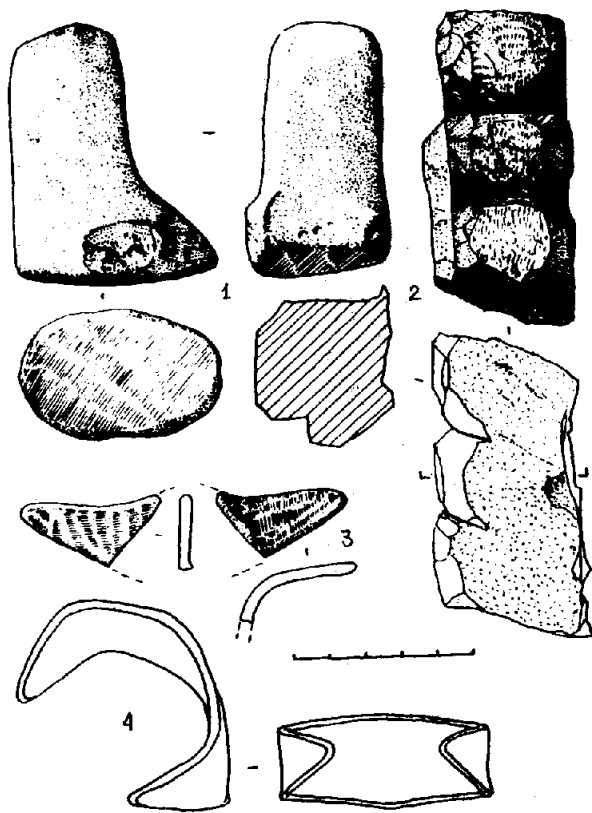

Рис. 6. Каменные изделия большемысской культуры с поселения Тыткескень 6.
4 - возможная реконструкция каменного браслета

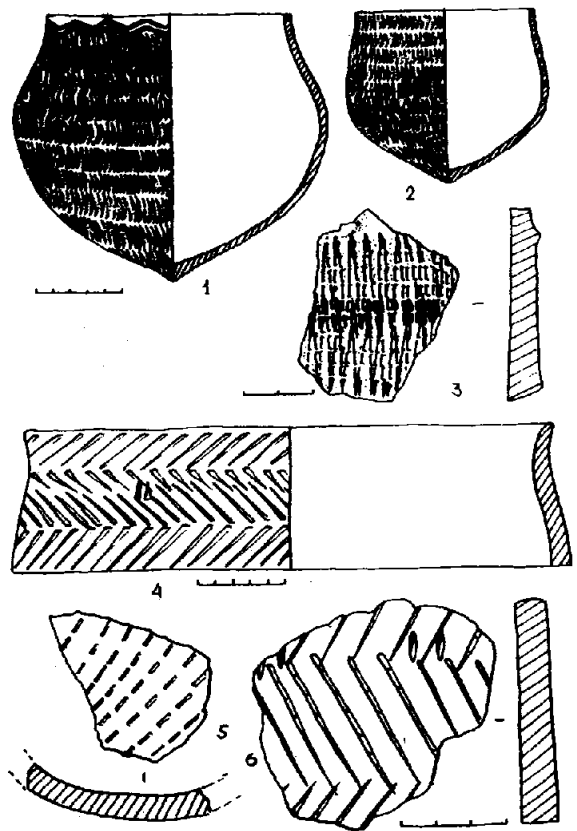

Рис. 7. Керамика большемысской культуры (1-3) и эпохи бронзы с поселения Тыткескень 6

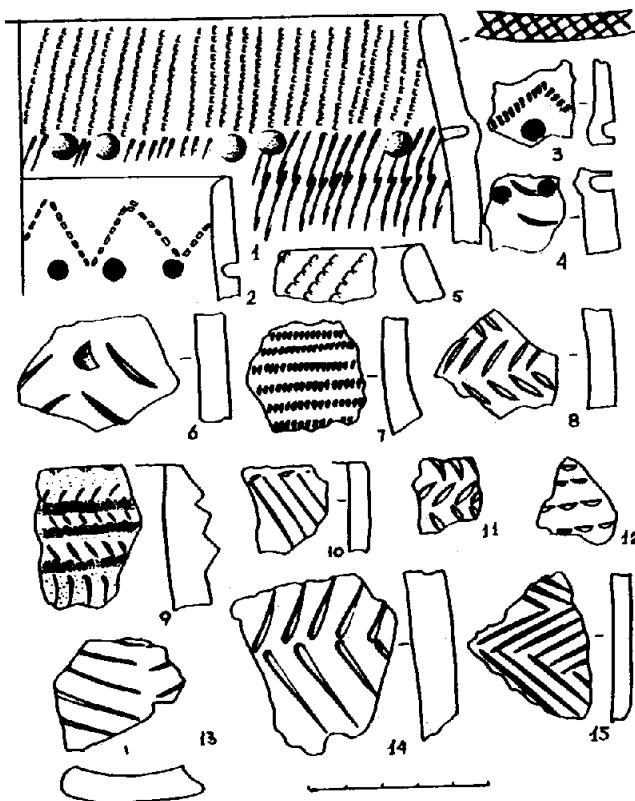

Рис. 8. Керамика эпохи бронзы с поселения Тыткескень 6

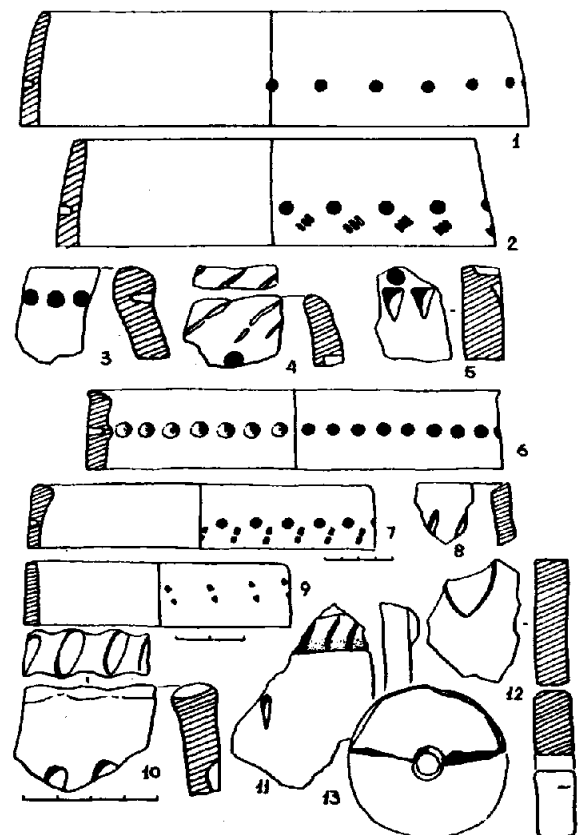

Рис. 9. Керамика и пряслице раннего железного века с поселения Тыткескень 6

А. А. Тишкин

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СКИФСКОЙ ЭПОХИ ГОРНОГО АЛТАЯ

История археологического исследования Горного Алтая насыщается уже многие десятилетия. Однако вопросы происхождения, становления и развития скифской культуры в этом регионе остаются до сих пор дискуссионными. Не решены эти проблемы современной скифологией и в объеме культурных границ существования древних народов Евразии этого времени, хотя такое изучение проводилось как на отдельном научно-исследовательском уровне (этнолингвистическом, археологическом, антропологическом, искусствоведческом, интерпретации данных письменных источников и др.), так и в их различной совокупности [23]. Стоит заметить, что многие поставленные вопросы этой общей темы зачастую решались и развивались преимущественно в рамках Восточной Европы, а затем уже использовались при изучении других регионов. Такой подход имел свои положительные и отрицательные стороны, что являлось, на наш взгляд, объективно неизбежным в процессе развития научной мысли.

В журнале «Российская археология» при содействии созданного в 1990 г. при Институте археологии РАН координационного совета по проблеме «Скифско-сибирский мир: археологический феномен и историческое явление», в последние годы развернулась широкая дискуссия по вопросам хронологии раннескифской культуры, так как с накоплением нового материала, наметилась тенденция к удревнению наиболее ранних памятников скифского типа, но пока не установлены твердые критерии для определения абсолютных дат при решении этой проблемы, хотя существуют научно обоснованные концепции относительной хронологии скифской культуры на территории Восточной Европы [21, 19, 24, 25, 28, 36 и др.]. Для Горного Алтая подобный уровень обобщений будет возможен лишь тогда, когда появится достаточное количество необходимого археологического материала. Перспективными в этом плане являются широкомасштабные исследования на Средней Катунь, где уже сейчас известно и изучено большое количество разновременных памятников скифской эпохи. При введении в научный оборот этих полученных при раскопках и обследованиях материалов необходимо иметь более или менее четкое представление о сложении и развитии культурно-хронологических концепций решения проблемы формирования и существования скифской эпохи в Горном Алтае, чтобы избежать непродуманных предположений, определений и датировок особенно при одностороннем представлении имеющихся археологических данных. Для этого необходимо рассмотреть эволюцию научных идей, гипотез, обоснований, открытий и доказательств по интересующим нас вопросам в теоретико-практическом плане.

В исторической науке период между VII и III вв. до н. э. принято называть «скифским», а время, соответствующее началу железного века (с конца IX—начала VIII вв. до н. э. по VII в. до н. э.) «предскифским». Часто археологи выделяют переходный период от бронзового века к железнному, определяя его в рамках VIII—первая половина VII вв. до н. э. [31, с. 5–7]. Однако ряд исследова-

телей (А. А. Иессен, М. П. Грязнов, Г. И. Смирнова и др. не выделяли предскифский период, а предлагали начинать скифскую эпоху с VIII в. до н. э., т. е. со времени распрстранения ранних кочевнических комплексов [31, 12, 1 и др.]. В связи с этим широко используется понятие раннескифское время, рассматриваемое раньше пределах VII–VI вв. до н. э., сейчас — в рамках VII–VI и XI–VI вв. до н. э. [20, 22, 17, 30, 34 и др.] и отражаемь начальные этапы формирования скифской культуры.

На сегодняшний день существует ряд культурно-хронологических концепций решения проблемы формирования и развития скифской эпохи, предтечей которых было разделение в 1918 г. А. А. Спицыным данного периода истории на три этапа: старшескифский (вторая половина VII–VI вв. до н. э.), среднескифский (конец V IV вв. до н. э.) и позднескифский (VI—первая половина III вв. до н. э.) [31, с. 49]. Такое же принципиальное деление в 1939 г. предложил М. П. Грязнов, определив археологические памятники скифской эпохи Горного Алтая в три основные группы, соответствующие следующим этапам исторического развития: маймирский (VII–V вв. до н. э.), пазырыкский (V–III вв. до н. э.) шибинский (II в. до н. э.—I в. н. э.) [6]. В 1947 г. исследователь детально обосновал вышепредложенную схему [7], а в последующее время несколько ее изменил. Так, в 1956 г., отметив сходство и различие большереченских памятников на Верхней Оби и маймирских на Алтае М. П. Грязнов сузил датировку маймирского этапа VI вв. до н. э. [8, с. 71], а после раскопок кургана Аржв в Туве им была пересмотрена дата памятника «начального этапа скифской культуры» на территории Евразии [9]. Этот период времени на Алтае, названный в 1978 г. особым (куртуским) этапом (VIII–VII вв. до н. э.), являлся предшествующим маймирскому и синронным аржанскому типу памятников в Туве [9, с. 17]. Рассмотренная выше схема, несмотря на некоторую условность и искусственность, имела большое значение при изучении скифской эпохи Горного Алтая и используется некоторыми исследователями до сих пор.

Следующим значительным шагом в развитии проблемы периодизации скифской эпохи стала статья М. П. Грязнова [11, с. 3–18], где период с IX по VII вв. до н. э. обозначен аржано-черногоровской фазой сложения скифо-сибирских культур и дана подробная характеристика проявления общих черт в памятниках различных исторических областей евразийского пояса степей. Отмечая то, что Горный Алтай, несомненно переживал начальную фазу развития культуры скифско-сибирских племен и имел определенное своеобразие данный период времени, все же археологические материалы, по мнению ученого, еще были совершенно недостаточны и фрагментарны для полного обоснования такого этапа [11, с. 9].

Кроме М. П. Грязнова, вопросами терминологии и периодизации интересующей нас эпохи в свое время занимались и другие исследователи. Так, С. В. Кисел выделял две стадии «скифообразной» маймирской культуры — раннюю (VII–VI вв. до н. э.) и позднюю (V IV вв. до н. э.), а период с III по I вв. до н. э. он называл уже гунно-сарматским временем, включая сю

пазырьскую эпоху Алтая [14; 15; 16, с. 288–392]. С. И. Руденко «скифским временем» называл период с VII по IV вв. до н. э. без разделения на этапы [26, с. 164], а С. И. Вайнштейн, определяя археологические памятники Тувы, назвал период до V в. до н. э. «доскифским временем» [5, с. 25] и т. д.

В последнее десятилетие учеными предложено еще несколько культурно-хронологических концепций рассмотрения и осмысления накопившегося археологического материала. Хотя практически все они остаются в рамках разработок М. П. Грязнова, все же есть новые обоснованные уточнения и предложения, особенно при рассмотрении начального этапа скифской культуры, так как от решения этой проблемы зависит понимание дальнейшего развития древнего общества на Алтае. В 1985 г. Л. С. Марсадолов, разбил по времени возникновения памятники Горного Алтая на два больших культурно-хронологических этапа. Один из них (майэмйрский) он предлагал датировать VIII–VII вв. до н. э., возможно, первой четвертью VI вв. до н. э., а другой этап (пазырьский) условно ограничить VI–IV вв. до н. э. [20, с. 10–11, 15]. При этом в майэмйрский период он включил две группы памятников («скорченники» и «вытянутые»), занимавшие разные районы Алтая. Свои выводы исследователь делает на основе комплексного подхода при датировании материалов раскопанных курганов Алтая, для чего использованы данные археологии, дендрохронологии и радиоуглеродного анализа. Это позволило найти хронологические «опорные точки» (абсолютные даты), хронологические «индикаторы» (псалли, удила, пряжки) и выявить близкие группы памятников [20]. Кроме этого, предложено синхронизировать с известными историческими датами и событиями изменения в формировании и развитии выделенных культурно-хронологических этапов: завершение майэмйрского и начало пазырьского этапа связано с разгромом Ассирии мидийцами (около 585 г. до н. э.), затем на протяжении двух столетий заметное влияние оказывала усиливавшаяся держава иранских Ахеменидов, конец же пазырьского этапа совпадает с походами А. Македонского в Малую и Среднюю Азию, что повлекло большие перемещения племен и народов (330–320 гг. до н. э.). В 1986 г. Н. А. Боковенко начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая рассматривал (по материалам конского снаряжения) в рамках VIII–VII вв. до н. э., возможно, IX–VII вв. до н. э., так как формирование «скифских форм узды» относится к IX–началу VIII вв. до н. э. [3, с. 18], а при выделении пяти вариантов погребального обряда всадников определенных территориально-хронологических рамок раннескифское время он определяет IX–VI вв. до н. э. [4, с. 47]. Появление даты IX в. до н. э. в хронологических периодах скифской эпохи связано с публикацией С. С. Сорокиным материалов могильника Курту 2 [29, с. 43–47], а затем со статьей Ф. Х. Арслановой [2, с. 46–60] и работой по проблемам датирования сакской культуры [1, с. 50]. Предлагаемая столь ранняя дата начала скифской эпохи принимается не всеми исследователями и требует более четких обоснований от авторов данной гипотезы.

На конференции «Скифская эпоха Алтая», посвященной 100-летию со дня рождения С. И. Руденко, Н. Ф. Степанова, выделяя «особый тип погребений в каменных ящиках», называет его «куюмским», датирует раннескифским периодом (VIII–VI вв. до н. э.) и отмечает отличие от памятников пазырьского типа [30, с. 79–81]. Тогда же П. И. Шульга привел основания

для рассматривания пазырьской культуры как единой (VI–II вв. до н. э.) для скотоводческой зоны Горного Алтая и включающей в себя несколько типов погребений [37, с. 20–23].

Наиболее развернутую схему в 1986 г. предложил В. А. Могильников при рассмотрении памятников раннескифского времени Горного Алтая [22, с. 35–67]. Он разделил их на два этапа (куртуский — VIII–VII вв. до н. э. и майэмйрский — VII–VI вв. до н. э.) в рамках особой майэмйрской культуры, используя термин С. В. Киселева [14, с. 157–172], но несколько в другой интерпретации, и отметил ее распространение в двух локальных районах: северном (усть-куюмский) и южном (куртуско-катонский). На основе усть-куюмского локального варианта, по мнению исследователя, формируется население кара-кобинской культуры V–III до н. э., а пазырьская культура с конца VI в. до н. э. представляет сложное образование в результате взаимодействия местного населения и племен, пришедших из степей Казахстана [22, с. 53]. Предложенная В. А. Могильниковым схема этнокультурного развития племен Горного Алтая в раннем железном веке на основе обнаруженного в то время материала, на наш взгляд, выглядела в общем гипотетичной и в некотором плане искусственной, но не лишенной логичности, и имела принципиально новый подход к решению культурно-хронологической проблемы формирования и развития скифской эпохи, определив тем самым задачи и направления дальнейших исследований как практических, так и теоретических. Периодизацию В. А. Могильникова в целом поддержал А. С. Суразаков [33], существенно дополнив ее фактическим материалом и обозначив круг археологических источников формирования ранних и последующих этапов скифской культуры.

В 1991 г. Д. Г. Савинов, рассматривая возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени, представил схему последовательно сменяющихся археологических культур Горного Алтая [27, табл. 1]. Появление первых памятников скифского типа на Алтае (майэмйрская культура; Курту) связано с 770 г. до н. э., когда заканчивает существование государство Западное Чжоу, павшее под давлением кочевых племен из Центральной Азии, отмечается закат культуры херексурсов в Монголии и каменнолоужского этапа карасукской культуры в Минусинской котловине. Первый (башадарский) этап пазырьской культуры синхронен созданию Ахеменидской империи (550 г. до н. э.), второй этап связан с усилением этой державы. 20-е годы IV в. до н. э. — это завоевания А. Македонского в Средней Азии — в Горном Алтае, по мнению Д. Г. Савинова, это шибинский этап пазырьской культуры и появление кара-кобинской культуры. Стоит заметить, что все это время рассматривается доминирующей западной линией синхронизации, лишь с 201 г. до н. э. (северный поход Маодуя) она меняется на восточную [27, с. 93–94]. Отмеченные Д. Г. Савиновым, Л. С. Марсадоловым и ранее некоторыми другими исследователями возможности определения событий, являющихся источниками трансформации культуры населения Горного Алтая в скифскую эпоху, представляются нам важными при рассмотрении и интерпретации археологического материала, особенно это касается стадий переходных этапов от одной культуры к другой.

В 1992 г. на конференции «Проблема сохранения, использования и изучения памятников археологии» (г. Горно-Алтайск) Ю. Ф. Кирушиным,

М. Т. Абдуганеевым, С. В. Неверовым, при подведении некоторых итогов работы Алтайского госуниверситета на Средней Катунь, к майэмйрскому этапу (VIII–VI вв. до н. э.) отнесены памятники Элекмонар 2, Бийке, Бойтыгем 2 (куюмский тип), а Кайнду, Верх-Еланда 2, Тыткескен 1, 6 — к пазырыкскому (VI–IV вв. до н. э.) [13]. Тогда же В. А. Кочеев, называя ряд вновь открытых и изученных памятников раннескифского времени Горного Алтая в бассейне среднего течения Катунь, определил их в «достаточно обособленную группу памятников, характерную именно для этого региона», а погребения в каменных ящиках (усть-куюмский тип) разделил на две группы: 1 — погребения в ящиках с сопроводительным захоронением коней; 2 — погребения в ящиках без коней, отметив, что более детальная хронологическая разбивка возможна с накоплением большого фактического материала [17, с. 51]. Действительно, массовые раскопки раннескифских памятников на Средней Катунь позволяют исследователям в ближайшее время вплотную заняться более подробной и конкретной разработкой вопросов культурно-хронологического порядка.

Вышедший в 1992 г. очередной том серии «Археология СССР», названный «Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время», отводит обозначенной в нашей статье проблеме большое место. Так, по типам вещей и деталям погребального обряда, памятники Горного Алтая М. П. Грязновым разделены на четыре последовательных хронологических этапа: куртуский (VIII–VII вв. до н. э.) выделен по небольшой пока серии небогатых могил, случайно найденным орудиям и по так называемым оленним камням; майэмйрский (VII–VI вв. до н. э.), представлен несколькими курганами и случайными находками уздечных комплексов характерного типа; пазырыкский (V–III вв. до н. э.), хорошо известен по малым курганам и по серии царских могил в Пазырыке, Тузкте и Башадаре; шибинский (II в. до н. э. — I в. н. э.), также представлен разными курганами [32, с. 163]. Подобная периодизация, даже учитывая сроки подготовки тома, явно запоздала по своему схематическому решению культурно-хронологической проблемы эпохи. Однако весьма актуальны здесь примечания о том, что М. П. Грязнов понимал искусственность деления особенно двух первых этапов, не отражающих реальных исторических событий, и то, что выделение начальной фазы культуры ранних кочевников носит в его последних работах гипотетичный характер [32, с. 164]. Исходя из того, что трудно пока четко отделить майэмйрский этап от куртуского, а с накоплением материала сама характеристика майэмйрского этапа изменится, как изменится и, вероятно, его название, потому что памятник, давший это название (Майэмир) включен в предшествующий этап, то авторы тома предлагают ранний этап обозначить куртуско-майэмйрским в рамках VIII–VI вв. до н. э. [32, с. 164–166], что, на наш взгляд, вообще не является решением проблемы даже в рамках простой характеристики культуры, а наоборот, приводит к новым искусственным терминам и условностям, в которых как раз и теряется тенденция установления хронологической последовательности, а может быть и культурной преемственности исследованных археологических памятников. Таким образом, представленный раздел, посвященный Горному Алтаю, больше важен как свод накопленного к тому времени конкретного материала, а не как отражение определенных современных теоретических разработок и положений.

Опубликованное в 1993 г. сообщение Т. В. Чугунова о вопросах датировки больших Пазырыкских курганов [35, с. 167–169] с привлечением материалов зарубежных исследователей по этой проблеме возвращает нас к старой теме и заставляет вновь посмотреть на прежние исследования с другой позиции, а это влечет за собой целую серию изменений хронологического и культурного порядка, что может сформировать несколько отличную от предыдущих решений концепцию в результате «омоложения» больших курганов Алтая, а затем и Аржана.

Подводя итог анализу некоторых аспектов культурно-хронологического решения проблемы изучения скифской эпохи Горного Алтая, необходимо отметить то, что существование большого количества точек зрения на одни и те же проблемы связано, прежде всего, с отсутствием достаточного количества информации о результатах раскопок и более конкретной теоретической базы для интерпретации имеющегося материала. Поэтому необходимо в ближайшие годы провести совещание или научную конференцию, посвященную этим проблемам и издать сборник статей по данной теме.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Акишев К. А., Акишев А. К. Проблемы хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1979.
2. Арсланова Ф. Х. Погребальный комплекс VIII–VII вв. до н. э. из Восточного Казахстана // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 46–60.
3. Боковенко Н. А. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения) // Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1986. 24 с.
4. Боковенко Н. А. Некоторые особенности формирования погребального обряда ранних кочевников Саяно-Алтая и Казахстана // Скифская эпоха Алтая: Тезисы докладов к конференции. Барнаул, 1986. С. 46–48.
5. Вайнштейн С. И. Тува в эпоху первобытнообщинного строя // История Тувы. Т. 1. М., 1964.
6. Грязнов М. П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования Древнерусского государства. Макет. Ч. II. Л., 1939.
7. Грязнов М. П. Памятники майэмйрского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Вып. 18. М.–Л., 1947.
8. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. № 48. М.–Л., 1956.
9. Грязнов М. П. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. № 154. М., 1978. С. 9–18.
10. Грязнов М. П. Аржан — царский курган раннескифского времени. М., 1980.
11. Грязнов М. П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. С. 3–18.
12. Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР // СА. Вып. XVIII. 1953.
13. Кирушин Ю. Ф., Абдуганеев М. Т., Неверов С. В. Аварийные раскопки на Средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии: Материалы конференции. Горно-Алтайск, 1992. С. 26–27.

14. Киселев С. В. Алтай в скифское время (майэмирская культура) //ВДИ. № 2. 1947. С. 157–172.
15. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири// МИА. № 9. М., 1949.
16. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.
17. Кочеев В. А. Раннескифские памятники Средней Катунь//Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии: Материалы конференции. Горно-Алтайск, 1992. С. 51.
18. Кубарев В. Д. Олений камень с р. Катунь//Охрана и изучение культурного наследия Алтая: Тезисы. Ч. 1. Барнаул, 1993. С. 146–149.
19. Мансфельд Г. Опыт периодизации скифских древностей//Российская археология. № 3. 1992. С. 108–112.
20. Марсадолов Л. С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н. э.)//Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.
21. Медведская И. Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток//Российская археология. № 3. 1992. С. 86–107.
22. Могильников В. А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке//Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 35–67.
23. Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранние скифы и Древний Восток: К истории становления скифской культуры. М., 1992. 260 с.
24. Погребова М. Н. О принципах датировки скифской архаики//Российская археология. № 2. 1993. С. 84–97.
25. Раевский Д. С. О логике построения раннескифской хронологии//РА. № 2. 1993. С. 79–84.
26. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960. 359 с.
27. Савинов Д. Г. Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени// Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тезисы докладов к всесоюзной научной конференции. Барнаул, 1991. С. 93–96.
28. Смирнова Г. И. Памятники Среднего Поднепровья в хронологической схеме раннескифской культуры// РА. № 2. 1993. С. 104–118.
29. Сорокин С. С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы//АСГЭ. Вып. 8. Л., 1966.
30. Степанова Н. Ф. Куломский тип памятников VIII–VI вв. до н. э.//Скифская эпоха Алтая: Тезисы докладов к конференции. Барнаул, 1986. С. 79–81.
31. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. 464 с.
32. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. 493 с.
33. Суразаков А. С. Об этногенезе населения Горного Алтая рубежа эпохи бронзы и скифского времени// Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: Тезисы докладов и сообщений к научной конференции. Барнаул, 1988. С. 168–171.
34. Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989. 215 с.
35. Чугунов К. В. Датировка Больших Пазырьских курганов — новый виток старой дискуссии//Охрана и изучение культурного наследия Алтая: Тезисы. Ч. 1. Барнаул, 1993. С. 167–169.
36. Шер Я. А. О статье И. Н. Медведской «Периодизация скифской архаики и древний Восток»//РА. № 2. 1993. С. 98–100.
37. Шульга П. И. К вопросу о культуре скотоводов Горного Алтая в VI–II вв. до н. э.//Скифская эпоха Алтая: Тезисы докладов к конференции. Барнаул, 1986. С. 20–23.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.Н. Владимиров, Н.Ф. Степанова</i> ИССЛЕДОВАНИЕ АФАНАСЬЕВСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА МЕТОДОМ АВТОМАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ.....	3
<i>Л.Н. Смердина, А.Р. Ким, Г.А. Кошкин</i> МЕЗИОЦИСТАЛЬНЫЕ РАЗМЕРЫ ЗУБОВ У БАЧАТСКИХ ТЕЛЕУТОВ (краниологический материал)	8
<i>Н.Ф. Степанова, С.В. Неверов</i> КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ВЕРХ-ЕЛАНДА II	11
<i>М.Т. Абдулганеев, О.В. Ларин</i> АФАНАСЬЕВСКИЕ ПАМЯТНИКИ БОЙТЫГЕМА	24
<i>М.Т. Абдулганеев</i> МАЙЭМИРСКИЕ КУРГАНЫ БОЙТЫГЕМА	37
<i>А.Л. Кунгуров</i> ВЕРХНИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СЛОИ ПОСЕЛЕНИЯ ТЫТКЕСКЕНЬ 3	43
<i>Ю.Т. Мамадаков</i> РИТУАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БУЛАН-КОВИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ.....	58
<i>Е.М. Берс, Ю.С. Худяков</i> ПОГРЕБЕНИЕ У с. БИЧИКТУ-БОМ	63
<i>А.С. Суразаков</i> ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПАЗЫРЫНКЦЕВ	71
<i>А.П. Бородовский</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ОДНОГО ИЗ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ НА СРЕДНЕЙ КАТУНИ.....	75
<i>Г.В. Кубарев</i> ДРЕВНЕТЮРКСКИЙ КЕНОТАФ ИЗ БИКЕ 3	82
<i>О.В. Ларин, А.С. Суразаков</i> РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА ЧОБА 7.....	86
<i>Ю.С. Худяков, С.Г. Скобелев, Е.Б. Долговесова</i> ПЕТРОГЛИФЫ БУЗУРГАШ	91
<i>В.П. Мыльников, Тэцу Масумото</i> ПОГРЕБЕНИЕ АЛТАЙЦА-ТЕЛЕНГИТА НА СРЕДНЕЙ КАТУНИ.....	93
<i>В.П. Семибратов</i> ФИНАЛЬНОМЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ТЫТКЕСКЕНЬ 3	97
<i>Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров</i> МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ТЫТКЕСКЕНЬ 6 НА КАТУНИ	111
<i>А.А. Тишкин</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СКИФСКОЙ ЭПОХИ ГОРНОГО АЛТАЯ.....	124

АРХЕОЛОГИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ

Сборник научных статей

Редактор В. Соколов
Тех. редактор Л. Зеленцова
Корректор Н. Тырышкина

Подписано в печать 10.01.95. Формат 60х84/8. Бумага для множительных аппаратов. Печать
офсетная. Усл.-печ. л. 14,88. Тираж 300 экз. Заказ 010.

Издательство Алтайского государственного университета: 656099, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66.

АРХЕОЛОГИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ

Сборник научных статей

В статьях настоящего сборника подводятся итоги изучения археологических памятников Алтая. Хронологический диапазон рассматриваемых проблем широк: от позднего мезолита до средневековья. В научный оборот вводятся новые оригинальные материалы по афанасьевской и скифской культурам, гунно-сарматскому периоду и тюркской эпохе. На конкретном археологическом материале анализируются вопросы культурогенеза, хронологии, искусства, торевтики, военного дела и хозяйства древнейших обитателей региона. Сборник рассчитан на специалистов историков, археологов, искусствоведов, преподавателей истории, краеведов и студентов.

